

лбу между глазами 0.43 м. Длина роговъ съ наружной стороны 0.775 м., съ внутренней 0.50 м.; они были сильно изогнуты; въ обхватѣ у корня рога имѣли 0.36 м.; разстояніе между концами роговъ равнялось 0.31 м. Обхватъ головы поверхъ носа — 0.62 м., поверхъ глазъ 1.13 м. Обхватъ шеи за ушами 1.24 м. Туловище, сейчасъ за передними ногами, имѣло въ обхватѣ 2.45 м. Длина шерсти на бедрахъ равнялась 0.65 м., а на переднихъ ногахъ 0.54 м.; длина бороды отъ 0.10 до 1.15 м. Копыта переднихъ ногъ имѣли въ окружности 0.42 м., а въ діаметрѣ 0.11 м.

Дикій якъ - быкъ.
(Съ рисунка автора).

Якъ былъ одѣтъ великолѣпной, густой, ровной шерстью; бахрома на бокахъ была такая плотная, что образовывала мягкую подстилку, когда якъ ложился и, должно быть, вполне защищала животное отъ Тибетскихъ холодовъ. Масти якъ былъ черной, только на бокахъ шерсть впадала въ бурый оттѣнокъ. Вдоль всего хребта шла шерсть подлиннѣе и тоже чернаго цвѣта. Вокругъ маленькихъ карихъ глазъ съ черными зрачками и разрѣзомъ только въ 0.043 м., шелъ скорѣе рѣденькій пухъ, чѣмъ волосъ. На лбу и между рогами, напротивъ, волосъ былъ густъ и похожъ на кудель; на носу шерсть впадала въ сѣрый оттѣнокъ.

Языкъ былъ покрытъ необычайно острыми и твердыми роговыми бугорками, какъ и у домашняго яка; языкъ и десны имѣли синеватый оттѣнокъ. Морда была очень широка, ноздри удлиненныя и сплюснутыя, съ чуть косымъ разрѣзомъ. Рога необычайно могучіе и страшные съ острыми концами. Густая бахрома свѣшивается съ боковъ до самой земли, когда якъ стоитъ, и образуетъ, какъ сказано, мягкую подстилку, когда онъ ложится.

Хвостъ у этого яка былъ огромный, копыта крѣпкія, сильно развитыя, какъ и требуется, чтобы носить такую тяжелую тушу по каменистой неровной поверхности.

Когда животное стоитъ, горбъ образуетъ рѣзко выступающее возвышеніе, круто спускающееся къ головѣ, всегда опущенной носомъ въ землю; къ спинѣ горбъ спускается болѣе полого. Высота яка, если мѣрять съ вершины горба, поэтому гораздо значительнѣе, нежели если мѣрять съ крупа.

Само собой разумѣется, что вѣсъ такой животины громадный. Съ трудомъ могли мы поднять одну голову, а шкуру, чтобы взвалить ее на верблюда, едва подняли 4 человекъ. Съ головы шкуры не сняли, рѣшивъ заняться этимъ на свободѣ въ лагерѣ.

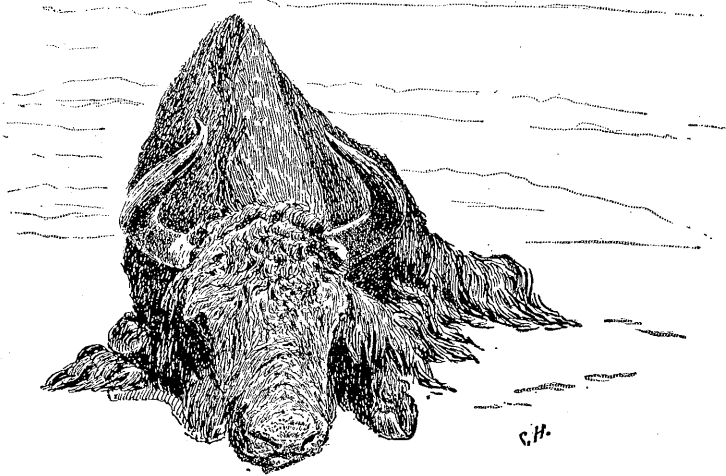
Можно только удивляться тому, что такое огромное животное въ состояніи жить и развивать въ себѣ такую мускульную силу въ этихъ горныхъ областяхъ со скуднымъ подножнымъ кормомъ, который зимою и вовсе пропадаетъ, а лѣтомъ отличается жесткостью и горечью, такъ что наши караванныя животныя могли ѣсть его лишь съ голодухи.

Когда яка преслѣдуютъ, онъ бѣжитъ довольно быстрой рысью, опустивъ хвостъ, слегка приподнявъ голову и волоча по землѣ свою боковую бахрому. Въ общемъ, неуклюжее животное бѣжитъ хотя и тяжело, но очень разгонисто и имѣетъ еще то преимущество, что никогда не запыхается, тогда какъ преслѣдователь скоро начинаетъ задыхаться въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ.

Если къ яку подойдутъ поближе, и онъ почуветъ опасность, то пускается галопомъ, опустивъ голову и поднявъ хвостъ кверху. Выстрѣлы и пули заставляютъ его остановиться, а рана — перейти къ нападенію на врага, которому тогда надо держать ухо востро.

Искандеръ и остальные наши таглыки рассказывали, что въ Черченѣ, Чокалыкѣ и Ачанѣ (селенія, расположенныя около сѣверной подошвы Кунь-луня) живутъ „паваны“ — охотники, почти исключительно промышляющіе охотой на яковъ. Они преслѣдуютъ яковъ въ областяхъ Арка-тага и Чименъ-тага, въ Сѣверномъ Тибетѣ, къ югу отъ Лобъ-Нора. Охотника обыкновенно сопровождаютъ двое людей съ ослами, чтобы доставить въ лагерь шкуры.

Большею частью охотники соединяются ради безопасности по двое, по трое или въ цѣлыя партіи. Бываютъ и такіе опытные, ловкіе стрѣлки, которые убиваютъ яка на повалъ первою

Видъ яка спереди.

(Съ рисунка автора).

же пулей, пущенной въ сердце. Стрѣляютъ они обыкновенно не далѣе, какъ въ 60 шагахъ, и цѣлятся въ мѣсто за горбомъ. Если пуля попадетъ въ тазовую область, животное падаетъ обыкновенно не ранѣе, какъ на 3-й, на 4-й день. Въ остальныхъ мѣстахъ пуля почти что и не беретъ яка.

Цѣлиться въ голову въ большинствѣ случаевъ значитъ попусту тратить заряды, такъ какъ пуля не въ состояніи пробить толстѣйшихъ черепныхъ костей. Получивъ пулю въ лобъ, якъ только замотаетъ головой да зафыркаетъ. Прострѣлить яку ногу, какъ это ни жестоко, даетъ охотнику то преимущество, что ему легче затѣмъ приблизиться къ живот-

ному на вѣрный выстрѣлъ или спастись отъ него бѣгствомъ, если якъ бросится на врага. Наша охота на яка ясно показала, что всѣ выстрѣлы, попадающіе въ иные органы, кромѣ названныхъ, болѣе чувствительныхъ, не достигаютъ цѣли.

Ружья, которыми бываютъ вооружены эти охотники, изготовляются въ городахъ Восточнаго Туркестана. Это кремневая ружья, съ тяжелымъ и длиннымъ стволомъ, насаженные на подставку изъ роговъ антилопы. Положивъ ружье на плечо, охотники ползкомъ подбираются къ звѣрю, пользуясь для прикрытія малѣйшею неровностью поверхности. Приблизившись на вѣрный выстрѣлъ, они опираютъ ружье на подставку и долго хладнокровно цѣлятся прежде, чѣмъ выстрѣлить.

Убивъ животное, охотники тотчасъ снимаютъ съ него шкуру и разрѣзаютъ ее на три части, такъ что двѣ линіи разрѣзовъ идутъ непосредственно вдоль верхняго края боковой бахромы, а третья посреди брюха. Крестецъ и горбъ, называемые „сирить“ даютъ самую лучшую кожу, которая идетъ на сѣдла, подпруги, ремни для уздечекъ, кнутовъ и пр., а также на туфли. Кожа съ брюха идетъ обыкновенно на выдѣлку тѣхъ же предметовъ, но сортомъ будетъ похуже. Кожа съ ногъ идетъ на „тюрюки“, мягкія туфли, составляющія обычную обувь таглыковъ. Хвосты яковъ идутъ на „туги“, украшающіе мазары.

Въ Черченѣ, Чакалыкѣ и Ачанѣ шкуры яковъ скупаются купцами, которые везутъ ихъ въ Хотанъ для перепродажи кожевникамъ. Яковая кожа очень цѣнится за свою прочность и неизносимость. За шкуру взрослога яка — быка охотникъ выручаетъ около 8 рублей; за шкуру коровы или теленка гораздо меньше. Шкуры, снимаемыя съ послѣднихъ, разрѣзаютъ только на двѣ части; цѣликомъ ихъ всетаки не увезти на одномъ ослѣ.

Таглыки основательно считаютъ охоту на яковъ опаснымъ дѣломъ и предпочитаютъ поэтому охотиться за ними цѣлыми партіями. Можно представить себѣ положеніе охотника, на котораго бросится разъяренный звѣрь: охотнику нужно время, чтобы зарядить свое неуклюжее ружье, такъ что ему не легко выйти изъ борьбы цѣлымъ и невредимымъ. Попади онъ только подъ это чудовище, бросающееся на него, выставивъ рога, онъ будетъ раздавленъ въ одно мгновеніе.

Вотъ въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, вынесенныя мною изъ знакомства съ этимъ животнымъ, оживляющимъ нагорныя пустыни Тибета и возбуждающимъ наше удивленіе не только своимъ внушительнымъ видомъ, но и тѣмъ, что оно одно изъ тварей земныхъ противостоитъ холодамъ, суровому климату, ужаснѣйшимъ снѣгамъ и бурямъ съ градомъ на этихъ почти недосыгаемыхъ высотахъ. Якъ равнодушенъ ко всему этому; градъ, хлещущій его по бокамъ, какъ будто даже доставляетъ ему удовольствіе. Онъ спокойно щиплетъ себѣ траву, когда вьюга окутываетъ его словно облаками. Одно ему не совсѣмъ по вкусу: лѣтнее солнце. И, если день кажется ему очень жаркимъ, онъ принимаетъ ванну въ ближайшемъ ручьѣ или подымается въ область ледниковъ и снѣжныхъ полей и тутъ наслаждается прохладой, валяясь на тонкомъ, бѣломъ, какъ мука, снѣгу.

XIX.

Высочайшее нагорье въ свѣтѣ. Караванъ нашъ все рѣдѣетъ.

Изъ лагеря № XIX, гдѣ мы отдыхали день, виденъ былъ на SO величественный горный пикъ, на двѣ трети своей относительной высоты окутанный сверкающимъ снѣгомъ. Пикъ этотъ, господствовавшій надо всею окрестностью и видимый издалека, словно маякъ, я назвалъ „Скалою короля Оскара“.

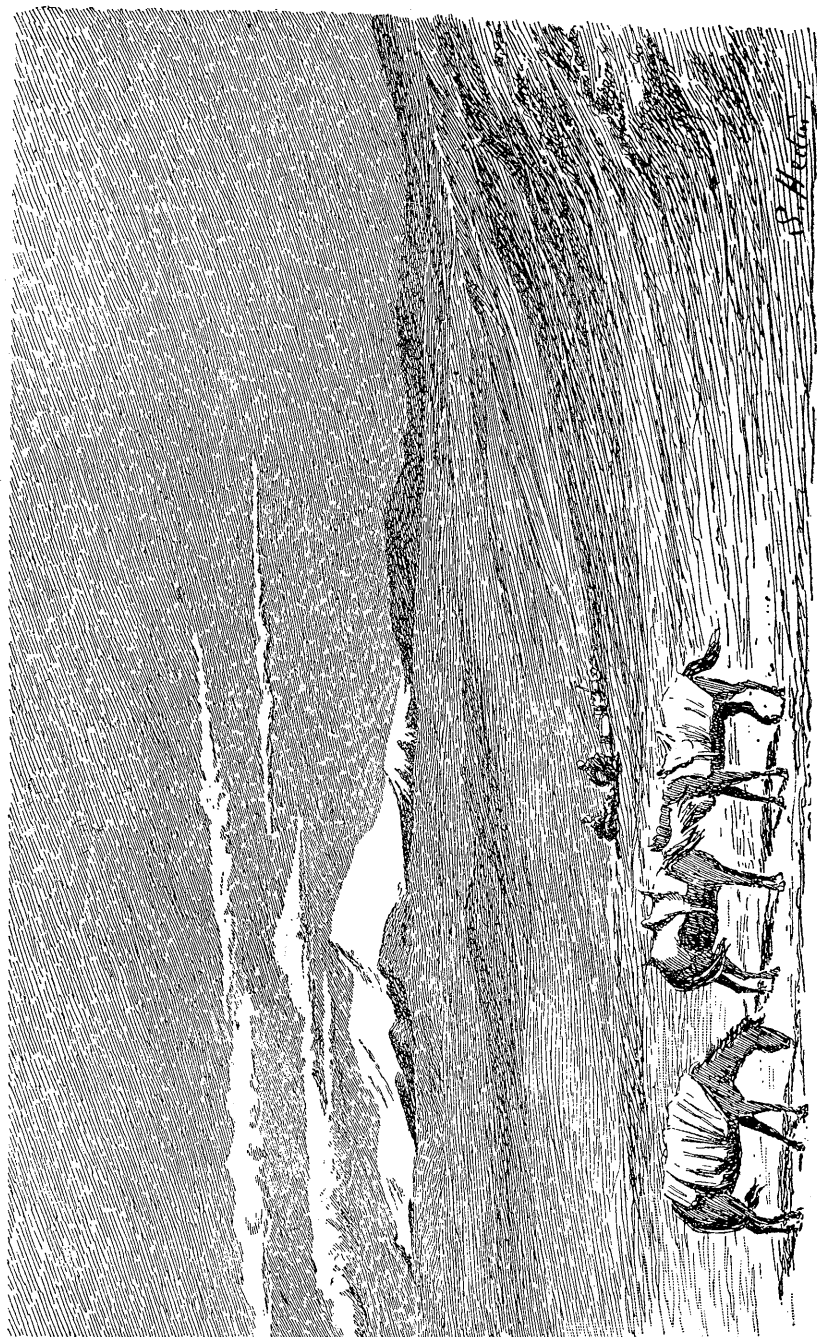
Къ востоку отъ лагеря разстилалось большое озеро, по сѣверному берегу котораго мы слѣдовали. Вода была очень горька на вкусъ, но зато отливала прекраснѣйшими тонами, и на волнахъ качались стаи чаекъ. Острововъ въ озерѣ не было, но впадавшій въ озеро ручеекъ вынесъ въ озеро большую косу ила. Стадо яковъ цѣлый часъ любопытно слѣдовало за нами, но не давало приблизиться къ себѣ на выстрѣлъ. Довольно странно: по берегу вилась тропа, съ виду проложенная людьми верхомъ, или скотомъ. Но таглыки утверждали, что тропу проложили яки и куланы, о чемъ и свидѣтельствовали

оставленный животными пометъ. Меня удивляло, что намъ до сихъ поръ не попалось на пути ни одного скелета яка, между тѣмъ какъ мѣстность изобиловала яками. Лишь здѣсь на берегу нашли мы въ первый разъ два черепа и пористыя, побѣлѣвшія кости. Быть можетъ, животныя, чуя приближеніе смерти, уходятъ въ недосыгаемыя пустынныя области на высотахъ, или на берега озеръ, гдѣ волны и смываютъ ихъ трупы.

Мы сдѣлали привалъ въ небольшомъ разстояніи отъ озера къ востоку, у подошвы нѣсколькихъ холмовъ, по близости ручья. (Пройдено за день 31 кил.; абс. высота 4,912 м.) Четыре кулана: самецъ и три самки весь вечеръ держались по сосѣдству отъ лагеря, описывая вокругъ него круги и, повидимому, очень интересуясь нами. Они носились быстрой легкой рысью, высоко поднимавъ голову, раздувая ноздри и распутивъ хвостъ по вѣтру. Нельзя было налюбоваться на этихъ красивыхъ, статныхъ животныхъ.

7 сентября. То же однообразіе формъ поверхности, какъ и до сихъ поръ. Широкая впадина-долина, заключенная между Арка-тагомъ и южнымъ хребтомъ, по прежнему прорѣзывается цѣлой серіей рѣчекъ, не имѣющихъ стока въ море, а въ центрѣ находится соленое озеро, въ которое впадаютъ рѣчки и ручьи, стекающіе съ окраинныхъ горъ. Къ востоку отъ озера № 15 мы опять поднялись по отлогому, мягкому и пропитанному влагою песчаному подъему на небольшой порогъ, образовавшій водораздѣлъ. На слѣдующій день грунтъ пошелъ твердый и удобный для ходьбы. Перешли черезъ множество потоковъ и прошли въ общемъ 30 кил. Благодаря довольно ровной мѣстности, животныя наши не очень утомились. (Высота лагеря № XXII—4,936 м.) Злѣйшимъ нашимъ врагомъ оставался вѣтеръ, который донималъ насъ ежедневно, выстуживая палатку и пробирая насъ сквозь шубы.

9 сентября сдѣлали длинный и трудный путь черезъ низкій перевалъ, граничившій на востокъ съ озеромъ № 16, а затѣмъ, по широкой, открытой долинѣ до слѣдующаго озера, вблизи котораго и разбили лагерь № XXIII. Форсированный переходъ этотъ стоилъ намъ лошади и осла. Частенько отсутствіе подножнаго корма заставляло насъ дѣлать обширные переходы, пока, наконецъ, мы не находили травы, на этотъ-же разъ, сколько мы ни шли, мѣстность оставалась бесплодной. Маису у

Скала Короля Оскара.
(Съ рисунка автора).

насъ оставалось только на 10 дней, и мы поэтому позаботились главнымъ образомъ о лучшихъ нашихъ лошадяхъ. Изъ остальныхъ многія готовы были пасть.

Въ высшихъ областяхъ южнаго хребта стали все чаще показываться ледники. Обыкновенно они точно ледяной броней одѣвали склоны горъ, подобно тому, какъ мы наблюдали на Мустагъ-атѣ, но не образовывали такихъ рѣзко очерченныхъ ледяныхъ мысовъ. Путь нашъ день за днемъ шелъ почти прямо на востокъ.

10 сентября мы шли по безконечной равнинѣ, прорѣзанной ручьемъ, который, дробясь на безчисленное множество рукавовъ, направлялся къ востоку, въ озеро № 18. На берегу послѣдняго мы отдыхали цѣлый день, такъ какъ на окаймлявшихъ озеро холмахъ росла рѣденькая травка. Отдыхъ въ этотъ день явился тѣмъ болѣе кстати, что насъ захватила настоящая зима. Весь день шелъ снѣгъ и градъ, а леденящій вѣтеръ налеталъ со всѣхъ сторонъ. Окрестность буквально тонула въ сплошномъ туманѣ.

Осмотрѣли ящики съ продовольствіемъ, и въ результатѣ оказалось, что впредь надо быть бережливѣе. Муки, хлѣба и чаю могло хватить еще на мѣсяцъ, но насъ было, вѣдь, одиннадцать человекъ, и неизвѣстно, сколько времени оставалось еще намъ брести до перваго селенія. Изъ взятаго нами съ собою стада уцѣлѣла всего одна овца. Въ худшемъ случаѣ мы могли питаться мясомъ дикихъ яковъ. Прошло полтора мѣсяца, какъ мы покинули населенныя области, такъ не диво, что всѣ мы сильно соскучились по людямъ и горѣли желаніемъ встрѣтить человѣка, кто бы онъ ни былъ.

Въ теченіе дня нельзя было приняться ни за какія занятія, и я просидѣлъ весь день, закутавшись въ шубы и занимаясь черченіемъ карты, или чтеніемъ. Пальцы отъ холода посинѣли и заоченѣли; славно было погрѣть ихъ надъ чайникомъ, когда подали горячій чай. Только поѣвъ или напившись горяченькаго, мы и оттаивали на нѣкоторое время, пока вѣчный вѣтеръ опять не замораживалъ насъ.

Окрестности безжизненны и мрачны. Только чайки кричатъ надъ озеромъ. Кромѣ пожелтѣвшей уже травы, растительности никакой. Вѣтеръ воетъ, зернистый снѣгъ крутитъ вокругъ палатки, волны тихо, монотонно плещутъ о берегъ.

Надъ водой стоитъ словно занавѣсь изъ снѣга, скрывающая противоположный берегъ. Кажется, что находишься на берегу безбрежнаго океана. Находясь такъ долго въ самомъ сердцѣ величайшаго изъ материковъ, начинаешь страшно тосковать по морю.

Палатки бѣлѣютъ среди сѣраго пустыннаго ландшафта; на холмахъ пасутся наши изнуренныя животныя. Нѣкоторыя изъ людей спятъ въ своей палаткѣ, другіе сидятъ на волѣ вокругъ огня, поддерживаемаго пометомъ дикихъ яковъ; отъ костра подымается густой, черный дымъ. Ночь приходитъ, какъ давно жданный другъ. Заползши подъ шубы и войлока, скоро согрѣваешься и видишь во снѣ болѣе благодатныя страны, къ которымъ мы стремимся съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе. До Пекина еще далеко. Добраться-бы только туда, а тамъ ужъ все равно, что дома.

12 сентября. Въ 5 ч. утра, когда мы стали строить караванъ, вся окрестность до самаго озера была покрыта бѣлой пеленой. Среди этой общей бѣлизны ландшафта, снѣжныя вершины южнаго хребта выдавались уже не такъ рѣзко, какъ прежде. Но утромъ, попозже, солнце растопило большую часть снѣжнаго ковра на южныхъ и юго-восточныхъ склонахъ. Сѣверные, напротивъ, оставались бѣлыми весь день; озерки и ручьи также остались затянутыми ледкомъ.

Температура тоже оказалась въ этотъ день самая низкая за все время нашего путешествія: — 11.7°. Холодъ держался до полудня, и мы сильно мерзли, благодаря упорному нордъ-весту. Особенно доставалось рукамъ, — я не могъ ничѣмъ защитить ихъ, такъ какъ каждую минуту приходилось наносить маршрутъ на карту.

Въ теченіе всего дня (прошли 27 килом.) мы держались береговой линіи. Озеро № 18 было, какъ и предыдущія, вытянуто въ направленіи ОВ и по величинѣ являлось самымъ крупнымъ изъ всѣхъ открытыхъ нами. Къ востоку открывалась величественная безконечная панорама; по обоимъ берегамъ высились горныя великаны сѣвернаго Тибета. Бѣлая оторочка пѣны окаймляла всѣ контуры береговой линіи. Волны съ своеобразнымъ металлическимъ плескомъ, вѣроятно, вслѣдствіе разрѣженности воздуха и высокаго удѣльнаго вѣса, ударялись о прибрежный щебень. Въ томъ, что разрѣженность воздуха

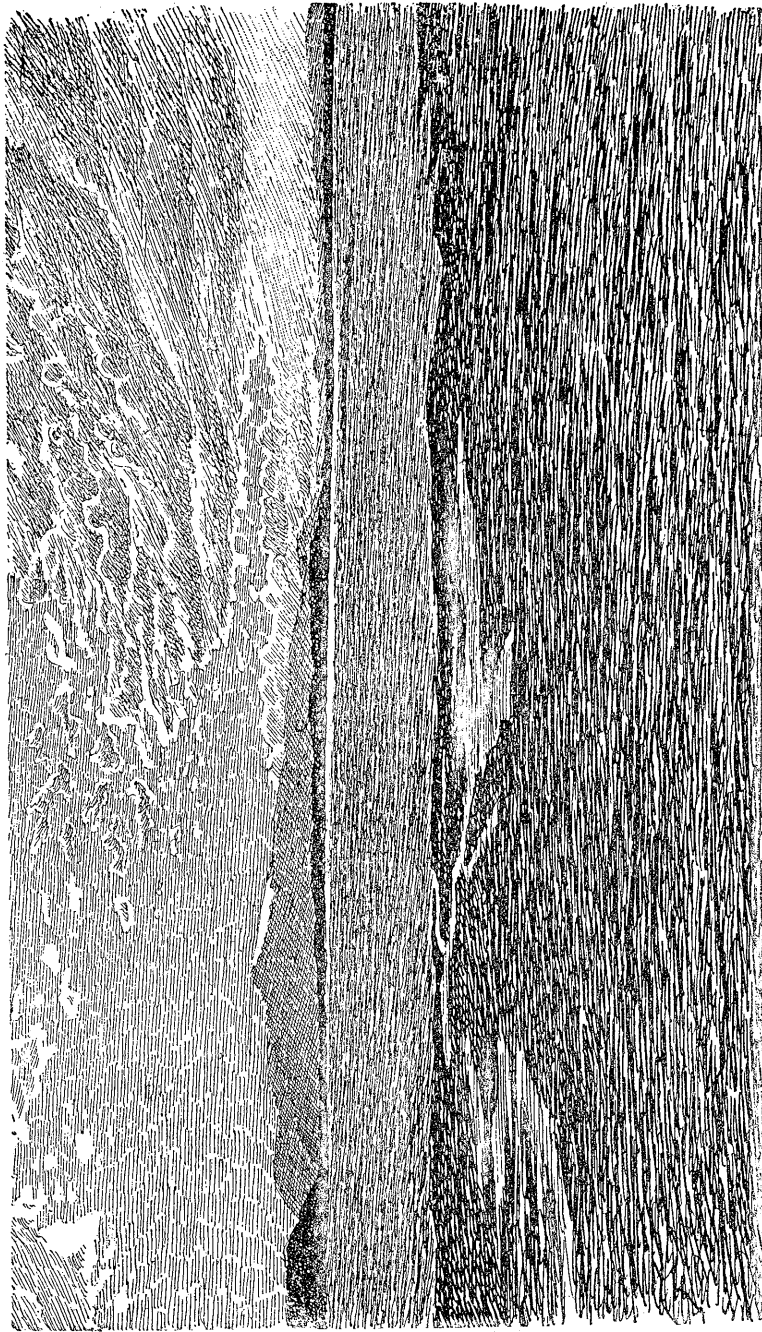
сильно отражается на акустическихъ явленіяхъ, не трудно было убѣдиться. Такъ, напримѣръ, мы должны были говорить на этихъ высотахъ гораздо громче и яснѣе обыкновеннаго, а тиканье карманныхъ часовъ можно было слышать, только поднеся ихъ къ самому уху.

Въ 11 ч. утра еще было — 0.6° въ воздухѣ и $+7.3^{\circ}$ въ водѣ, температура которой со вчерашняго дня упала на нѣсколько градусовъ. Въ первый разъ увидѣли здѣсь слѣды медвѣдя, по которымъ и шли почти весь день. Далѣе замѣтили слѣды лисицы, которая побывала у озера. Миновали нѣсколько маленькихъ ручейковъ. Они стекали съ Арка-тага и образовывали болѣе или менѣе развѣтвленную дельту съ длинными узкими выносами ила. Последніе всё были обращены къ востоку, или юго-востоку, — обстоятельство, зависящее, вѣроятно, отъ напора вѣтра.

Во время перехода потеряли одного осла. Рыжая лошадь, усердно служившая намъ и неспая оба ящика съ моими приборами отъ самой Курли черезъ Лобъ-норъ и Черченъ до Хотана и оттуда до сихъ поръ, пала около самаго лагеря, а за ней еще два осла. Силы нашихъ бѣдныхъ животныхъ стали подходить къ концу. Не проходило дня, чтобы мы не теряли одного — двухъ изъ нихъ, и ихъ высохшіе въ муміи трупы, не подвергающіеся въ этомъ холодномъ, рѣдкомъ воздухѣ разложенію, лежатъ тамъ и до сихъ поръ, отмѣчая нашъ маршрутъ.

Положеніе наше становилось тѣмъ затруднительнѣе, что подножный кормъ попадался все рѣже и худшаго качества, чѣмъ въ первую половину нашей Тибетской экспедиціи. Кромѣ того мы теперь убѣдились, что лошади и осла не пригодны для такихъ высотъ. Одни верблюды держались еще стойко, хотя и сильно исхудали. Люди полагали, что подножный кормъ самъ по себѣ былъ вреденъ для животныхъ. Противъ этого, однако, говорило то обстоятельство, что онъ вполне удовлетворялъ кулановъ и дикихъ яковъ. Большое озеро около лагеря № XXV лежало на высотѣ 4,895 м.

13 сентября мы, пройдя 29 килом., потеряли только одного осла. Въ восточной бухтѣ озера вода, благодаря впадавшей сюда горной рѣчкѣ, была лишь чуть солоноватой, и животныя могли ее пить. Въ 10 ч. вечера температура воды равнялась

Видъ на SW изъ лагеря № XXV.
(Съ рисунка автора).

9.5°, а температура воздуха 3.7°. Утромъ вѣтеръ перемѣнился и задулъ съ юго-запада. Вслѣдствіе этого пѣна, прибитая къ

южному берегу, отдѣлилась отъ него и поплыла по водѣ, словно хлопья.

Къ востоку отъ озера разстилалась равнина съ чуть замѣтнымъ подъемомъ, — продолженіе озерного ложа; идти по этой топкой почвѣ животнымъ было очень трудно. Скоро мы, однако, поднялись и очутились среди настоящаго лабиринта холмовъ. Съ одного изъ нихъ открылся отличный видъ на большое озеро, западный берегъ котораго обрисовывался едва замѣтно. Горизонтъ ограничивался цѣлью бѣлоснѣжныхъ вершинъ.

Пересѣкши равнину, прорѣзанную довольно значительною, впадавшею въ озеро горной рѣчкой, мы по лабиринту холмовъ стали подыматься къ перевалу, который долженъ былъ явиться новымъ водораздѣломъ. Часъ за часомъ медленно, безмолвно подымались мы по бесплодной, безжизненной мѣстности, гдѣ ни единый звукъ не нарушалъ тишины.

Наконецъ, мы достигли перевала; по ту сторону его, воды стекали въ совсѣмъ крохотное озерко, вродѣ лужи. Когда я прибылъ сюда, наши палатки были уже разбиты на берегу этого озерка. Пресѣченная поверхность подавала мнѣ надежду, что мы приближаемся къ периферической области и скоро достигнемъ какого нибудь изъ истоковъ Янъ-цзы-цзяна.

Лагерная стоянка № XXVI (абс. высота 5,043 м.) явилась одною изъ самыхъ неблагопріятныхъ. Подножнаго корма почти никакого не было; не водилось здѣсь и яковъ. Чтобы вскипятить воды для чаю, намъ пришлось пожертвовать двумя кольями отъ палатки. Было уже темно, когда усталые верблюды и пять послѣднихъ нашихъ ословъ дотащились до лагеря.

Положеніе наше становилось до нѣкоторой степени критическимъ вслѣдствіе переутомленія животныхъ. Оно начинало напоминать намъ о злосчастной экспедиціи въ Такла-маканъ въ 1895 г. Въ самомъ дѣлѣ, караванъ нашъ таялъ, какъ и тогда. Какъ и тогда, мы съ нетерпѣніемъ обращали наши взоры къ востоку, ища признаковъ измѣненія рельефа поверхности. Зато теперь у насъ не было недостатка въ водѣ, и въ случаѣ, если-бы даже всѣ животныя наши пали, мы сами могли-бы дотащиться до человѣческихъ жилищъ.

14 сентября. Къ списку павшихъ прибавились за день еще лошадь и осель. Пролетѣла къ сѣверо-западу, по на-

правленію къ Лобъ-нору, стая гусей, — явленіе довольно замѣчательное въ это время года. Весь день мы шли прямо къ востоку, между гребнями горъ средней величины, по широкой долинь, по которой протекалъ прозрачный ручей. То обстоятельство, что путь подымался въ гору очень отлого, не приносило намъ значительнаго облегченія, такъ какъ почва была рыхлая, пропитанная влагой и вязкая, какъ илъ. Тамъ и сямъ бѣлѣли пятна еще не растаявшаго снѣга.

Я надѣялся было, что эта рѣка, съ притокомъ воды 3 куб. м. въ секунду, окажется тѣмъ самымъ верховьемъ р. Напчитай-уланъ-муренъ, которое обозначается на картахъ пунктиромъ, но вскорѣ мы увидѣли, что рѣка впадаетъ въ новое большое озеро. Однако, вода въ озерѣ могла быть прѣсной, и рѣка, пожалуй, вновь вытекала изъ восточной части озера? Предположеніе это казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что озеро, видимо, имѣло огромные размѣры; поверхность его сливалась вдаль съ линіей восточнаго горизонта. Добравшись до озера, мы слѣдовали вдоль южнаго его берега, пока не остановились на привалѣ между холмами (пройдено было за день 28 килом.; абс. высота 4,808 м.).

Первой моей заботой было велѣть достать воды изъ озера № 19. Она была совсѣмъ прозрачная и на видъ чудесная! Глотнулъ — горько-соленая! Итакъ, еще одинъ бассейнъ, не имѣющій стока въ океанъ! На востокъ насъ ожидалъ еще одинъ переваль. Но другого пути не было. Нельзя было свернуть ни къ сѣверу, ни къ сѣверо-востоку, чтобы сократить путь до Цайдама: тамъ высились недосыгаемая стѣны Аркатага, а наши животныя были слишкомъ изнурены, чтобы осилить сколько нибудь трудный переваль.

Вечеромъ люди стали просить меня дать имъ день отдыха. Два верблюда и два осла были плохи, и, если выступать завтра-же, приходилось ихъ бросить.

16 сентября. Сегодня прошли цѣлыхъ 32 килом., не потерявъ ни одного животнаго. Озеро казалось колоссальной величины, и мы уже видѣли въ немъ соперника озеру Иссыкъ-куль. Повидимому, намъ предстояло еще много дней идти вдоль его берега. Но, видно, это былъ обманъ зрѣнія или миражъ, такъ какъ уже черезъ какіе нибудь нѣсколько часовъ пути холмы, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ, слились и

образовали постепенно возвышавшуюся темную линію на востокѣ надъ поверхностью озера. Такимъ образомъ, сомнѣнія не было: передъ нами былъ еще переваль.

На этотъ разъ мы шли по южному берегу. Пометъ яковъ и свѣжіе слѣды стали опять попадаться часто. Нашли на дорогѣ и рогъ яка съ ясными слѣдами ножа; черепки глинянаго кувшина также говорили о пребываніи здѣсь людей.

Тотчасъ послѣ обѣда, облака сгустились въ тучи, поднялся сильный восточный вѣтеръ, и затѣмъ разразился снѣжный буранъ. Такого бурана не случалось мнѣ выдерживать съ самага пребыванія моего на высотахъ Мустагъ-аты.

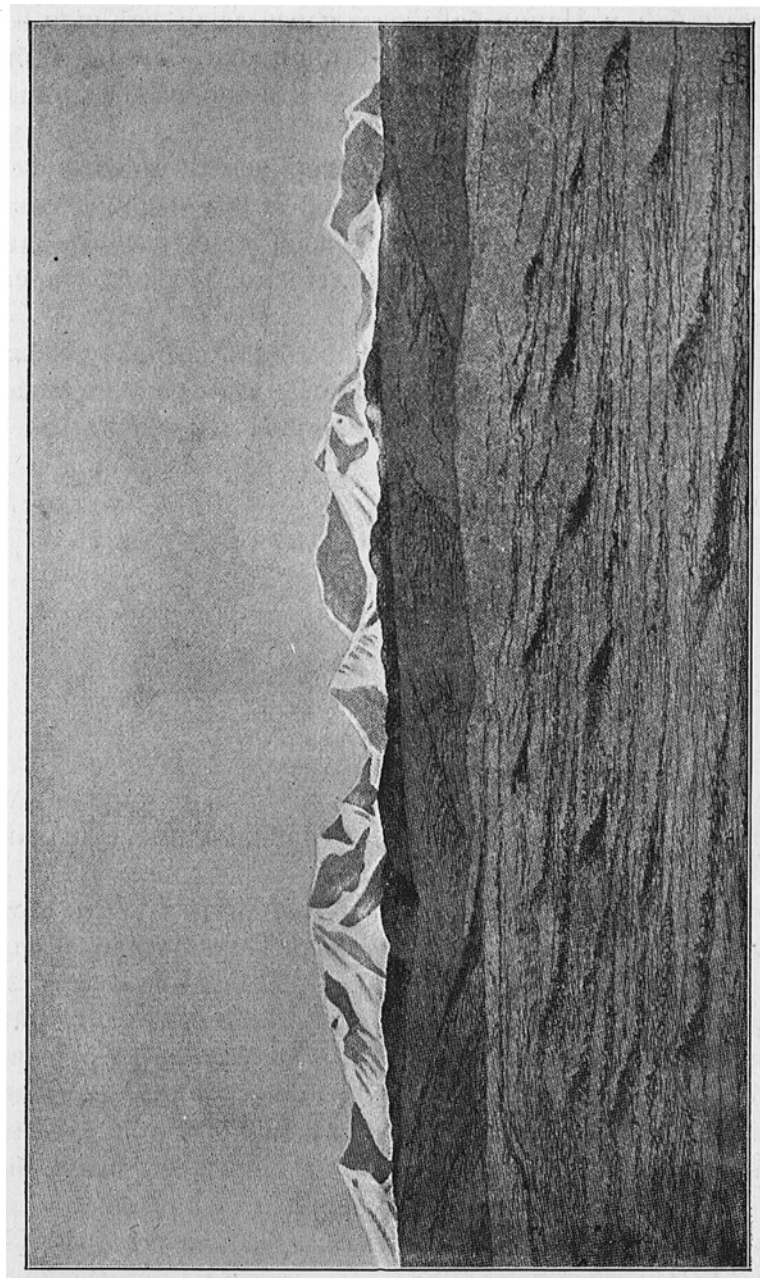
Снѣжная пыль крутилась въ воздухѣ; временами шелъ и градъ. Окрестность совсѣмъ скрылась изъ глазъ, поверхность быстро побѣлѣла, и сами мы были всѣ занесены снѣгомъ. А мы было уже думали, что вышли изъ царства западныхъ вѣтровъ, такъ какъ въ послѣдніе дни дулъ преимущественно восточный вѣтеръ. Черезъ два часа непогода утихла, и снова выглянуло солнце.

Озеро сузилось въ клинообразный узкій заливъ. Мы направились къ OSO, медленно подымаясь по холмамъ къ южному хребту, и снова нашли лужайки, поросшія травой. По правую руку отъ насъ осталась небольшая лужа. Около нея сидѣлъ въ раздумьѣ сѣрый медвѣдь. Джолдашъ дерзко кинулся на него, но, когда медвѣдь самъ выказалъ намѣреніе перейти къ нападенію, собака, поджавъ хвостъ, обратилась въ бѣгство. Медвѣдь затѣмъ исчезъ за холмами.

Мѣстами подножный кормъ былъ довольно сносенъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ гдѣ-бы ни было, послѣ Далай-куртана. Мы рѣшили поэтому пожертвовать ради животныхъ еще однимъ днемъ. Отдыхъ былъ тѣмъ болѣе кстати, что съ ранняго утра шелъ градъ, снѣгъ и дулъ сильный вѣтеръ. Люди, по обыкновенію, усѣлись вокругъ огня и принялись за починку своихъ рваныхъ платевъ и сѣделъ, прислушиваясь къ чтенію вслухъ Эмина-Мирзы. Самый слабый изъ верблюдовъ сильно страдалъ отъ ссадинъ на мозоляхъ заднихъ ногъ; люди и сшили для него чулки изъ кожи кулана, которые принесли ему значительное облегченіе.

18 сентября. Выпавшій вчера густой снѣгъ сильно затруднилъ животнымъ отыскиванье подножнаго корма. Одною

осла и пришлось бросить; двѣ лошади также не годились больше. Пришлось пустить ихъ идти вмѣстѣ съ четырьмя

Видъ на NW съ восточной части Арка-тага.
(Съ рисунка автора).

последними ослами, изъ которыхъ лишь одинъ былъ въ состояніи нести легкій выюкъ.

Теперь у насъ оставалось только 8 годныхъ для дѣла лошадей, исхудалыхъ и отощавшихъ. Верхомъ ѣхали лишь я, Исламъ-бай и Парпи-бай; остальные люди всѣ шли пѣшкомъ. Изъ верблюдовъ двое тоже были плохи. Остальные были еще бодры. Собаки чувствовали себя отлично, вволю угощаясь мясомъ павшихъ животныхъ.

Погода стояла прекрасная, и поверхность шла совершенно ровная. Близъ подошвы южнаго хребта мы свернули къ востоку и прошли еще 29 килом. прежде, чѣмъ разбить лагерь № XXIX. И здѣсь отдохнули день. Приходилось беречь силы животныхъ.

Въ два часа ночи меня разбудила буря, которая угрожала опрокинуть палатку. Утромъ оказалось, что снѣгу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навалило на цѣлый футь. Въ областяхъ, гдѣ

Видъ на югъ изъ лагеря № XXIX.

(Съ рисунка автора).

мы теперь очутились, атмосферные осадки, видимо, выпадаютъ обильнѣе, нежели въ пройденныхъ нами раньше.

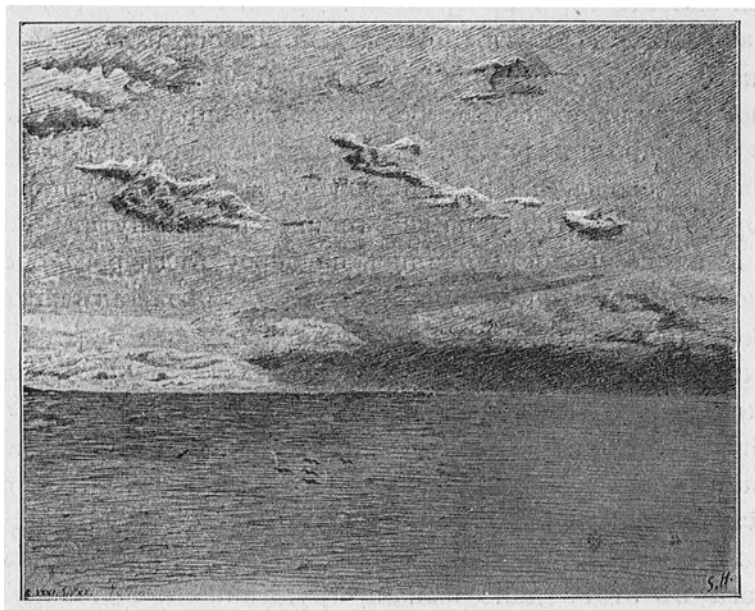
Въ 5 ч. пополудни вырыли яму, чтобы измѣрить температуру внутреннихъ слоевъ почвы. Температура воздуха имѣла 3.6° . На глубинѣ 21 сантим. термометръ показалъ 2.9° , на глубинѣ 29 сантим. 1.5° , на глубинѣ 50 сантим. 1.05° , на глубинѣ 70 сантим. 0.5° и на глубинѣ 88 сантим. 0.4° . Сначала шелъ слой тонкаго желтаго песку, а подъ нимъ черноземъ, богатый остатками перегнившихъ растений. Верхній слой промерзалъ ночью на 2 пальца глубины, и утромъ ѣхать было легче. Но, когда восходило солнце, земля оттаивала.

20 сентября. Прошли $25\frac{1}{2}$ килом. и разбили лагерь № XXX (4,625 м.). Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути по округленнымъ холмамъ мы достигли перевала, который отдѣлялъ воды, стекавшія въ озеро № 19, отъ слѣдующаго бассейна. Мы

тщательно обозрѣли съ высоты перевала всю мѣстность, чтобы рѣшить, какое направленіе избрать. На сѣверо-востокѣ Аркатагъ казался ниже, чѣмъ до сихъ поръ, но мы не рѣшились перевалить черезъ хребетъ съ нашимъ жалкимъ караваномъ. Таглыки полагали, что въ такомъ случаѣ мы потеряли-бы по дорогѣ всѣхъ животныхъ.

На востокѣ виднѣлось новое озеро, новый бассейнъ, не имѣвшій стока! Что-же, конца не будетъ этимъ озерамъ? Съ нашего небольшого перевала восточный склонъ казался,

Видъ на OSO изъ лагеря № XXXI. Озеро № 20.

(Съ рисунка автора).

однако, гораздо круче, нежели западный, и мы предчувствовали уже, что приближаемся къ мѣстностямъ, находящимся на меньшей высотѣ надъ уровнемъ моря, нежели тѣ, по которымъ мы странствовали до сихъ поръ. Стали попадаться и новые роды растений, обогащавшіе мой гербарій. Палъ еще одинъ изъ ословъ, да и конецъ остальныхъ трехъ, видимо, былъ недалекъ.

21 сентября. Прошли 26 килом. до лагеря XXXI, на берегу озера № 20. Мы шли по теченію рѣчки, стекавшей съ вершинъ южныхъ горъ, одѣтыхъ снѣгомъ; притокъ воды въ

ней равнялся 13 куб. м. въ секунду; она принимала нѣсколько притоковъ. Сегодня не пало ни одного животнаго. Мѣстность однообразная, бесплодная. Мы, однако, видѣли яковъ, кулановъ, антилопъ, зайцевъ, полевыхъ мышей, воронъ, жаворонковъ, трясогузокъ и чаекъ. Изъ насѣкомыхъ видѣли мухъ и слѣпней.

Подъ конецъ, воронкообразное устье рѣки расширилось и образовывало обширную илистую дельту. И это озеро казалось по величинѣ моремъ. На востокъ земли не было видно. Вдали склоны горъ протягивали другъ къ другу точно пару горизонтальныхъ иглъ, но между ними оставался просвѣтъ, въ которомъ вода сливалась съ небомъ. Береговая линия влѣво уклонялась къ сѣверо-западу, а вправо шла къ югу, такъ что озеро преграждало намъ путь. Мы не знали сначала, огибать-ли его къ сѣверу, или къ югу, затѣмъ выбрали первое; выборъ этотъ и стоилъ намъ 2 лишнихъ дней пути.

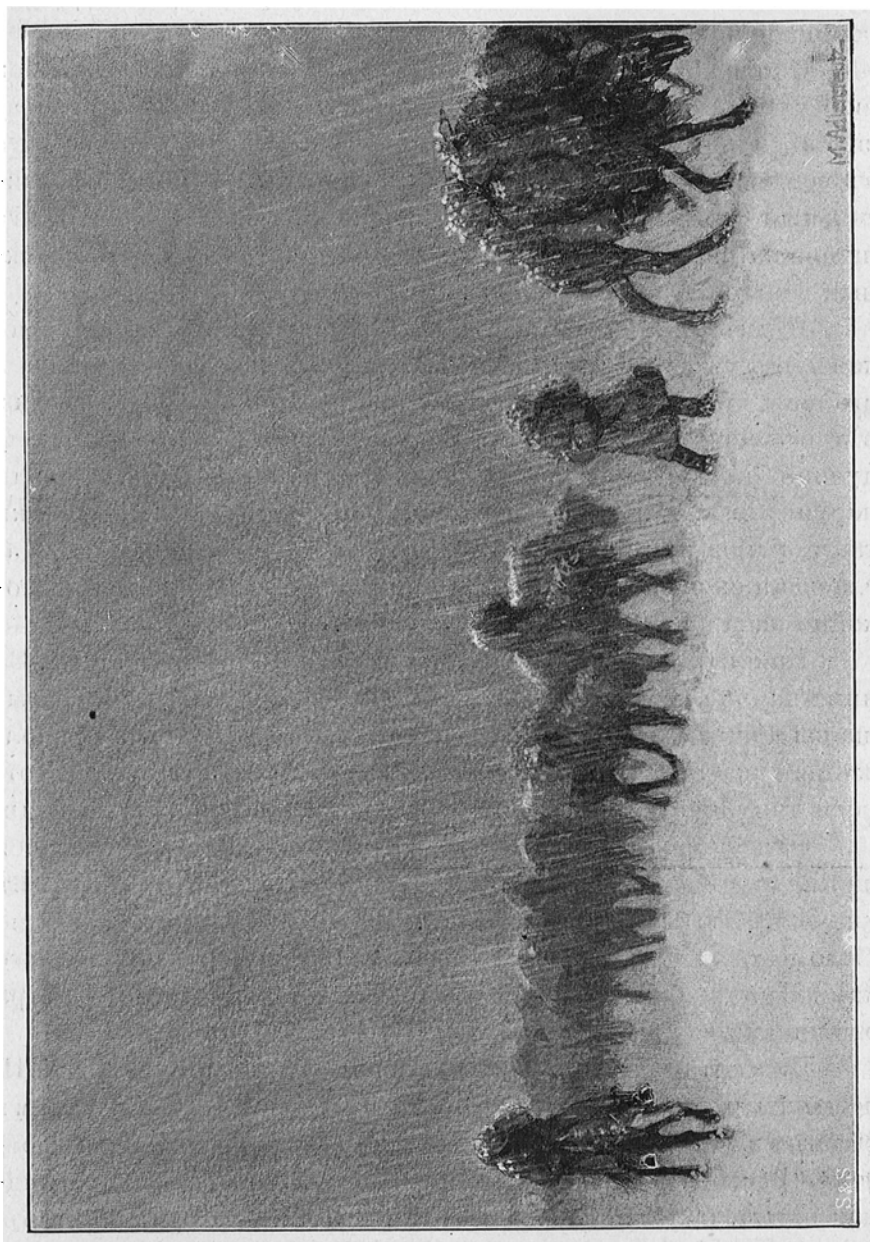
Пока-же мы остановились на берегу, гдѣ росъ сносный подножный кормъ. Озеро казалось глубокимъ, такъ какъ вода была темносиняго цвѣта, и холмы западнаго берега круто обрывались въ воду. Вода въ немъ была горько-соленая. Значитъ, еще одинъ бассейнъ, не имѣющій стока, и еще одинъ перевалъ дальше къ востоку! Это озеро оказалось самымъ большимъ изъ всѣхъ встрѣченныхъ нами на пути. Ни одинъ слѣдъ не изобличалъ, что въ эту мѣстность заходятъ люди.

22 сентября мы прошли 23½ килом. до лагеря № XXXII. Дорога въ этотъ день выпала труднѣйшая; половину пути пришлось сдѣлать по крайне неровнымъ, изрѣзаннымъ провалами и оврагами холмамъ.

Порядочный конецъ мы слѣдовали по тропѣ, проложенной яками; тропа эта держалась большею частью на одной абсолютной высотѣ, но за то шла зигзагами и извилинами. Итакъ, и яки предпочитаютъ дѣлать обходы, нежели безпрестанно спускаться и подыматься. Эти холмы примыкали къ берегу и образовывали сѣверные склоны довольно мощнаго хребта, ограничивавшаго озеро съ юга и до сихъ поръ скрывавшаго послѣднее отъ нашихъ глазъ.

Затѣмъ, мы часъ за часомъ ѣхали почти прямо на востокъ, но озеру все не было конца. Мы каялись, что не предпочли слѣдовать по южному его берегу, но продолжали путь, все надѣясь,

не откроется-ли у западнаго края озера какая-нибудь долина, которая вела-бы къ удобному перевалу черезъ Арка тагъ.

Караванъ застигнуть бурю съ градомъ.
(Съ рисунка Адгерерайна).

Чѣмъ дальше мы подвигались къ западу, тѣмъ ниже становились холмы, и, наконецъ, мы могли ѣхать по ровной

поверхности, почти у самаго берега. Берегъ прорѣзали многочисленные ручьи, которые — довольно своеобразное явленіе — всѣ впадали въ маленькія прѣсноводныя лагуны, скрыто сообщавшіяся съ озеромъ.

Около 11 ч. утра къ неудобствамъ пути присоединилась еще дурная погода. Небо потемнѣло, и надъ озеромъ разразился сильнѣйшій градъ. Черныя тучи надвигались на насъ съ востока, точно стѣны, и до ушей нашихъ доносился пронзительный свистъ и шипѣнье, словно отъ выпускаемаго изъ паровика пара. Озеро приняло темно-сѣрую окраску, прибрежныя горы исчезли въ туманѣ.

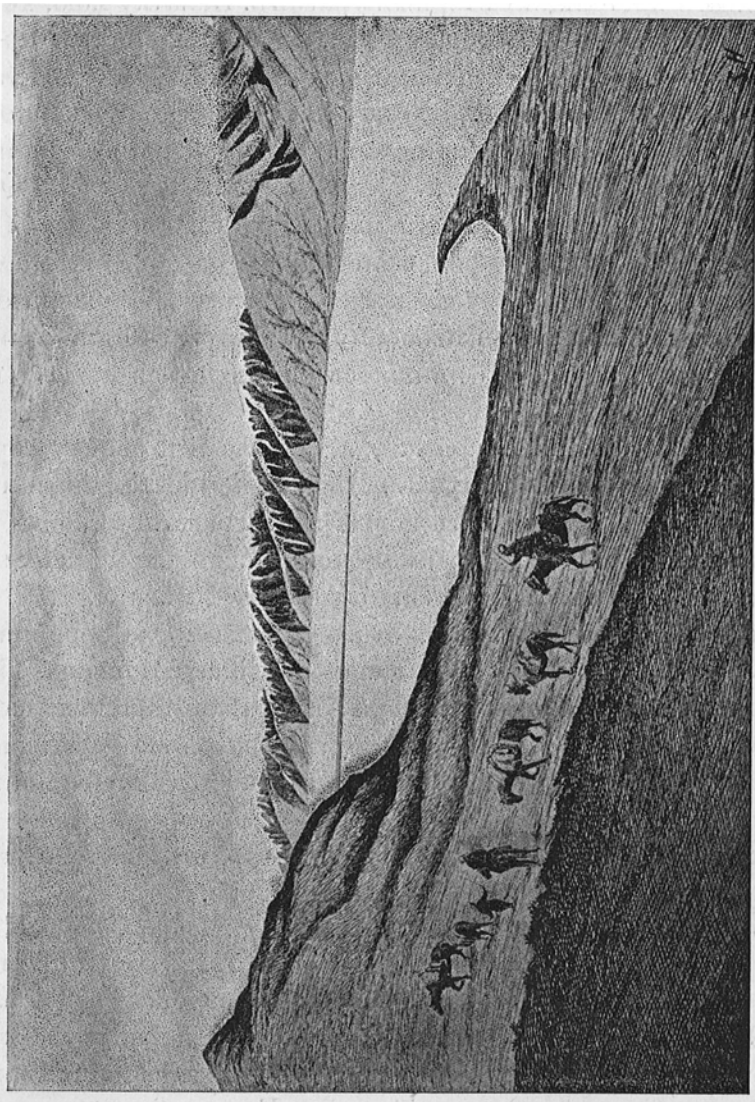
Шумъ становился все сильнѣе. И видно и слышно было, какъ отъ ударовъ градинъ о поверхность озера летѣли во всѣ стороны брызги. Градъ смѣнился снѣгомъ и дождемъ. Затѣмъ вѣтеръ перемѣнился; поднялся ужасающій западный вѣтеръ, дувшій намъ прямо на встрѣчу и леденившій насъ. Лошади напрягали всѣ силы, точно взбираясь на гору. Бѣлые зайчики такъ и прыгали по волнамъ озера, разбиваясь о берега. Наслаждались этой картиной, повидимому, однѣ чайки, преспокойно качавшіяся на гребняхъ волнъ.

Наконецъ, озеро сузилось на западѣ въ острый клинъ. За нимъ начиналась широкая долина. На сѣверномъ берегу возвышался мощный хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, продолженіе Арка-тага. Этотъ хребетъ мы видѣли цѣлый день; его отроги тянулись рядами, словно дома на колоссальной площади.

Отъ оконечности озера лошадиный караванъ направился прямо къ сѣверу, къ подошвѣ этого хребта, — тамъ вдали, въ ущельѣ, бѣлѣли наши палатки. Мѣсто для лагеря выбрано было неудачно — посреди сухого русла горной рѣчки, полного камней и щебня. Зато мы были защищены здѣсь отъ вѣтра отвѣсными скалами.

23 сентября. Прошли 22 килом. до лагеря № XXXIII, лежавшаго почти какъ разъ противъ лагеря № XXXI. Такимъ образомъ, два дня пути не подвинули насъ ни на шагъ къ востоку. Весь день продолжалась непогода: сначала непроглядная вьюга, налетѣвшая съ востока, а затѣмъ сѣверный вѣтеръ, дувшій съ сѣверныхъ горъ. Разстояніе между послѣдними и озеромъ, вдоль котораго мы теперь направились прямо къ востоку, равнялось лишь нѣсколькимъ километрамъ.

Налѣво отъ насъ находилась такимъ образомъ виллообразная группа скалъ съ узкими долинами, въ которыя пересохшіе теперь ручьи вынесли мощные конусы щебня. Тамъ и сямъ намъ пришлось перебираться черезъ совсѣмъ отвѣсныя холмы.

Видъ на NW отъ лагеря № XXXI.
(Съ рисунка автора).

Около одного изъ нихъ отказалась служить моя славная верховая лошадь, служившая мнѣ съ послѣдней экспедиціи въ Памиръ. Эминъ-Мирза тихонько повелъ ее подъ уздцы, а я пересѣлъ на его лошадь и теперь уже въ одиночествѣ по-

Ѣхаль за караваномъ. Но и эта лошадь свалилась подо мной, и я пѣшкомъ довелъ ее до лагеря.

Славно было попасть подъ крышу палатки, но мои оконченнѣвшія руки отогли, только спустя часъ. Весь вечеръ свирѣпствовалъ настоящій сѣверный ураганъ. Палатку мою, хотя она и была укрѣплена основательно, и загнутые внутрь края ея полъ придерживались ягданами, свалило и навѣрное унесло бы въ озеро, еслибъ я во время не ухватился за одну изъ подпорокъ. Прибѣжавшіе на мой зовъ люди укрѣпили ее съ навѣтренной стороны канатами.

До этого лагеря добрели лишь пять изъ нашихъ верблюдовъ. Обутый въ чулки верблюдъ свалился на пути; люди зарѣзали его и вырѣзали лучшіе куски, которые послужили отличнымъ подкрѣпленіемъ къ нашему провіанту. Всѣ животныя были такъ изнурены, что пришлось остановиться и здѣсь на день.

Выйдя утромъ изъ палатки, я напелъ къ своему горю мою верховую лошадь издохшей. Въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ она носила меня и въ дождь и въ градъ и никогда не спотыкалась, не падала, что было очень важно для моихъ съемочныхъ работъ. Въ Хотанѣ она отдыхала 4 мѣсяца, стоя въ конюшнѣ Лю-дарина, и послѣ этого отдыха могла поспорить видомъ съ настоящею чисто-кровою англійскою лошадыю. Въ послѣднее-же время она исхудала, смотрѣла такой жалкой, лохматою, изнуренной. Съ этихъ поръ я Ѣхаль на небольшой вороной лошаdkъ, купленной въ Курлѣ и побывавшей съ нами на Лобъ-норѣ.

Около лагеря шмыгало много зайцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ послужили къ оживленію нашего меню.

25 сентября. Прошли 24 килом. до лагеря № XXXIV (4,744 м.). Весь день шли по берегу, который почти прямой линіей, безъ всякихъ заливовъ, губъ или острововъ, убѣгалъ къ OSO. Въ одномъ мѣстѣ пришлось, однако, перейти небольшой переваль, преградившій намъ путь. Съ его вершины намъ открылся чрезвычайно широкій видъ. Къ востоку мѣстность казалась совершенно открытою, и за озеромъ № 20 виднѣлись еще два озера поменьше. По ихъ расположенію и, руководясь бывшею при мнѣ картою Кэри и Дальглейша, я сразу узналъ то мѣсто, до котораго дошла экспедиція этихъ путешествен-

никовъ. Парпи-бай, сопровождавшій ихъ, подтвердилъ мои заключенія.

Вдали на юговостокѣ различалась мощная цѣпь горъ съ снѣжными полями. Небольшіе отроги мѣшали опредѣлить, насколько она соприкасалась съ хребтомъ, бывшимъ у насъ до сихъ поръ по правую руку или на югѣ. Я предполагаю, однако, что она являлась непосредственнымъ продолженіемъ его къ

„Черныя тучи надвигались на насъ съ востока, словно, стѣны“.

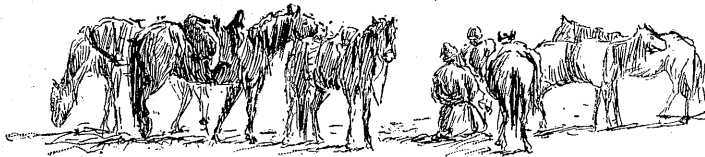
(Съ рисунка автора).

востоку, извѣстнымъ подъ названіемъ хребта Куку-шили (зеленые холмы). Вѣроятно, мы находились недалеко и отъ области, гдѣ беретъ начало рѣка Напчитай-уланъ-муренъ.

На слѣдующій день разразился буранъ, и мы не трогались съ мѣста. Караванъ насчитывалъ теперь 5 верблюдовъ, 9 лошадей и 3 ословъ; людей-же было 11 человѣкъ. Большинство животныхъ были близки къ концу. Таглыкъ Искандеръ былъ

боленъ и поэтому пользовался привиллегіей ѣхать на ослѣ. Напротивъ, Эмину-Мирзѣ приходилось теперь идти пѣшкомъ, такъ какъ его лошадь отказалась служить. Еще въ лагерѣ № XXX лошадямъ была выдана послѣдняя порція маиса. Съ тѣхъ поръ имъ приходилось довольствоваться небольшой порціею черстваго хлѣба и попадавшимися жалкимъ подножнымъ кормомъ. Для меня и людей пекли свѣжій хлѣбъ два раза въ день; въ топливѣ недостатка не было: яковый пометъ попадался теперь въ изобиліи.

27 сентября. Прошли до лагеря № XXXV 27½ килом. Сегодня намъ предстоялъ интересный переходъ, такъ какъ мы должны были снова перевалить черезъ Арка-тагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покинуть нагорья Сѣвернаго Тибета съ его бесплодными, неимѣющими стока, соленоводными бассейнами. Въ день отдыха я посылалъ развѣдчиковъ, которые и вернулись съ

Наши послѣднія уцѣлѣвшія лошади.

(Съ рисунка автора).

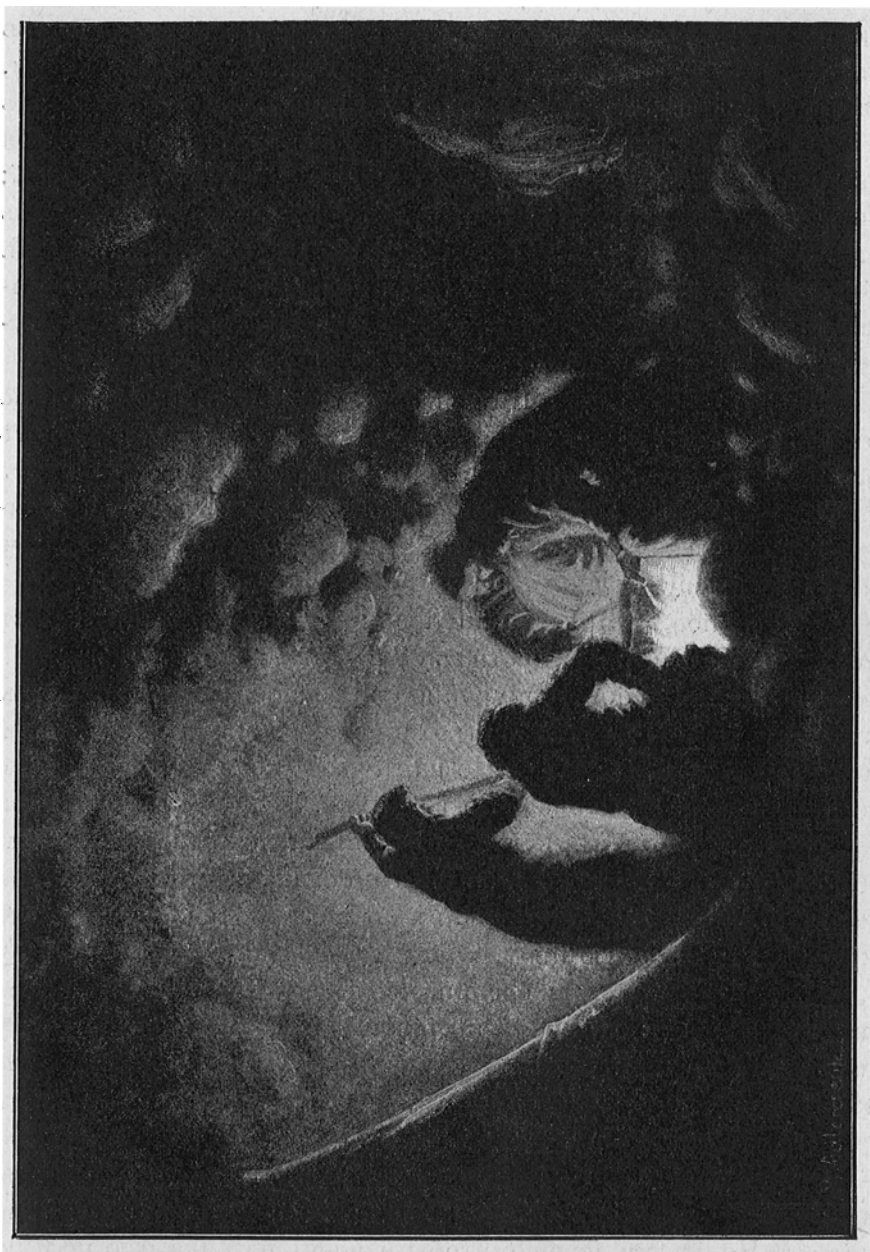
сообщеніемъ, что на сѣверовостокѣ имѣется удобный перевалъ, къ которому ведетъ также удобный путь.

Черезъ два часа пути по отлого подымавшейся долинѣ мы и достигли этого относительно низкаго перевала. Сѣверный склонъ его также не былъ крутъ. Тутъ пришлось ѣхать по долинѣ, расширившейся мало-по-малу въ большую, открытую площадь, заключенную между горами. Покрытый льдинками ручей игралъ роль путеводителя, а также ножной ванны для людей, которымъ то и дѣло приходилось перепрыгивать черезъ него, что въ широкихъ мѣстахъ и не удавалось. Ноги у людей были обернуты войлокомъ и лоскутьями шкуры кулана, и на каждой стоянкѣ первую ихъ заботою было просушить обувь.

Миновавъ выдающійся выступъ горы, мы увидѣли мало ободряющее зрѣлище: новое небольшое озерко, въ которое впадали воды нашей области. Видимо, мы попали еще въ одну

не имѣющую стока область. Переваль, черезъ который мы перешли, не былъ, такимъ образомъ, настоящимъ; тотъ еще

Лагерь № XXXII.
(Съ рисунка Адлеррейфа).

ждалъ насъ впереди и переходъ черезъ него могъ оказаться гораздо труднѣе.

Наконецъ, мы вступили въ ровную котловину, гдѣ нерѣдко попадался сносный подножный кормъ. Вправо отъ нашего маршрута паслось у подошвы горы чрезвычайно большое стадо яковъ. Исламъ поѣхалъ туда и выстрѣлилъ въ нихъ; стадо раздѣлилось: большая часть бросилась въ горы, остальные сомкнутымъ строемъ кинулись въ сторону ко мнѣ и Эмину-Мирзѣ. Мы были невооружены и чувствовали себя поэтому довольно скверно. Всѣхъ животныхъ было 47 головъ; впереди бѣжалъ красивый быкъ, за нимъ теленокъ и пять старыхъ быковъ. Позади всѣхъ галопировалъ Исламъ-бай. Стадо было окутано облаками пыли. Стукъ ихъ копытъ слышался все ближе; казалось, вотъ, вотъ вся эта масса обрушится на насъ, словно лавина.

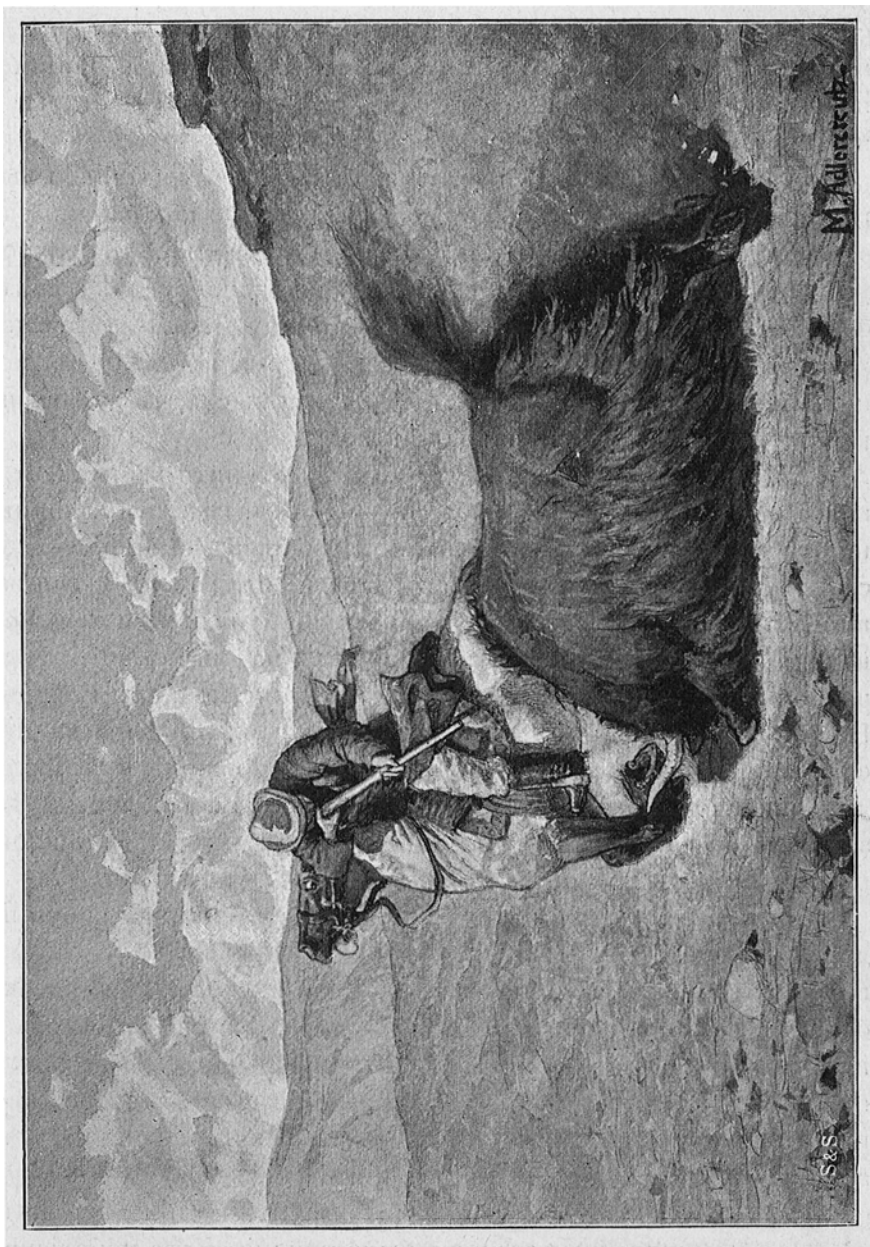
Оказалось, однако, что яки еще не замѣтили насъ. Только въ разстояніи ста шаговъ вожакъ увидалъ насъ и увлекъ остальныхъ въ сторону. Исламъ успѣлъ тѣмъ временемъ слѣзть съ лошади и залечь въ засаду, откуда выпустилъ на удачу пулю въ середину кучки. Пуля ранила одного быка въ переднюю ногу.

Животное въ ярости кинулось прямо на стрѣлка. Исламъ вскочилъ на лошадь и пустилъ ее въ такой карьеръ, на какой только было способно изнуренное животное. Несмотря на то, что якъ прыгалъ только на трехъ ногахъ, онъ догналъ врага черезъ нѣсколько минутъ. Но какъ разъ, когда онъ готовился поднять на рога и лошадь и всадника, Исламъ обернулся и выстрѣлилъ, не успѣвъ даже въ попыхахъ хорошенько прицѣлиться. Но якъ находился такъ близко, что промахнуться нельзя было, и пуля, попавъ въ область сердца, разомъ прекратила эту опасную игру.

Это былъ якъ лѣтъ восьми. Языкъ его и мясо пригодилось намъ, какъ нельзя болѣе, такъ какъ и мука, и рисъ были у насъ на исходѣ. Если-бы послѣдняя пуля не попала въ цѣль, Исламъ погибъ-бы. Охота на дикихъ яковъ не всегда бываетъ счастливой.

Приключеніе это заставило насъ расположиться лагеремъ, хотя мѣстность и не располагала къ этому, — до воды было далеко. Но дѣлать нечего, чтобы извлечь изъ яка всю пользу, которую можно было, пришлось простоять тутъ весь слѣдующій день. Собакъ привязали, чтобы онѣ не испортили намъ мяса.

На ужинъ меня угостили крѣпкимъ и очень вкуснымъ бульономъ изъ яковаго мяса. И съ этихъ поръ на нѣкоторое

Исламъ-бай въ смертельной опасности.
(Съ рисунка Адлерштейна).

время блюдо это стало ежедневнымъ. На десертъ меня ожидало, однако, нѣчто еще лучшее. Я только что закурилъ послѣ

ѣды трубку, какъ въ палатку вошли все люди съ Исламомъ во главѣ, крича: „Бистъ, нишанъ тапдыкъ!“ (Мы нашли знакъ!)

Съ этими словами они положили передо мною четыре сланцевыя плитки, покрытыя вырѣзанными на камнѣ тибетскими письменами. Плитки были цѣлы, и каждая, видимо, имѣла значеніе сама по себѣ. Двѣ изъ нихъ были стары, и надпись на нихъ частью стерлась.

Что гласили надписи, зачѣмъ были такъ тщательно вырѣзаны? Можетъ быть, тутъ рассказывалось о какомъ нибудь замѣчательномъ событіи, или давалось какое нибудь важное указаніе паломникамъ, отправлявшимся въ Лассу, такъ какъ, согласно картамъ, главный путь въ столицу Далай-ламы какъ разъ въ этой области сворачивалъ къ юго-западу. Людей моихъ, при видѣ этихъ плитокъ, обрадовала мысль, что, значить, въ эту область все-таки заходили люди.

29 сентября передъ тѣмъ, какъ выступить въ путь, я и поспѣшилъ на то мѣсто, на берегу ручейка, гдѣ люди, ходившіе туда за водой, нашли плитки. На берегу ясно виднѣлись слѣды двухъ стоявшихъ здѣсь нѣкогда палатокъ. Здѣсь же виднѣлись расположенные квадратомъ булыжники средней величины, и это само собой наводило на мысль, что тутъ располагались со своими яковыми стадами монголы-номады. По близости мы нашли еще 8 такихъ-же плитокъ съ надписями. Забрать ихъ съ собой все было невозможно. Я и выбралъ двѣ покрасивѣе и полегче вѣсомъ. Остальныя мы зарыли въ землю, чтобы спрятать ихъ: если-бы находка оказалась важной, можно было въ другой разъ вернуться за остальными.

Затѣмъ мы продолжали путь къ сѣверо-востоку, пока не достигли значительной рѣки, струившейся къ востоку. Оказывалось, что озеро № 23 не принадлежало къ неимѣющей стока области, какъ мы полагали. Рѣка вытекала именно изъ озера и прорывала горный хребетъ, бывшій впереди насъ. Мы, однако, продолжали путь въ томъ-же направленіи до незначительнаго перевала, по близости отъ котораго мы нашли черепъ архара, а также видѣли яковъ, кулановъ и антилопъ-оронго.

Кое-гдѣ можно было различить тропу, но проложили-ли ее люди или животныя рѣшить было трудно. Зато небольшая куча камней, сложенная на вершинѣ перевала, была ужъ несомнѣнно дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Съ перевала мы спустились въ обширную котловину, богатую подножнымъ кормомъ и прорѣзанную текущими къ SO ручейками. Видно было, что мѣстность эта являлась настоящимъ эльдорадо для кулановъ, такъ какъ ихъ виднѣлось тутъ множество. Мы видѣли стада головъ въ 80 — 200.

Приблизительно на серединѣ котловины мы сдѣлали еще болѣе замѣчательное открытіе, различивъ слѣды 3 верблюдовъ и 6 лошадей, т. е. цѣлаго каравана, направлявшагося къ NW. Вскорѣ мы увидѣли слѣды одинокаго путника, шедшаго въ противоположную сторону. Таглыки говорили, что слѣдамъ этимъ не болѣе 5 дней. Во всякомъ случаѣ мы были недалеко отъ людскихъ селеній. Всѣ мы оживились, люди высматривали новые слѣды, и мы съ минуты на минуту ожидали встрѣчи съ монголами или пастухами.

Дойдя до противоположнаго конца котловины, мы поднялись между двумя отрогами на незначительный перевалъ (4,556 м.), гдѣ у подножія песчанаго холма нашли замерзшіе ключи и разбили лагерь № XXXVI (24 $\frac{1}{2}$ килом.), потерявъ за день двухъ лошадей.

XX.

Первые монголы.

30 сентября. Ночь была ясная, холодная, а утромъ вся окрестность оказалась въ туманѣ, каждая былинка и кочка въ бахромѣ инея. Къ востоку отъ перевала открывалась довольно широкая, поросшая травой долина, прорѣзанная ручьемъ, по высокому берегу котораго мы и слѣдовали.

На лѣвомъ берегу ручья виднѣлся издалека какой-то черныи предметъ, который мы приняли за отдыхающаго быка. Но, когда мы нѣсколько приблизились, люди стали увѣрять, что это „нишанъ“, (путевой знакъ). Мы направились къ нему и были очень поражены, найдя здѣсь въ дикой пустынѣ въ высшей степени оригинальное и красивое „обо“, вѣроятно, воздвигнутое для умилостивленія горныхъ божествъ. Состояло

„обо“ изъ прислоненныхъ другъ къ другу большихъ сланцевыхъ плитъ, покрытыхъ письменами.

Вотъ мы оживились! Каравану было скомандовано остановиться, и мы расположились лагеремъ около самаго „обо“, пройдя на этотъ разъ едва 9 килом. Работы здѣсь должно было хватить съ избыткомъ дня на два. Подножный кормъ былъ тутъ лучше обыкновеннаго; водой снабжалъ насъ ручей, а то обстоятельство, что переваль стоилъ намъ лошади и осла, ясно указывало, что животныя нуждались въ возможно продолжительномъ отдыхѣ.

Прежде всего я принялся за наброски и срисовалъ оригинальное „обо“ со всѣхъ 4 сторонъ. Планъ „обо“ напоминалъ конюшню съ тремя стойлами, шириною въ 0.38, 0.53 и 0.67 м. Всего мы насчитали 49 прислоненныхъ другъ къ другу въ наклонномъ положеніи сланцевыхъ плитъ; такъ строятъ карточные домики.

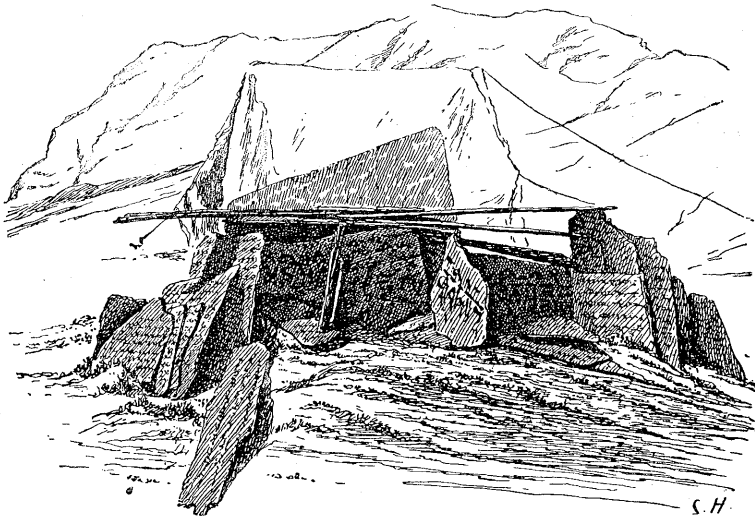
Плита, образывавшая заднюю стѣну, имѣла въ высоту 1.45 м. и живописно высилась надо всѣмъ сооруженіемъ. Часть ея, возвышавшаяся надъ крышей, была свободна отъ надписи лишь на внутренней сторонѣ; все остальное пространство ея было покрыто большими и малыми письменами. Длина этой плиты равнялась 1.34 м. Около нея находились другія плиты, длина которыхъ доходила до 1.52 м.

Всѣ эти плиты, темнозеленаго цвѣта, были совершенно ровны и плоски, толщиною всего въ 1 сантим. Надо было удивляться, какъ удалось добыть ихъ изъ мѣстныхъ скалъ въ цѣломъ, неповрежденномъ видѣ. Крыша сооруженія, находившаяся всего на 0.61 м. надъ землей, состояла изъ 4 длинныхъ плитъ, длиною въ 2.39 м. Края ихъ выдавались надъ десятью крайними плитами-подпорками. Фасадъ сооруженія былъ обращенъ прямо къ юго-востоку. Письмена, величиною отъ 2 до 10 сантим., видимо, были не высѣчены, а просто выцарапаны какимъ-то острымъ инструментомъ,—иначе хрупкій камень не выдержалъ бы, — и выдѣлялись на темно-зеленомъ фонѣ свѣтлосѣрыми линиями.

Неподалеку отъ „обо“ виднѣлось нѣсколько закоптѣлыхъ камней; между ними еще уцѣлѣли зола и уголья; ясно было, что здѣсь останавливались осенью монголы-кочевники. Найдя вдобавокъ по близости прямоугольную могильную плиту и

тропинку, мы заключили, что здѣсь, вѣроятно, находится мазаръ, время отъ времени посѣщаемый паломниками.

И тутъ передъ нами всталъ тотъ же вопросъ: что могли вѣщать путникамъ эти безмолвные камни? По всей вѣроятности, содержаніе надписей было религіознаго характера, но, тѣмъ не менѣе, представляло извѣстный интересъ. Быть можетъ, тутъ описывалось какое нибудь происшедшее на этомъ мѣстѣ событіе? Надо было скопировать надписи, чтобы потомъ можно было дешифровать ихъ. Когда я срисовалъ самое „обо“, мы разорили его, разложили плиты въ рядъ на землѣ, и я

„Обо“ около лагеря № XXXVII.

(Съ рисунка автора).

принялся копировать надписи, послѣ чего люди ставили плиты на свое мѣсто.

Первыя двѣ плиты были невелики, и съ ними было покончено въ полчаса. Когда же я взялся за третью, вниманіе мое было привлечено однообразіемъ буквъ. Мнѣ показалось, что одинъ и тотъ же знакъ повторялся довольно правильно. При болѣе внимательномъ разсматриваніи и оказалось, что каждая седьмая буква была одна и та-же.

Я всмотрѣлся въ „обо“ и нашель, что всѣ 49 плитъ были покрыты тѣми же правильно повторяющимися семью буквами. А, вотъ оно что! Понялъ! Это ни что иное, какъ извѣстная

тибетская священная формула: „on mane radme hum“, т. е. „О, сокровище лотоса!“

Копировка письменъ была немедленно прекращена, и завтрашній день отдыха оказался лишнимъ. Мы захватили съ собой лишь двѣ красивыя плитки, какъ образчики, а взятые у лагеря № XXXVI оставили здѣсь. О томъ, что бы забрать все сооруженіе, не могло быть, конечно, и рѣчи. Оно составило-бы три верблюжьихъ вьюка, и этнографическая цѣнность его далеко уступала его тяжести.

Только что разсматривавшійся, какъ большая достопримѣчательность, „обо“ потерялъ въ моихъ глазахъ всякое значеніе. Я извлекъ изъ него лишь ту пользу, что оно впервые познакомило меня со страстью ламаизма къ преувеличенью и формализму. вмѣсто важныхъ историческихъ данныхъ о великомъ пути монгольскихъ паломниковъ въ Лассу, который какъ разъ здѣсь пересѣкалъ окраинныя горы Цайдама, мы нашли пустую формулу; красивая сама по себѣ, она становилась бессмыслицей, повторяясь 4,000 разъ кряду. Что за остроуміе написать на бумагѣ 4,000 разъ „Отче нашъ“? А ужъ столько-же разъ выцарапать на камнѣ, не жалѣя трудовъ и времени, одну и ту-же молитвенную формулу, прямо глупо.

Я былъ нѣсколько раздосадованъ этимъ приключеніемъ. Но, если результатъ и оказался меньше, нежели я ожидалъ, то все-же вреда отъ нашей остановки собственно никакого не произошло. По крайней мѣрѣ, мы имѣли теперь ясное доказательство, что попали на большой проѣзжій трактъ, ведущій въ Лассу. Объ этомъ свидѣтельствовали и обо, и могилы, и тропинки, и кучи камней. Дальше, въ долинѣ, люди кромѣ того видѣли слѣды двухъ верблюдовъ и нѣсколько большихъ стадъ кулановъ. Таглыки наши утверждали, что куланы никогда не держатся вблизи населенныхъ мѣстъ, и что до послѣднихъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, два дня пути.

1 октября мы могли спокойно продолжать путь къ востоку по этой прямой, широкой долинѣ. Около ручья паслось стадо кулановъ, головъ въ 120. Исламъ выстрѣлилъ, но промахнулся, и все стадо умчалось въ горы, поднимая пыль столбомъ. Животныя длинной, темножелтой, волнующейся линіей безъ малѣйшаго труда взбѣжали на крутизны, но, затѣмъ,

сдѣлавъ большой крюкъ, вновь спустились въ долину, по направленію къ послѣдней нашей стоянкѣ.

Около устья долины мы нашли еще два обо, одинъ состоялъ изъ 63 сланцевыхъ плитъ, поставленныхъ попросту стоймя вокругъ холмика. Надписи на плитахъ, обращенныхъ къ западу, частью стерлись; должно быть, отъ часто дующаго здѣсь западнаго вѣтра.

Долина впадала въ большую главную долину, прорѣзанную тою-же самою рѣкою, которую мы переходили по близости отъ лагеря № XXXV. На самомъ углу вновь выступалъ гранитъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ловили мы по пути всякіе признаки близости людскихъ жилищъ. Между прочимъ, видѣли еще одно обгорѣлое мѣсто послѣ костра, нѣсколько колеьевъ отъ палатокъ и верблюжій пометъ. Вдругъ Исламъ-бай увидаль у подошвы противоположной скалы нѣсколькихъ яковъ. Онъ осторожно подкрался къ нимъ на выстрѣлъ и пустилъ пулю, вторую, третью, но безъ успѣха. Тутъ, къ нашему изумленію и радости, откуда-то выскочила старуха и принялась кричать и размахивать руками. Мы сразу поняли, что это были домашніе яки и что мы, наконецъ, послѣ 55 дней странствованія въ пустынныхъ областяхъ, добрались до окраинныхъ людскихъ поселеній.

Неподалеку виднѣлась кибитка старухи. По сосѣдству отъ нея, на правомъ берегу рѣки, мы и разбили лагерь № XXXVIII.

Въ окрестностяхъ паслись яки, козы и овцы старухи, и при видѣ послѣднихъ у насъ потекли слюнки изо рта.

Разговоръ со старухой оказался настоящимъ оселкомъ для нашего терпѣнія. Разумѣется, она не знала, что мы за птицы такіа, а изъ насъ никто не понималъ по монгольски. Парпи-бай помнилъ одно слово „бане“ (имѣется), а я зналъ изъ географіи общеупотребительныя наименованія вродѣ: „ула“ — гора, „голь“ — рѣка и „норъ“ — озеро. Но дать съ этимъ скуднымъ запасомъ словъ старухѣ понять, что прежде всего мы хотимъ купить у нея овцу, было не легко. И вотъ, я принялся блеять по бараньи, а потомъ показалъ старухѣ китайскую монету въ два лана, она поняла, и на ужинъ у насъ была настоящая свѣжая баранина!

Люди мои сіяли. Конецъ уединенной тяжелой жизни на высотахъ! Нечего больше скупиться на провизію, не надо питаться жесткимъ яковымъ мясомъ! Быть можетъ, намъ даже удастся теперь спасти остатки нашего нѣкогда столь внушительнаго каравана.

Съ помощью знаковъ старуха объяснила намъ, что мужъ ея отправился въ горы стрѣлять яковъ, но вернется домой до захода солнца.

Въ ожиданіи его я съ Парпи-баемъ и Эминомъ-Мирзой посѣтили кибитку старухи. Завидѣвъ насъ, она со своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ учтиво вышла намъ на встрѣчу. Мальчуганъ получилъ отъ насъ кусочекъ сахару, а старуха щепоть табаку, которою сейчасъ набила свою длинную, узкую китайскую трубку. Весь страхъ ея теперь какъ рукой сняло.

Кибитка состояла изъ стараго изодраннаго войлочнаго ковра, наброшеннаго на два шеста; къ серединѣ продольныхъ внутреннихъ сторонъ были подвѣшены два горизонтальныхъ шеста, проходившихъ въ дыры въ войлокѣ и привязанныхъ къ стоявшимъ снаружи шестамъ, въ свою очередь укрѣпленнымъ веревками. Благодаря такому устройству, кибитка становилась болѣе выгнутой и просторной. Посреди крыши было дымовое отверстіе. Шесты были тамарисковые и привезены изъ Гаджира въ Цайдамѣ.

Вѣтеръ задулъ съ запада, поднялась вьюга; мы зашли въ кибитку и принялись разсматривать ея внутреннее убранство. Главною выдающеюся частью мебелировки являлся небольшой кубической формы деревянный ящикъ, стоявшій около поперечной стѣны, прямо противъ входа. По словамъ Парпи-бая это былъ „бурхана“ или кумирня въ миниатюрѣ. Послѣ нѣкотораго колебанья старуха подняла крышку, и мы увидѣли въ ящикѣ священныя тибетскія книги, т. е. отдѣльныя длинныя, исписанныя полоски бумаги. Каждая книга, т. е. кипа такихъ полосокъ, была обернута кускомъ матеріи. На крышкѣ лежалъ пукъ яковыхъ хвостовъ, которымъ старуха, какъ метелкой, смахивала пыль со святыни. Нѣсколько хранившихся тамъ-же мѣдныхъ и деревянныхъ чашъ, видимо, служили священными сосудами.

Хозяйственная утварь состояла изъ китайской фарфоровой чашки, кожанаго ведра, кожанаго-же кувшина, желѣз-

наго котла, мѣдной кастрюли съ крышкой, чайника изъ желтой мѣди, мѣшка съ высушенными травами, игравшими роль благовонныхъ курений, ножа, раздувальныхъ мѣховъ, огнива, сѣдла, сбруи, рваной одежды, бараньяго желудка съ яковымъ жиромъ и мѣшка съ цзамбой.

Большую часть помѣщенія занимали, однако, куски превосходнаго яковаго мяса. Снаружи около палатки тоже лежало мясо, такъ что намъ пришлось привязать своихъ собакъ.

Мясо оставляютъ такимъ образомъ на воздухѣ, пока оно высохнетъ, почернѣетъ и затвердѣетъ, какъ дерево. Старуха отрѣзала ножемъ нѣсколько ломтиковъ, поджарила ихъ надъ огнемъ и угостила насъ. Мы узнали, что семья эта живетъ здѣсь круглый годъ, чтобы снабжать своихъ сородичей въ Цайдамѣ яковымъ мясомъ.

Посреди кибитки стоялъ на трехъ камняхъ котелъ, а вокругъ шелъ какъ-бы валъ изъ яковаго помета. Собираясь разжечь костеръ, старуха высѣкла огнивомъ огонь и подхватила искры горстью растительнаго пуха, которую затѣмъ сунула въ сухой распыленный лошадиный пометъ, а когда этотъ, съ помощью мѣховъ, затлѣлся, прикрыла его яковымъ пометомъ.

Мяса кулановъ монголы не ѣдятъ, кобыль своихъ доятъ, и старуха угостила насъ питьемъ, напоминавшимъ киргизскій „айранъ“. Лампой служилъ выдолбленный камень, наполненный яковымъ жиромъ и опирающійся на низкій треножникъ.

И мать и ребенокъ носили бараньи тулупы, подпоясанные кушаками, а на ногахъ сапоги. Голову старухи прикрывалъ продолговатый платокъ; концы его были завязаны узломъ на затылкѣ; волосы были заплетены въ двѣ длинныя косы, прикрытыя кускомъ матеріи. Мальчуганъ ходилъ съ непокрытой головой. У него волосы заплетены были въ три косички, торчавшія въ разныя стороны, точно крысиныя хвостики.

Вечеромъ, когда мы смаковали свѣжую, вкусную баранину, вернулся домой старикъ съ застрѣленнымъ якомъ. Онъ былъ не мало удивленъ, увидавъ здѣсь чужихъ, но оказался человѣкомъ разумнымъ и отнесся къ дѣлу спокойно. Звали его Дорча.

Типъ его былъ чисто монгольскій: маленькій старичокъ съ обвѣтрѣлымъ, морщинистымъ лицомъ, маленькими глазками и рѣденькой растительностью на губахъ и на подбородкѣ.

Одѣтъ онъ былъ въ бараній тулупъ и кожаные панталоны; ноги были обернуты кусками войлока, голову прикрывала войлочная-же шапочка. По джагатай-туркски онъ смыслилъ столько-же, сколько Парпи-бай по монгольски.

Мы, впрочемъ, обходились, какъ умѣли, и скоро стали кое-что понимать. Мѣстность эта называлась Моссо, а рѣка была однимъ изъ истоковъ Найджинъ-гола. Мы спросили насчетъ слѣдовъ трехъ верблюдовъ, видѣнныхъ нами два дня тому назадъ; оказалось, что это одна семья недавно выступила со всѣмъ своимъ скарбомъ въ зимнюю стоянку около Гаджира. Если-бы мы пошли по этимъ слѣдамъ, мы черезъ 5 дней были-бы въ Гаджирѣ. По той-же дорогѣ, по которой мы шли, до Гаджира было восемь дней пути.

Въ одномъ днѣ пути внизъ по рѣкѣ жили Найджи-монголы. На нихъ недавно произвели нападеніе вооруженные съ ногъ до головы тангуты, явившіеся съ юго востока, и ограбили ихъ до чиста. Монголамъ съ тѣхъ поръ приходится жить исключительно яковымъ мясомъ. Они отправили въ Сининъ къ губернатору челобитчиковъ съ просьбой о помощи, и губернаторъ прислалъ имъ муки и хлѣба. Дорча и не совѣтоваль намъ продолжать путь въ этомъ направленіи, — нельзя будетъ достать даже самаго необходимаго продовольствія.

Старику подарили за его сообщеніе папиросу, набили его пороховницу порохомъ, и онъ остался очень доволенъ нами. Тѣмъ и закончился этотъ счастливый день.

Мы были уже нѣсколько удручены нашимъ продолжительнымъ скитаньемъ по безлюднымъ областямъ, и встрѣча съ людьми подѣйствовала на насъ, какъ жизненный эликсиръ; мы вновь ожили. Обильная водой рѣчка мелодично журчала между гранитными глыбами, и такъ пріятно было прислушаться къ этой музыкѣ.

Разумѣется, мы провели у монголовъ и весь слѣдующій день, но не оставались праздными. Прежде всего мы купили трехъ небольшихъ крѣпкихъ лошадокъ и двухъ овецъ. Худшихъ изъ нашихъ животныхъ, въ томъ числѣ и двухъ истомленныхъ верблюдовъ, мы совсѣмъ забраковали. Монголы могли угостить насъ лишь козьимъ молокомъ, но мы и ему были рады. Ихъ же мы обрадовали небольшимъ запасомъ чая и хлѣба.

Во время нашихъ переговоровъ около моей палатки вдругъ раздался крикъ: „Медвѣды!“ Исламъ-бай со своимъ ружьемъ и Дорча со своимъ длиннымъ, неуклюжимъ кремневымъ ружьемъ пустились за звѣремъ. Но тотъ былъ легокъ на ногу и быстро скрылся въ горахъ.

Первые монголы: Дорча, его сынъ и зять.
(Съ рисунка автора).

Меня особенно позабавилъ первый урокъ монгольскаго языка. Дорча былъ необычайно комиченъ со своими отчаянными попытками понять, что я хочу сказать своими жестами. Первымъ шагомъ было изученіе счета, который я быстро и постигъ съ помощью пальцевъ: нигѣ, хояръ, гурба, дурба, табу,

чжиргуганъ, дологанъ, найманъ, йисунъ, арба, арба-нигэ и т. д. Нетрудно было также усвоить себѣ названія окружающихъ предметовъ: палатки и ея частей, красокъ, частей тѣла, географическихъ названій и т. п.

Такимъ образомъ у меня составилъ длинный списокъ самыхъ необходимыхъ словъ, и я послѣ перваго же урока могъ разговаривать съ Дорчей, составляя простыя фразы, въ родѣ: „гурба тэмэнъ байна“ — у насъ три верблюда; „бамбураши му“ — медвѣдь золъ, и т. п.

Съ глаголами было потруднѣе, но всетаки важнѣйшіе я заучилъ въ тотъ-же вечеръ, напр: идги, быть, ѣхать верхомъ, искать, падать, находить, снѣгъ идетъ, дождь идетъ и т. п. Урокъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и гимнастическимъ упражненіемъ, какъ такъ я продѣлывалъ всѣ эти движенія, а разъ даже привелъ Дорчу въ полное изумленіе, принявшись колотить его по загорбку, чтобы узнать, какъ обозначается это дѣйствіе по монгольски.

Въ теченіе двухъ недѣль Дорчи былъ нашимъ проводникомъ, и мы каждый свободный часъ посвящали лингвистическимъ занятіямъ. Я прислушивался также къ его разговору съ сородичами и дѣлалъ быстрые успѣхи, такъ что скоро могъ уже самъ объясняться съ монголами.

Когда одолѣешь первыя трудности и научишься связывать слова въ предложенія, дальнѣйшее совершенствованіе въ языкѣ нетрудно: стоитъ только увеличивать запасъ словъ и упражняться въ разговорѣ.

Зато мнѣ и не было нужды прибѣгать къ переводчикамъ во время нашего долговременнаго пребыванія среди монголовъ; я могъ даже безъ посредничества переводчика вести бесѣду съ „живымъ Буддой“ въ монастырѣ Кумбумѣ (Гумбумѣ), и съ вице-королемъ Ванъ-я фу. Такимъ образомъ мы избѣжали всѣхъ затрудненій и неприяностей, которыхъ я ожидалъ, лишившись переводчика Фонгъ-Ши.

Утромъ 3 октября я, сѣвъ на свою новую лошадь, вновь опредѣлилъ единицу времени, нужную для прохожденія известнаго пространства, и затѣмъ мы выступили изъ Моссото, куда прибыло изъ горъ еще одно монгольское семейство, чтобы посмотреть на насъ.

Сначала мы слѣдовали по лѣвому берегу рѣки, потомъ

свернули къ сѣверу по каменистой боковой долинь. Стадо кулановъ, головъ въ 150, завидѣвъ насъ, исчезло съ быстротой вѣтра. Долина мало-по-малу расширилась и стала плодородной. Около одного озера Дорча слѣзъ съ лошади и заявилъ, что мѣсто это Ихэ-цаганъ-номунъ (4,390 м.) и что намъ здѣсь надо сдѣлать остановку. Мы такъ и сдѣлали, пройдя въ этотъ день 20 кил.

4 октября проводникъ нашъ повелъ насъ дальше вверхъ по долинь, которая постепенно заворачивала къ сѣверо-востоку и востоку. Подъемъ становился вмѣстѣ съ тѣмъ все круче; долина съ обѣихъ сторонъ была окаймлена громадными отторженцами и грудями щебня. Темнозеленый слюдяной сланецъ смѣнился краснымъ и сѣрымъ гранитомъ; перевалъ Ихэ-цаганъ-даванъ (4,974 м. высоты) былъ также сложенъ изъ гранита.

Путь былъ хорошій. Три нашихъ послѣднихъ верблюда подымались по этимъ округленнымъ высотамъ безъ видимаго труда. Видъ съ перевала открывался не особенно обширный, такъ какъ перевалъ окруженъ вершинами горъ, а восточная долина, дугой загибающая къ сѣверу, заключена между высокими, закрывающими ее горами.

На перевалѣ лежалъ глубокий снѣгъ; на восточномъ склонѣ снѣгу было еще больше, чѣмъ на западномъ. Восточная долина, по которой мы спускались между кучами щебня и отторженцами, очерчена очень рѣзко, тогда какъ западный склонъ отлогъ и образуетъ переходъ къ сѣверно-тибетскому плато. Мы нашли, что низкій перевалъ, который мы перешли къ сѣверу отъ 20-го озера, образовывалъ очень важный водораздѣлъ. Къ югу отъ него вода стекала въ неимѣющую стока область Тибета, а къ сѣверу въ такую-же область Цайдама.

Около того мѣста, гдѣ долина заворачивала къ сѣверу, рѣка, стекавшая съ перевала и успѣвшая уже принять нѣсколько притоковъ, начинала свою разрушительную работу въ гранитныхъ массахъ. Вода такъ и кипѣла въ глубокомъ узкомъ ущельѣ, съ отвѣсными стѣнами скалъ, усѣянномъ на днѣ отторженцами.

Исламъ, ѣхавшій, по обыкновенію, впереди каравана, избралъ этотъ путь. Но Дорча, ѣхавшій за мной, называя мнѣ всѣ эти долины, рѣки и горы, сказалъ, что лучше ѣхать по

гребню горъ, идущихъ по западному краю долины: тамъ верхній почвенный слой состоялъ изъ мягкой, желтой глины. И эти высоты обрывались круто въ балку, гдѣ журчала рѣка; судя по достигавшему до насъ журчанью ея, глубину обрыва надо было опредѣлить въ 100 м.

Тропа, шириною едва въ одинъ футъ, точно обрисовывала рельефъ склоновъ и часто была буквально вырѣзана въ почти отвѣсныхъ стѣнахъ все изъ того-же рыхлаго матеріала. Благодаря выпавшимъ атмосфернымъ осадкамъ, глинистая почва сдѣлалась скользкой. Дорча ѣхалъ впереди, я за нимъ. Вдругъ лошадь моя забрала слишкомъ къ краю рыхлой тропы, нога у нея оборвалась, и лошадь упала. Душа у меня ушла въ пятки, но я всетаки успѣлъ соскользнуть съ сѣдла и растянулся, упершись локтями въ землю.

Лошадь нѣсколько разъ перевернулась, катясь по откосу, пока, наконецъ, не обрѣла подъ ногами опоры. Дорча поспѣшилъ внизъ къ ней на помощь. Если-бы лошадь не остановилась во-время, она скатилась-бы въ пропасть, такъ какъ до края оставалось всего нѣсколько метровъ. А если-бы я во время не соскользнулъ съ сѣдла, я, пожалуй, раздѣлилъ-бы ея участь. Послѣ того я благоразумно пошелъ пѣшкомъ, ведя лошадь за поводъ.

Тропа, извиваясь, спустилась затѣмъ на дно балки, гдѣ мы присоединились къ нашему каравану и поѣхали, пробираясь между безчисленными глыбами, лежащими и вдоль и поперекъ рѣки. Начался вѣтеръ съ сѣвера, и поднялась сильная мятель, несшаяся намъ прямо въ лицо, скрывая отъ насъ всю окрестность.

Пришлось перейти еще цѣлый рядъ опасныхъ переваловъ прежде, чѣмъ мы добрались до расширенія долины Куку-буръ, гдѣ по берегамъ рѣки разстилались чудныя травяныя лужайки. Прошли за день 27.5 килом.

5 октября. Изъ Куку-бура мы продолжали путь по рѣчной долинѣ. Она была все такъ-же камениста, и наши неподкованныя монгольскія лошади начали страдать ногами. На одномъ открытомъ мѣстечкѣ мы встрѣтили кучку монголовъ верхомъ, вооруженныхъ ружьями. И мы и они были поражены встрѣчей. Съ помощью Дорчи я завязалъ съ ними разговоръ. Рѣшено было разбить тутъ лагерь, хотя мы и прошли еще

только 15 килом. Но мѣстечко (Харато) было прелестное, богатое растительностью и расположенное всего на высотѣ 3,371 м. Въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ пути находились мы на такой незначительной высотѣ, а впереди намъ предстояло спускаться все ниже и ниже, — пріятная перспектива!

Верховыхъ было 6 человекъ, между ними одна женщина. Они ѣхали съ Ихэ-цаганъ-гола въ Моссото и затѣмъ дальше въ горы, чтобы заготовить на зиму яковимъ мясомъ. Они предполагали пробыть въ пути 15 — 20 дней, но продовольствія взяли всего дней на 5 — 6, надѣясь затѣмъ питаться мясомъ

Долина Ихэ-цаганъ-гола.

(Съ рисунка автора).

яковъ. Возвращаясь съ удачной охоты, они везутъ на своихъ лошадяхъ мороженое мясо, а сами идутъ уже пѣшкомъ.

Теперь какъ разъ было время охоты на яковъ. Яки въ это время держатся на окраинахъ Тибетскаго плато, розыскивая подножный кормъ получше. Охота ведется такъ-же, какъ и у таглыковъ. На яка нападаютъ, по крайней мѣрѣ, два охотника заразъ, чтобы имѣть въ запасѣ одинъ или нѣсколько выстрѣловъ, если якъ бросится на одного изъ нихъ.

Монголы были очень веселы; видимо, эта осенняя охотничья экскурсія вносила пріятное разнообразіе въ ихъ монотонную, бѣдную событіями жизнь. Сезонъ охоты на яковъ про-

должается съ мѣсяць, и каждая охотничья партія имѣть свои опредѣленные участки для охоты, гдѣ охотники живутъ безъ кибитокъ подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ пожитковъ, кромѣ платья на себѣ, сѣдель, ружей, да небольшихъ мѣшковъ съ кое-какими съѣстными припасами.

Монголы расположились въ кустахъ, около моей палатки, развели огонь между тремя камнями, поставили на нихъ котелъ и, когда я присоединился къ ихъ кружку, привѣтствовали меня дружелюбнымъ: амуръ сайнъ? (какъ поживаете?).

Когда вода закипѣла, одинъ изъ старшихъ вынулъ изъ мѣшка шесть мелкихъ деревянныхъ тарелочекъ и, раздавъ ихъ товарищамъ, насыпалъ въ каждую по нѣскольку горстей поджаренной ячменной муки. Затѣмъ, онъ изрѣзалъ тонкими ломтиками кишку, начиненную застывшимъ бараньимъ саломъ и смѣшалъ сало съ мукою.

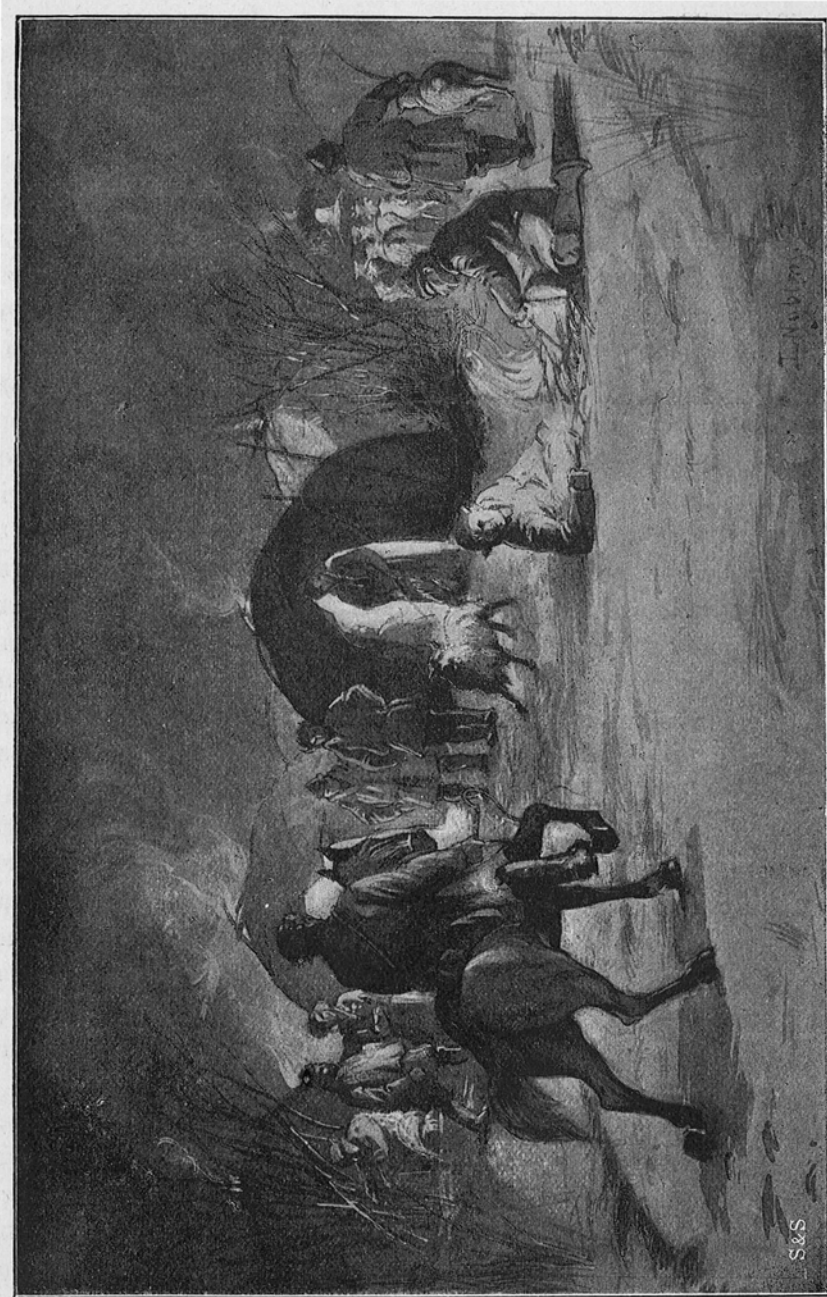
Послѣ этого женщина, поддерживавшая огонь, зачерпнула желѣзной ложкой кипящей воды изъ котла, разлила ее по тарелкамъ, и „цзамба“, любимое блюдо монголовъ, было готово. Когда жидкое содержимое тарелокъ было съѣдено, на днѣ ихъ осталось еще столько жира и муки, что можно было прибавить еще по нѣскольку ложекъ воды.

Блюдо это и составляло весь обѣдъ монголовъ. Послѣ обѣда они закурили трубки со сквернымъ китайскимъ табакомъ и пришли въ настроеніе полного благодушія. Всѣ они были, повидимому, большіе охотники до трубочки.

Все одѣяніе ихъ состояло изъ тулупа, панталонъ, сапоговъ и шапки. Тулупъ они накидывали прямо на тѣло и, видимо, были нечувствительны къ холоду, такъ какъ правая рука и плечо оставались голыми. Ночью они закутывались въ тулупы и располагались около костра. Въ сильныя-же вьюги, они устраивали себѣ походную палатку изъ ружей, сѣдель и войлоковъ. Волосы у всѣхъ были заплетены въ косы; молились они, сидя на корточкахъ и перебирая четки, чтобы отмѣчать, сколько разъ произнесутъ молитву: „Омъ мани падме хумъ“.

6 октября. Рано утромъ монголы, продавъ намъ пару изъ своихъ лошадей, двинулись дальше. Черезъ часъ собрались выступать и мы, и оказалось, что вновь пріобрѣтенныя лошади ушли по привычкѣ за своими прежними владѣльцами. Приш-

лось двумъ изъ моихъ людей ѣхать въ догонку за ними, и мы

Авторъ подѣзжаетъ ночью къ первому монгольскому аулу — Ихэ-цаганъ-голь въ Пайдамѣ.
(Съ рисунка Л. Небола).

выступили только около 10 ч. утра. Двое таглыковъ съ тремя верблюдами выступили, впрочемъ, гораздо раньше. За ними

двинулся я съ Дорчей и Джолдашемъ и, наконецъ, лошадиный караванъ.

Мы перешли въ бродъ рѣку, и она долгое время шла у насъ по правую руку. Долина расширилась, и гранитныя скалы обнаружили стремленіе разойтись. За послѣднимъ ущельемъ, гдѣ рѣка жалась къ правой стѣнѣ горъ, открылся на сѣверъ необычайный видъ: горизонтъ образовывалъ здѣсь безконечно отдаленную, совершенно ровную линію.

Теперь мы уклонились въ сторону отъ рѣки, но черезъ нѣкоторое время снова очутились въ ея руслѣ, которое становилось все шире, ровнѣе и бѣднѣе щебнемъ и несло воду лишь лѣтомъ. По этой долинѣ мы ѣхали затѣмъ весь день. Горныя отроги, окаймляющіе долину Харато, раздвигались образуя воронкообразное расширение, но по обѣ стороны долины, на востокъ и на западъ, виднѣлись еще ихъ крайніе побѣги.

Устье долины явилось и границей всякой растительности. Дальше шла совершенно бесплодная равнина съ едва замѣтнымъ уклономъ къ сѣверу, которая, подъ конецъ, переходила въ настоящую пустыню. Тамъ и сямъ виднѣлись низкіе песчаные холмы, насыпанные, видимо, WNW вѣтрами. Ни признака жизни, ни слѣда человѣческаго, ни тропинки. Тишь и безмолвіе.

Передъ нами разстилалась безграничная равнина. Просто голова кружилась съ непривычки среди этого безбрежнаго пространства. Только, обернувшись назадъ, можно было остановить взоръ на мощномъ хребтѣ съ его снѣжными вершинами. Вслѣдствіе дальности разстоянія и непрозрачности воздуха, онъ казался стѣной, нарисованной на одной плоскости, нельзя было различить даже устья долины, которую мы только что покинули.

Бассейнъ Цайдама напоминаетъ такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ бассейнъ Тарима. Подошвы горъ также опоясываются здѣсь полосой пустыни, за которою уже начинаются оазисы; также текутъ по пескамъ рѣки; но поясъ песковъ не такъ мощенъ и широкъ, центральныя-же части бассейна впадаютъ въ обширныя соленыя озера.

Такъ мы ѣхали къ сѣверу часъ за часомъ и еще задолго до наступленія сумерекъ обогнали верблюдовъ. Полоса пу-

стыни смѣнилась степью, съ зарослями тамариска, сначала скудными, затѣмъ все болѣе густыми; кусты тамариска болѣею частью росли здѣсь, какъ и въ Восточномъ Туркестанѣ, на буграхъ. Дорча еле могъ найти тропу среди этого лабиринта кустовъ и выразилъ опасеніе, что остальной караванъ

Нищій-монголь.
(Съ рисунка автора).

ни за что не найдетъ безъ проводника дороги къ мѣсту стоянки. Поэтому онъ, указавъ мнѣ направленіе, по которому я долженъ ѣхать самъ, поскакалъ обратно и прежде, чѣмъ я успѣлъ что либо возразить, скрылся во мракѣ.

Къ счастью, лошади моей эта мѣстность была знакомѣе,

чѣмъ мнѣ, и, проѣхавъ шагомъ съ часъ, я завидѣлъ между кустами къ сѣверу огни. Потомъ послышался собачій лай, и цѣлая стая монгольскихъ собакъ вынеслась на встрѣчу мнѣ и Джолдашу, который, однако, во время успѣлъ спастись у меня на сѣдлѣ.

Вотъ показались и люди и палатки. Я спокойно подъѣхалъ къ одной изъ нихъ, привязалъ лошадь и пошелъ, привѣтствуя шестерыхъ изумленныхъ монголовъ дружескимъ „амуръ сайнъ“, усѣлся у огня и закурилъ трубку. Въ углу стояла кринка съ кумысомъ, и я хлебнулъ изъ нея здоровый глотокъ. Напитокъ напоминалъ квасъ и очень освѣжилъ меня послѣ столь продолжительной ѣзды (43 килом.).

Монголы только таращились на меня, не говоря ни слова. Они осмѣливались лишь подкладывать топлива въ огонь и окончательно припли въ себя не раньше, нежели Дорча, явившійся съ караваномъ черезъ 2 часа, объяснилъ имъ, что мы за люди.

На свободномъ мѣстѣ между кибитками монголовъ разбили наши палатки и разложили костеръ. Ужинъ мнѣ успѣли приготовить лишь къ часу ночи. Послѣдній форсированный переходъ стоилъ намъ двухъ лошадей и осла; теперь у насъ оставалось только 3 верблюда, 3 лошади и 1 оселъ изъ 56 животныхъ, съ которыми мы два мѣсяца тому назадъ выступили изъ Далай-кургана.

XXI.

Между Цайдамскими монголами.

Мы оставались около Ихэ-цаганъ-гола до 11 октября; отдыхъ былъ крайне необходимъ. Прежде всего мы рассчитались съ Гамданъ-баемъ и таглыками, которымъ хотѣлось поскорѣе отправиться на родину черезъ Чимень-тагъ и Токкузь-даванъ.

За перенесенные труды и безукоризненную службу они получили двойную противъ условленной плату, большой за-

пасъ провизіи, нѣскольکو овецъ и нашихъ забракованныхъ животныхъ, которымъ, однако, надо было дать немного отдохнуть передъ новымъ путешествіемъ.

Слѣдующимъ дѣломъ, требовавшимъ и времени и многихъ соображеній, было снаряженіе новаго каравана. Узнавъ, что

Бурханы изъ Лассы ($\frac{4}{7}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

намъ нужны лошади, монголы день-деньской толклись у моей палатки, предлагая лошадей. Цѣнь они не заламывали, и мы пріобрѣли у нихъ 20 крѣпкихъ, сытыхъ лошадей.

Но намъ еще нужны были вьючныя сѣдла. Старыя были брошены вмѣстѣ съ павшими по пути животными. Парпи-бай

былъ мастеръ изготовлять сѣдла, матеріаль доставили монголы, и площадка передъ людскою палаткою превратилась въ сѣдельную мастерскую.

Я-же былъ цѣлые дни занятъ изученіемъ языка и разспросами монголовъ насчетъ мѣстныхъ географическихъ названій, климата, образа жизни монголовъ, ихъ религіи и т. п. Большинство изъ нихъ бывало въ Лассѣ и рассказывало много интереснаго объ этомъ городѣ и о пути туда.

Узнавъ, что я очень интересуюсь ихъ „бурханами“, — фигурки боговъ изъ терракоты, которыя монголы носятъ въ футлярахъ („гау“) на шеѣ, — они стали приносить ихъ мнѣ и даже продавали тайкомъ за хорошую цѣну. Боялись они въ данномъ случаѣ не меня, а другъ друга, являлись въ мою палатку только въ сумерки и просили тотчасъ-же спрятать фигурки на дно моихъ сундуковъ.

Бурханы эти были мастерски сдѣланы въ Лассѣ. Футлярчики часто бываютъ серебряные съ выгравированными оригинальными, красивыми рисунками, съ украшеніями изъ бирюзы и коралловъ. Болѣе простые дѣлаются изъ красной мѣди или желтой.

Скоро я совѣмъ подружился съ обитателями Ихэ-цаганъ-гола. Когда я рисовалъ, они вѣчно сидѣли около моей палатки, а когда заходилъ къ нимъ въ гости, угощали меня чаемъ и цзамбой. Они не выказывали даже и малѣйшей суевѣрной боязни или застѣнчивости, когда я срисовывалъ съ нихъ портреты. Мнѣ даже удалось подвергнуть многихъ изъ нихъ антропологическимъ измѣреніямъ.

Имъ не понравилось только, когда я вздумалъ отмѣтить высоту ихъ роста на шеѣ, подпирающемъ палатку. Они вообще всегда остерегались, чтобы я не дотронулся руками до ихъ макушки, можетъ быть, потому, что они возлагаютъ себѣ на голову бурхановъ въ знакъ почитанія, или потому, что ихъ благословилъ Далай-Лама или другое высшее духовное лицо.

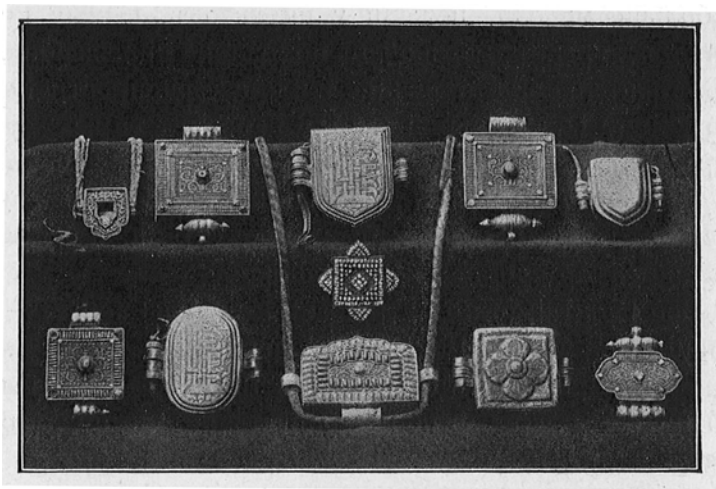
Монголы придерживаются одноженства, и женщины у нихъ пользуются куда большею свободою, нежели у мусульманъ. Онѣ занимаютъ мѣста въ общемъ кругу около костра и не носятъ покрываль. Тулупы у нихъ держатся только на лѣвомъ плечѣ и на талии, а вся правая верхняя часть туловища

остается голой. Грудь, даже у молодыхъ женщинъ, некрасивая, отвислая.

Не думаю, чтобы такая откровенность костюма содѣйствовала сохраненію супружеской вѣрности. Но, пожалуй, они такъ привыкли къ такому оголенію, что находятъ его вполне естественнымъ. Сами монголы увѣряли меня, что нравственность у нихъ куда выше, чѣмъ у мусульманъ. Уже одно то, что мусульмане многоженцы, свидѣтельствуешь, по мнѣнію монголовъ, о ихъ низкомъ нравственномъ уровнѣ.

Въ первый-же день ко мнѣ явился съ визитомъ самъ старшина Ихэ-цаганъ-гольскій Сонумъ и принесъ въ даръ

„Гау“ или футлярчики для бурхановъ (1/2 натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллѣфа).

прѣснаго молока, кислаго кобыльаго молока и перебродившаго кумыса, похожаго на водку. Послѣдній имѣлъ отвратительный вкусъ, но, должно быть, былъ крѣпокъ, такъ какъ Парпи-бай, нѣсколько неумѣренно хлѣбнувшій его, никуда не годился потомъ весь день. Сонумъ былъ одѣтъ въ огненно-красную мантию и китайскую шапку съ пуговкой и длинными лентами.

На слѣдующій день я отдалъ визитъ. Прямо противъ входа въ кибиткѣ стоялъ небольшой алтарь. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ, поставленныхъ одинъ на другой ящиковъ съ деревянной дощечкой сверху. На послѣдней были разставлены въ рядъ мѣдныя чашечки и блюда съ водой, мукой, цамбой и другими приношеніями бурханамъ.

Кромѣ того, тамъ находились священныя книги, вращающіеся молитвенныя валики и бурханы изъ Лассы и Даши-лумпо. Прикасаясь къ послѣднимъ или глядя на нихъ, нельзя ни курить, ни даже дышать на нихъ. Я, по незнанію, погрѣшилъ противъ этого закона, и бурхана очистили, подержавъ надъ жаровней, съ какими-то благовонными травами. Изображеній не долженъ также касаться прахъ.

Посреди кибитки горѣлъ подъ таганомъ огонь, поддерживаемый тамарисковыми вѣтвями и корнями; на таганѣ стоялъ котелъ. Для гостей приготовили небольшія скамеечки, на которыя и ставились кушанья. Такимъ образомъ, въ кибиткѣ было больше мебели, нежели у киргизовъ. Самыя кибитки называются „ургами“; онѣ очень похожи на киргизскія „карауи“. Замѣчательно, эта форма жилищъ распространена по всей огромной Центральной Азіи, у народовъ самыхъ различныхъ расъ, не имѣющихъ даже сношеній между собою. Матеріалъ, изъ котораго кибитки дѣлаются, свидѣтельствуешь о бѣдности страны другими сырыми продуктами, а форма дѣйствительно самая удобная и практичная.

Около палатки было водружено въ землю копые, — знакъ резиденціи старшины. Вокругъ росли высокіе, какъ деревья, кусты тамариска. Они доставляютъ матеріалъ для выдѣлки разной посуды и другой обиходной утвари, которую монголы мастерятъ сами. Значительную часть домашней утвари и продовольствія, напр. муку, они привозятъ изъ Синаина.

Наши знакомцы монголы были настоящими кочевниками. Когда скотъ ихъ съѣстъ весь подножный кормъ въ одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое. Ауль ихъ былъ расположенъ очень благопріятно, въ сухомъ руслѣ рѣки; воду они доставали изъ колодца, глубиною въ 1.21 м.; изъ колодца-же поили по вечерамъ животныхъ. Особенно развито у монголовъ коневодство. По всей окрестности разносилось лошадиное ржанье; по вечерамъ женщины доили кобылъ. Кумысъ, или закисшее и перебродившее кобылье молоко, и является главнымъ напиткомъ монголовъ. Они держатъ также много овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота, земледѣліемъ-же вовсе не занимаются.

Во время нашего пребыванія въ Ихэ-цаганъ-голѣ стояла чудесная погода. Воздухъ былъ чистъ и спокоенъ; около полудня температура подымалась до $+15^{\circ}$. Въ палаткѣ стано-

вилось иногда такъ жарко, что мнѣ приходилось сидѣть въ одной рубашкѣ. Ночи, наоборотъ, были такія-же холодныя, какъ въ горахъ; въ ночь на 12 октября минимальный термометръ упалъ до — 15.1°. Особенно красивымъ бывалъ всегда закатъ, когда хребетъ Цаганъ-ула рисовался на югѣ чернымъ рѣзкимъ силуэтомъ. Да, недурно было въ это осеннее время сознать, что онъ остался позади.

Въ сумерки, въ аулѣ начиналась суета, — приходилъ скотъ; женщины съ длинными косами, въ широкихъ войлочныхъ шапкахъ, то и дѣло сновали между рядами сытыхъ кобылъ и блеющихъ овецъ, мужчины загоняли стада, а стая длинношерстныхъ черныхъ собакъ подымала страшный гамъ. Мои люди, закончивъ свой трудовой день, усаживались вокругъ костра ужинать, а Мирза громко читалъ имъ изъ хроники объ Имамѣ-Джафарѣ-Садыкѣ. Въ общемъ выходила привлекательная картина. Въ полуоткрытыхъ кибиткахъ блестяли огни, и мы въ полномъ смыслѣ слова наслаждались благодатнымъ отдыхомъ въ этомъ совершенно лѣтнемъ климатѣ, послѣ долгаго пребыванія въ холодныхъ непривѣтливыхъ горахъ. Въ этомъ плотномъ воздухѣ можно было шевелиться, не боясь задохнуться. Абсолютная высота мѣстности равнялась всего 2,815 м.

Хотя мои слуги — мусульмане въ глубинѣ души презирали монголовъ, считая ихъ дикарями и язычниками, обѣ сто-

Монгольскій лама.
(Съ русской фотографіи изъ Урги).

роны прекрасно уживались, стараясь понять другъ друга. Можно было умереть со смѣху, глядя, какъ Дорча совершенно серьезно выдѣлывалъ невѣроятные жесты и гримасы, чтобы растолковать что-нибудь мусульманамъ. Онъ кричалъ имъ, словно глухимъ, корчилъ гримасы, какъ будто лицо у него было изъ гуттаперчи, прыгалъ и подскакивалъ точно клоунъ. Зато, когда слушателямъ, наконецъ, удавалось понять его, удовольствию его не было границъ. Онъ хохоталъ во все горло и долго кивалъ головой, словно фарфоровый китайскій болванчикъ.

12 октября. Съ самаго восхода солнца, въ лагерѣ парствоваали суматоха, шумъ и бѣготня, обычные при сформированіи новаго каравана. Бьюки взвѣшивали и располагали попарно. Ягданы съ хрупкими вещами предназначались для болѣе спокойныхъ лошадей, вещи погрубѣе, палатки и провіантъ — для болѣе рѣзвыхъ. Весь аулъ со старшиной во главѣ былъ на ногахъ. Намъ не хватило веревокъ, и ихъ тотчасъ-же доставили. Женщины нанесли намъ молока на два дня. Когда караванъ уже отѣхалъ порядочный конецъ, насъ догналъ одинъ молодой монголъ, только теперь рѣшившійся продать своего бурхана.

Караванъ съ виду былъ очень хорошъ и быстро подвигался къ востоку, подъ предводительствомъ опытнаго Дорчи. Я съ чувствомъ особеннаго удовольствія озирался на сытыхъ, крѣпкихъ, отдохнувшихъ лошадей, которыя теперь должны были служить намъ долго.

А какая переменѣна ландшафта! Мы ѣхали по мягкой тропѣ, извивавшейся по ровной степи съ сочною травою. По правую руку высился вдали Цаганъ-ула, налѣво разстилались словно море безбрежныя пустыни Цайдама. Рѣзкимъ измѣненіямъ рельефа, разнымъ неожиданностямъ, столь свойственнымъ горнымъ областямъ, насталъ конецъ, и моимъ глазамъ и перу было мало дѣла. Ландшафтъ сталъ крайне однообразнымъ; оживляли его только овраги, да сухія русла рѣкъ. Въ Баганамасага (маленькомъ источникѣ) мы напоили лошадей. На привалъ-же остановились въ степи, гдѣ не было недостатка ни въ водѣ, ни въ подножномъ кормѣ, ни въ топливѣ; прошли 29 килом.

13 октября. Дулъ довольно свѣжій, западный вѣтеръ, наполнившій атмосферу пылью, которая застлала ближайшія

горы. Тропа наша шла къ OSO то по кочковатымъ, пустыннымъ солончакамъ, то по сочнымъ и густымъ зарослямъ камыша, то по сухимъ оврагамъ и балкамъ.

Въ Цакшѣ, до которой было отъ послѣдняго лагеря 31 килом.; мы нашли 10 монгольскихъ кибитокъ, т. е. столько же, сколько въ Ихэ-цаганъ-голѣ. И здѣсь я встрѣтилъ дружественный пріемъ у старшины; всѣ члены его семьи были заняты изготовленіемъ стремянъ изъ вѣтвей тамариска и ремней.

На слѣдующій день тропа немного уклонилась къ сѣверу и пошла по обширной солончаковой, болотистой мѣстности; грунтъ хотя и просохъ отчасти, все еще былъ неудобенъ для передвиженія. Вдали мы видѣли иногда небольшіе аулы или стада овецъ, которыхъ стерегли мальчики и женщины. До Ихэ-гола, третьяго рукава Найджинъ-мурена (или Найджинъ-гола) было 26 км., и мы еще разъ стали лагеремъ на берегу рѣки, съ которой познакомились еще около лагеря № XXXV.

Дѣвушка-монголка.
(Съ русской фотографіи изъ Урги).

Вечеромъ явилась толпа монголовъ, желавшихъ продать матеріи изъ Лассы; они принесли съ собой водки въ двухъ мѣдныхъ кувшинахъ. Водкой этой они вмѣстѣ съ Дорчей наугощались такъ, что принялись громко кричать и вызывать мусульманъ на единоборство. Борьба имѣла то хорошее послѣдствіе, что полупьяные монголы значительно протрезвились. Послѣ того они заснули крѣпкимъ сномъ, а на другое утро

стали просить дать имъ отдохнуть у насъ денекъ, ссылаясь на головную боль. Но имъ было отказано.

Мы переѣхали вбродъ Ихэ-голь, ширина котораго доходила здѣсь до 400 м., а глубина была крайне незначительна. Береговья террасы, высотой въ 5 м., указывали, однако, что лѣтомъ уровень воды значительно повышается. Русло рѣки было слегка усѣяно щебнемъ, и направлялось значительными извилинами къ сѣверу, къ центральному соленоводному бассейну.

Ландшафтъ на противоположномъ берегу былъ также однообразенъ. Во всѣ стороны разстилалась ровная, какъ спокойная поверхность морская, тихая и пустынная степь. Никакихъ животныхъ, ни дикихъ, ни домашнихъ; взору не на чемъ остановиться, отдохнуть. Мѣстечко это называлось Урду-толе (27 килом). Тутъ мы нашли воду и подножный кормъ. Монголы, въ отличіе отъ мусульманъ, тотчасъ по приходѣ на мѣсто пускаютъ лошадей пастись на свободѣ.

16 октября мы прошли только 20 килом. до Тогда-гола (2,786 м.). Обыкновенно цайдамскіе монголы дѣлаютъ ежедневно небольшіе переходы, такъ что понятно, почему они насчитываютъ отъ Ихэ-цаганъ-гола два мѣсяца пути до Лассы и 43 дня до Синина.

Ночь была холодная, минимальный термометръ упалъ за ночь до — 16.3°. Здѣсь было, такимъ образомъ, гораздо холоднѣе, чѣмъ въ Тибетѣ; правда, что континентальная зима съ ея суровыми холодами была уже не за горами. День выдался ясный, чудесный; на югѣ ясно обрисовывались горы, носившія у мѣстныхъ жителей названіе „карангуинъ-ула“ или черныя горы. Тогда-голь течетъ по очень глубокому и узкому руслу, черезъ которое трудно было перебраться, не замочивъ ногъ. Очутившись на другомъ берегу, мы постарались поудобнѣе расположиться въ кустахъ тамариска, намѣреваясь посвятить слѣдующій день отдыху.

Проводникъ нашъ Дорча получилъ здѣсь расчетъ и могъ вернуться въ свои пустынные горы, къ дикимъ якамъ, куда его тянуло поскорѣе, такъ какъ онъ боялся, что старуха тревожится его долгимъ отсутствіемъ. Въмѣсто Дорчи я нанялъ молодого, высокаго, крѣпко сложеннаго монгола, по имени Лопсень, который много разъ бывалъ въ Лассѣ и Сининѣ и,

такимъ образомъ, прекрасно зналъ эту область. Онъ оказался однимъ изъ лучшихъ моихъ слугъ, всегда былъ веселъ и бодръ и освѣждалъ мои познанія въ монгольскомъ языкѣ.

Лопсенъ живо добылъ мнѣ нѣсколько бурхановъ и „танка“ — родъ хоругвей съ изображеніями Далай-ламы и Банчинъ-Богдо*). Какъ онъ ихъ досталъ, не знаю; должно быть, просто на просто стащилъ ихъ у нашихъ сосѣдей, такъ какъ очень боялся, чтобы они не увидѣли этихъ предметовъ.

До Толе было 27 килом., которые мы и сдѣлали 18 октября. Лопсенъ остался на одинъ день со своими, чтобы запастись продовольствіемъ и лошадыю, но обѣщалъ скоро догнать насъ. До Толе взялся сопровождать насъ другой монголь, но такъ и не явился, такъ что мы обошлись безъ проводника, тѣмъ болѣе, что дорога была ясно видна. Между прочимъ, одинъ конецъ пути пришлось пробираться по тамарисковой чащѣ, напоминавшей небольшой лѣсокъ.

Лопсенъ.

(Съ рисунка автора).

Миновали очень живописное „обо“. Поперегъ дороги протянуты были между кустами тамариска веревки и шнурки, увѣшанные прикрѣпленными къ нимъ разноцвѣтными лоскутьями. Каждый лоскутъ былъ исписанъ обычной молитвенной формулой. Кое-гдѣ висѣли и бараньи лопатки, также покрытыя тибетскими письменами. Въ общемъ выходило нѣчто, напоминавшее мусульманскіе лѣсные мазары, но красивѣе и живописнѣе.

*) Банчинъ-Ирембучи, духовное лицо, равное въ тибетской іерархіи. Далай-ламѣ.

Затѣмъ, намъ попалося озерко. Тутъ нагнали насъ нѣсколько верховыхъ монголовъ, которые и сказали намъ, что это Толе и что дальше мы найдемъ воду не раньше, какъ въ разстояніи еще дня пути къ востоку. Поэтому мы расположились на стоянку, купивъ у монголовъ мѣшокъ ячменя, который явился желаннымъ кормомъ для нашихъ лошадей. Въ Цайдамѣ трудно вообще доставать ячмень и хлѣбъ. Пшеницу покупаютъ въ Сининѣ, а ячмень хоть и воздѣлывается кое-гдѣ въ этой области, но въ небольшомъ количествѣ.

19-го догналъ насъ Лопсень, и подъ его предводительствомъ мы прошли 27 килом. до глубоко врѣзавшейся въ почву горной рѣки Гаттаръ. Теперь на сѣверѣ ясно обрисовывалась горная цѣпь, которая ограничиваетъ Цайдамскій бассейнъ съ этой стороны и которую Лопсень назвалъ Курлыкинъ-ула. Вечеромъ мы разговаривали въ моей палаткѣ о предстоящемъ путешествіи въ Сининѣ, до котораго, по словамъ Лопсена, было 30 дней пути. Онъ сообщилъ также, что кукунорскіе тангуты извѣстные разбойники и воры, и что въ этой области намъ надо будетъ держать ухо остро. Онъ спросилъ поэтому, хорошо ли мы вооружены и, увидавъ, что у насъ три ружья и пять револьверовъ, успокоился. Далѣе онъ сообщилъ, что въ области Курлыкъ-нора и дальше къ востоку намъ придется довольствоваться малымъ по части продовольствія, такъ какъ дунганы во время послѣдняго возстанія отняли у туземцевъ весь скотъ.

20-го октября прошли по тамарисковымъ чащамъ, зарослямъ камыша и пустыннымъ участкамъ 20 килом. до Тенгеликъ-гола. Южныя горы носили здѣсь названіе Номохунъ-ула. Вообще у цайдамскихъ монголовъ нѣтъ для этихъ горъ одного общаго названія, а все мѣстныя. Горныя рѣки около Гаттара и Тенгелика впадаютъ, какъ и Баянъ-голъ, Хара-усу и Булунгиръ-голъ, въ центральное соленое озеро Голусунъ-норъ, (тростниковое озеро). Найджинъ-голъ, напротивъ, впадаетъ въ расположенное дальше къ западу озеро Доулацзанъ-норъ, которое на европейскихъ картахъ обыкновенно обозначается неправильно Дабасунъ-норъ, или „Соленое озеро“.

На слѣдующій день нашъ путь свернулъ слегка къ сѣверу, такъ что южныя горы ступевались, тогда какъ сѣверныя вырисовывались все яснѣе. По степнымъ и безплоднымъ

участкамъ прошли мы 28 килом. до Ова-тёгёрука, гдѣ раскинулось нѣсколько монгольскихъ кибитокъ и гдѣ насъ, по обыкновенію, радушно встрѣтили. Живущіе здѣсь монголы принадлежатъ къ большому племени Тадженуръ. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ удалось произвести краниологическія измѣренія.

Монголы эти ходятъ всегда въ длинныхъ бараньихъ тулупахъ съ поясомъ, изъ подъ котораго они вытягиваютъ тулупъ настолько, что онъ образуетъ какъ-бы мѣшокъ, надѣтый на верхнюю часть туловища. Онъ и служитъ мѣшкомъ, куда они кладутъ разныя вещи; кромѣ того, они носятъ у пояса ножъ, трубку, кисеть съ табакомъ и щипчики, которыми выщипываютъ волосы изъ бороды, если она растетъ слишкомъ густо. Сапоги они носятъ съ остроконечными носками. Голову прикрываютъ островерхую или круглую шапочкой; часто также головнымъ уборомъ служитъ кусокъ войлока, завязанный на затылкѣ узломъ; ходятъ и простоволосыми. Волоса у нихъ по большей части коротко острижены, густые, темнаго или чернаго цвѣта. Косы у мужчинъ встрѣчаются въ Цайдамѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ собственной Монголіи.

Монголь изъ Ова-тёгёрука.

(Съ рисунка автора).

Цвѣтъ кожи у нихъ красновато-смуглый отъ постоянного пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, а также отчасти и отъ грязи; зубы, мелкіе, желтоватые, но, повидимому, долго сохраняются. Скулы выдающіяся, носъ приплюснутый, небольшой, голова круглая, какъ шаръ, впереди плоская, растительность на подбородкѣ рѣдкая; тонкій пушокъ развивается у мужчинъ послѣ тридцати лѣтъ отъ роду въ весьма рѣдкую бородку.

Въ Ова-тёгёрукѣ мы достали два мѣшка ячменя; это было тѣмъ болѣе кстати, что передъ нами на два дня пути

разстиралась пустынная область. Для перевозки этого запаса приобрѣли молодую кобылу. Въ теченіе дня отдыха Исламъ-бай занялся кстати очисткой и описью кухонныхъ ящичковъ, причемъ открылъ цѣлый мѣшокъ кофейныхъ зеренъ и бутылку сиропа, подаренную мнѣ больше года тому назадъ патеромъ Гендриксъ. Кофе, чередуясь съ чаемъ, внесъ пріятное разнообразіе въ меню, сиропъ пошелъ на десертъ.

23 октября путь нашъ свернулъ къ сѣверо-востоку, и намъ предстояло перейти центральную пустынную полосу Цайдама. Вскорѣ растительность стала рѣдѣть и, наконецъ, прекратилась. Голая, бесплодная, кочковатая и сырая почва часто бѣлѣла выцвѣтами соли; наконецъ, передъ нами развернулась пустыня.

На половинѣ пути пришлось перейти черезъ Хара-усу, т. е. Черную рѣку. Первый рукавъ ея былъ совсѣмъ узкій и струился по илистому руслу. Русло второго оказалось сухимъ. Русло третьяго глубоко врѣзалось въ мягкую почву и было такъ узко, что мы замѣтили его не раньше, чѣмъ были отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ сажений.

Скользкіе берега круто обрывались въ рѣку, и намъ пришлось заступами надѣлать въ глинѣ ступенекъ для лошадей. Лопсенъ, знавшій бродъ, спустился первымъ, но едва лошадь сдѣлала шага четыре по водѣ, какъ погрузилась въ иль до луки сѣдла, и всадникъ промокъ до пояса. Исламъ-бай попыталъ счастья въ другомъ мѣстѣ, но такъ-же неудачно.

Мы остановились. Люди принялись развѣзжать по берегу въ обѣ стороны, но и въ ту и въ другую сторону рѣка становилась еще уже и глубже, и Лопсенъ заявилъ, что другого брода нѣтъ. Онъ былъ очень удивленъ такой прибылью воды и полагалъ, что она вызвана сравнительно теплою погодою за послѣдніе дни и обильнымъ выпаденіемъ снѣга въ области Бурханъ-Будды, бѣлыя вершины котораго сіяли на югѣ.

Глубина самой воды, не превышала одного метра, но бѣда была въ томъ, что лошади глубоко погружались въ иль и того и гляди могли завязнуть. При переправѣ при такихъ условіяхъ могли намокнуть и ягданы до самыхъ замковъ.

Итакъ, хотя мы и прошли всего 12 килом., пришлось остановиться и подождать, пока вода спадетъ. Досадно было, конечно, останавливаться изъ-за какой-то ничтожной рѣчонки

въ 12 м. шириной, среди этой пустыни, гдѣ не было другой растительности, кромѣ жалкой поросли камыша на берегу. „Терпѣніе!“ шепталъ западный вѣтеръ, бурно проносясь надъ пустыней; это ему, безъ сомнѣнія, были мы обязаны повыше́емъ уровня рѣки, задержанной вѣтромъ въ своемъ стремленіи къ западу.

Разбили палатку, лошадей пустили пастись, а въ дно рѣки воткнули шесть съ надрѣзами, чтобы отмѣчать измѣненія уровня. Къ слѣдующему утру воды убыло только на 2 сант., а камышъ былъ уже стѣбенъ нашими лошадьми до чиста. Лопсень и двое другихъ людей повели поэтому животныхъ обратно къ пастбищамъ Ова-тѣгѣрука. Нашъ лагерь лежалъ на высотѣ 2,706 м. надъ уровнемъ моря.

Западный вѣтеръ свирѣпствовалъ съ удвоенной силой. Съ навѣтренной стороны пола палатки вздувалась внутрь пузыряремъ, суживая помещеніе. Ягданы, придерживавшіе загнутые внутрь концы полъ полатки, качались и сдвигались, колья трещали, и каждую минуту можно было ожидать, что палатку унесетъ вѣтромъ въ рѣку.

И надо-же было случиться такой задержкѣ! Я сталъ уже волноваться, такъ мнѣ нетерпѣлось вернуться на родину. Каждый пройденный конецъ пути казался мнѣ завоеваніемъ, приближавшимъ меня къ пути, ведущему на родину. Вотъ уже полгода я не получалъ никакихъ извѣстій оттуда. Я былъ одинокъ въ теченіе трехъ лѣтъ слишкомъ, проведенныхъ мною въ сердцѣ этого безконечнаго континента, берега котораго казались мнѣ просто недостижимыми.

Меня занимало каждый вечеръ подсчитывать, сколько килом. мы прошли за день и затѣмъ вычитать это число изъ тысячъ километровъ, которые намъ предстояло вообще пройти до нашей отдаленной цѣли, до Пекина. Отъ Хара-усу оставалось до него 2,025 килом. Сколько терпѣнія нужно будетъ еще затратить на этотъ путь, сколько ждетъ насъ еще приключеній прежде, чѣмъ мы на своихъ усталыхъ лошадяхъ въѣдемъ въ ворота этой крайней столицы востока!

Утромъ 25 октября вода, наконецъ, спала настолько, что мы могли перебраться черезъ рѣку. Ящики подняли на сѣдлахъ повыше, и каждую лошадь повелъ особый человекъ. Илъ, подъ тяжестью животныхъ, становился все болѣе рых-

лымъ, и послѣднія лошади погрузились особенно глубоко. Но все обошлось благополучно. На правомъ берегу вьюки снова уложили по старому. Трона шла почти прямо на NNO по пустыннымъ областямъ. Скоро пришлось перейти черезъ главное русло Хара-усу и Булунгиръ-голь. Дальше къ востоку всѣ эти рукава сливаются и впадаютъ въ Голусунъ-норъ.

Бъхать по этой поверхности было не особенно пріятно. Верхній почвенный слой состоялъ изъ сухой темносѣрой глины, пропитанной солью, твердой и хрупкой, какъ кирпичъ-сырецъ; безчисленныя ямы и кочки дѣлали поверхность похожей на шведскій сухой хлѣбъ. Напротивъ, летучаго песку здѣсь совсѣмъ не было.

Бассейнъ Цайдама здѣсь довольно узокъ и, пройдя 25 килом., мы снова очутились въ области, покрытой растительностью. Около нашего лагеря, разбитаго въ мѣстности Цахацакъ, не было воды, но Лопсенъ предупредилъ насъ объ этомъ заранѣе, и мы привезли сюда нѣсколько полныхъ мѣховъ.

До Пекина осталось теперь 2,000 верстъ.

XIII.

Тоссо-норъ и Курлыкъ-норъ. Разбойники-тангуты.

26 октября мы прошли цѣлыхъ 39 килом. и достигли сѣвернаго края Цайдамскаго бассейна. Путь нашъ шелъ все въ томъ-же направленіи и по такимъ-же пустыннымъ областямъ. Сначала передъ нами всталъ рядъ низкихъ, бесплодныхъ, глинистыхъ холмовъ, самыхъ своеобразныхъ формъ, вродѣ башенъ, стѣнъ и пирамидъ.

Лишь изрѣдка этотъ безмолвный, пустынный, хотя и не лишенный живописности пейзажъ оживлялся непрехотливыми кустами тамариска и саксаула; чѣмъ они питались—Богъ вѣсть, такъ какъ почва была суха, какъ трутъ, и въ теченіе цѣлаго дня мы не видѣли ни капли воды.

Мы миновали цѣлый рядъ низкихъ глинистыхъ переваловъ. На первомъ изъ нихъ находилось „обо“. На второмъ монголы поставили небольшіе шесты изъ корней и вѣтвей саксаула, которые и служатъ путевыми знаками для путешественниковъ. Тамъ и сямъ между холмами разстилались ровные, какъ поля, участки, бѣлѣвшіе выцвѣтами соли. По словамъ Лопсена, послѣ дождей участки эти заливались водой.

За послѣднимъ переваломъ разстилась къ сѣверу, насколько хваталъ взоръ, бесплодная, песчаная равнина, обѣщавшая хорошій путь нашимъ усталымъ, томимымъ жаждою лошадямъ. Наконецъ, на сѣверѣ заблестѣло озеро; это былъ заливъ Тоссо-нора, окруженнаго словно рамкой глинистыми террасами и холмами, которыя довольно круто спускаются къ водѣ. Здѣсь маршрутъ нашъ слился съ описанной Пржевальскимъ дорогой изъ Дзунъ-дсасака въ сѣверный Цайдамъ.

Вмѣсто того, чтобы продолжать путь къ сѣверо-востоку, что значительно сокращало разстояніе, я предпочелъ взять въ обходъ по западному берегу озера, чтобы прослѣдить контуры его береговой линіи и видѣть, какія впадаютъ въ него рѣки; поэтому мы спустились съ холмовъ внизъ и завернули къ сѣверу по узенькой, низкой прибрежной полосѣ.

Направо отъ насъ разстилось чудное синее озеро. Виднѣлось нѣсколько островковъ. Въ заливѣ плавала стая величавыхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лебедей. Противоположные берега вырисовывались отчетливо и рѣзко и на сѣверо-восточномъ краю озера человѣкъ съ хорошимъ зрѣніемъ могъ различить Цаганъ-обо (бѣлый алтарь). Вода въ озерѣ была очень соленая, и рѣдко разбросанныя вдоль берега кочки казались покрытыми налетомъ инея.

Достигнувъ мѣстечка, гдѣ густо разросся камышь и кусты тамариска и гдѣ мы нашли прѣсную воду, мы разбили палатки около Цаганъ-намага (бѣлаго, т. е. прѣснаго, источника.) Мѣстечко было славное, и только теперь я понялъ, почему озеро называется Тоссо-норъ, т. е. жирное озеро. Согласно объясненію Лопсена, озеро называлось такъ потому, что располагающіеся здѣсь кочевники не терпятъ недостатка ни въ топливѣ, ни въ водѣ, ни въ подножномъ кормѣ для скота, словомъ, „какъ сыръ въ маслѣ катаются“.

Въ самомъ дѣлѣ, какой красивый, богатый красками

ландшафтъ! При солнечномъ закатѣ террасы и холмы противоположнаго берега отливали багрянцемъ надъ голубой поверхностью озера, по которому граціозно, спокойно, скользили лебеди. Вечернія звѣзды не испортили чудной картины. Сіявшій между легкими облачками мѣсяць серебрилъ водную поверхность, гладкую, какъ зеркало. Отъ палатокъ и кустовъ тянулись рѣзкія тѣни. Камышевая заросль окружала насъ черной стѣною, а на берегу, словно снѣгъ, бѣлѣли выцвѣты соли.

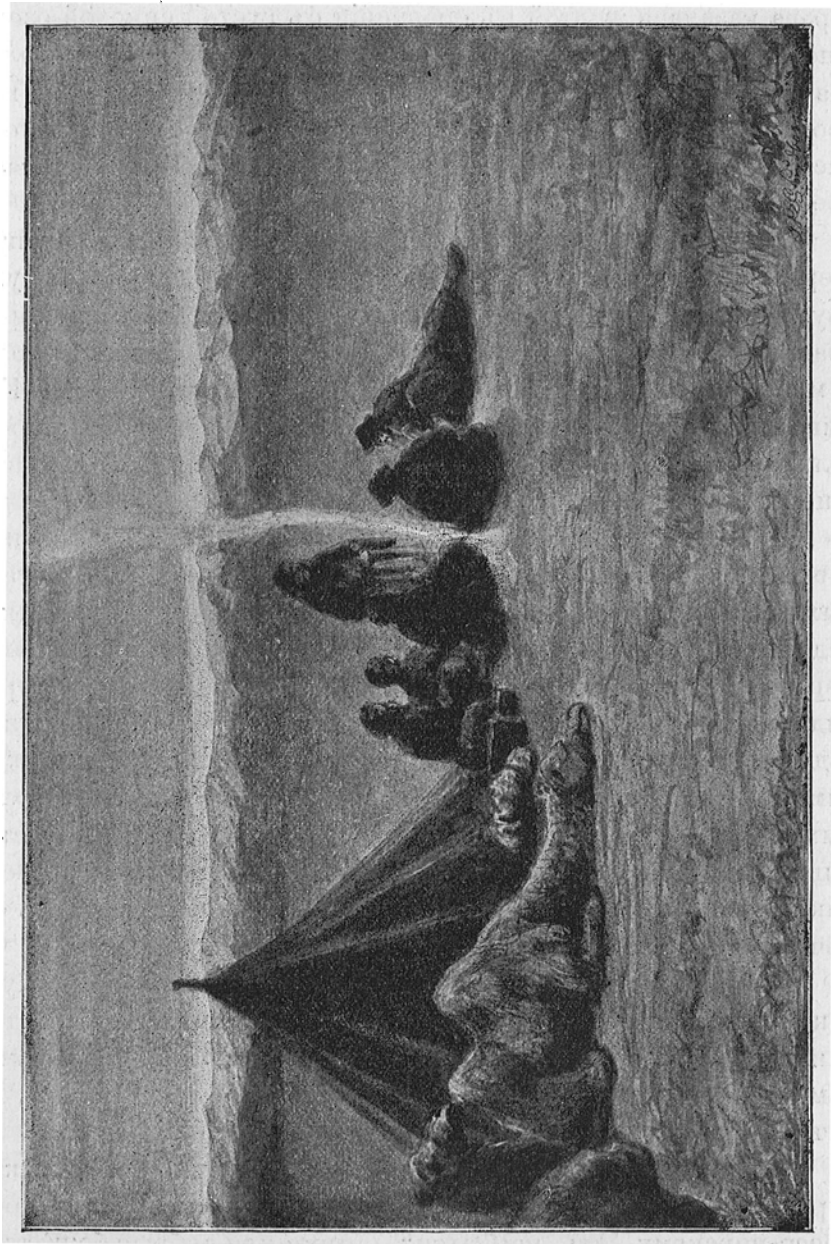
Взглядъ мечтательно скользилъ по водной поверхности и уходилъ вдаль. Почему эти тихія азіатскія озера съ ихъ пустынными берегами навѣваютъ такое мистически-грустное настроеніе? Можетъ быть, потому, что плескъ ихъ волнъ единственный звукъ, напоминающій одинокому путнику въ этой чужой сторонѣ о родныхъ волнахъ сѣвернаго моря. Почему же какъ разъ эти волны пробуждаютъ въ душѣ грѣзы и вызываютъ картины родины? Можетъ быть, потому, что онѣ по волѣ капризнаго вѣтра поютъ тѣ-же пѣсни, что поетъ въ теченіе вѣковъ наше море, ударяясь о шкеры, подобныхъ которымъ нѣтъ на землѣ!

На слѣдующій день мы сначала слѣдовали по самому берегу къ сѣверу, но затѣмъ, когда прибрежная полоса стала неровной и затруднительной для передвиженія, мы снова поднялись на ровную, открытую, усыпанную крупнымъ пескомъ и щебнемъ береговую террасу. Затѣмъ путь нашъ пересѣкъ глубокую, сухую балку, которая, видимо, несетъ воду только въ пору лѣтнихъ дождей. Если глядѣть вдоль балки, Тоссо-норъ виднѣется вдали словно въ отверстіе воротъ.

Затѣмъ, мы достигли того мѣста, гдѣ Голынъ-голь впадаетъ въ озеро, образуя широкой воронкообразный разливъ, и направились по правому берегу рѣки; поверхность представляла большія затрудненія; это былъ настоящій хаосъ бугровъ съ кустами тамариска, глинистыхъ уваловъ, песчаныхъ холмовъ и чащъ камыша, съ какими мы познакомились на восточномъ берегу древняго Лобъ-нора.

Около Бонкымъ-обо, небольшого четырехугольнаго жертвенника, съ каменной плитой, на которой была высѣчена известная молитвенная формула, мы нашли бродъ черезъ рѣку. Ширина ея равнялась здѣсь 30 м., максимальная глубина

86 сантим. Дно рѣки было твердое, вода прозрачная, такъ что переправа багажа не представила затрудненій.

Монгольское становище въ Цайдамѣ
(Съ рисунка Г. Линдберга).

Теперь путь повелъ почти прямо къ востоку. Направо отъ насъ, на довольно значительномъ разстояннн находился сѣверный берегъ Тоссо-нора; налѣво, или на сѣверѣ, синѣло

огромное озеро Курлыкъ-норъ, называемое также Хара-норъ или Голосынъ-норъ. Широкая камышевая опушка южнаго его берега казалась желтой въ сравненіи съ густой синевою озера и почти совершенно скрывала мѣсто истока рѣки Голынъ-голь, впадающей въ Тоссо-норъ. На сѣверномъ берегу озера, напротивъ, не было видно камыша, и береговую линію обрисовывали голые южные склоны Южнаго Куку-норскаго хребта.

Крайне интересное явленіе, что два столь близко лежація озера, какъ Курлыкъ- и Тоссо-норъ, содержатъ одно прѣсную, другое соленую воду. Въ сѣверное озеро, Курлыкъ-норъ, впадаютъ рѣки Балдуинъ-голь, Баянъ-голь, Алиханы-голь и много мелкихъ ручьевъ. Но вытекающая изъ озера р. Голынъ-голь уноситъ изъ него всѣ попадающіе туда выносы соли изъ горъ, и въ озерѣ остается прѣсная вода. Зато всѣ эти соли собираются въ южномъ озерѣ Тоссо-норъ.

Пройдя 25.5 килом., мы расположились лагеремъ вблизи берега, около Лакимгосъ-обо, самаго красиваго изъ видѣнныхъ нами: оно было сложено на пустынной возвышенности и виднѣлось издалека. Состояло обо изъ трехъ кубической формы жертвенниковъ изъ сырцоваго кирпича, покоящихся на пирамидальныхъ пьедесталахъ. Вокругъ нихъ было воткнуто одиннадцать шестовъ, обрисовывающихъ прямоугольникъ; между ними было протянуто множество веревочекъ. Отъ четырехъ угловыхъ шестовъ шли діагоналями веревки къ шесту, вышиною 3.60 м., укрѣпленному на самомъ большемъ жертвенникѣ. На эти веревки были навѣшаны тысячи лоскутковъ съ вѣчною формулой: „омъ мани падме хумъ“.

На среднемъ жертвенникѣ зяло четырехъугольное углубленіе. Лопсенъ сунулъ туда руку и вытащилъ множество длинныхъ, узенькихъ полосокъ бумаги съ тибетскими письменами. По его словамъ, здѣсь были замурованы и бурханы, но онъ побоялся ихъ трогать.

Лопсенъ разсказалъ, что „обо“ это посвящено Курлыкъ-норскому шибтыку“ или „эцзэну“ (духу), какъ Цаганъ-обо Тоссо-норскому. Эти „шибтыки“ — духи или добрыя божества, имѣющіе обликъ людей, но невидимые. Шибтыки бываютъ только добрыя, и люди обязаны имъ озерами, горами и рѣками и мн. др. Существуютъ поэтому „гадсеринъ-эцзэны“ (земные

духи), „тенгринъ-эцзэны (небесные) „норынъ-эцзэны“ (озерные) и пр. Водятся они всюду, кромѣ пустыни. Поэтому-то въ пустынѣ и нѣтъ ничего, что поддерживаетъ жизнь человѣческую.

При лунномъ свѣтѣ „обо“ имѣло совершенно фантастическій видъ. Три пирамиды рисовались какими-то призраками, тысячи лоскутковъ тихо развѣвались по вѣтру, словно хотѣли навѣять миръ на мятущуюся душу. Странные звуки нарушали безмолвіе ночи. Можно было подумать, что озерные духи устроили воздушный хороводъ надъ темной водной поверхностью. Но это попросту крикали утки въ камышахъ. У восточнаго края озера свѣтилось во мракѣ два огонька.

28-го октября. Дорога держалась берега озера, направляясь къ OSO. По лѣвую руку у насъ шло, такимъ образомъ, озеро, по ту его сторону Южно-Куку-норскій хребетъ, а по правую пустынная равнина. Курлыкъ-норъ сузился; тростникъ все больше тѣснилъ воду, и вдоль южнаго берега тянулась только узенькая полоска открытой воды.

Мы были одни въ этой пустынной области. Ни признака жизни кругомъ. Лишь валяющіеся тамъ и сямъ лошадиные остовы указывали, что это проѣзжая дорога. Съ самаго Тенгелика мы не встрѣчали ни одного путника монгола. Лопсенъ говорилъ, что чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ мѣстность становится небезопаснѣе, благодаря разбойникамъ-тангутамъ.

Мальчикъ-монголъ изъ южнаго Цайдама.
(Съ рисунка автора).

Вдали, на восточномъ берегу озера виднѣлись, однако, двѣ одинокія кибитки, но мы продолжали нашъ путь и расположились лагеремъ, только пройдя 25 килом., около Алиханы-гола, рѣки, устье которой все заросло камышомъ. Почва здѣсь была болотистая, и грунтъ ненадежный. Въ одномъ мѣстѣ, съ виду не внушавшемъ опасенія, Исламъ-бай завязъ такъ основательно, что люди съ трудомъ спасли лошадей. Въ теченіе этого перехода мы лишились первой изъ вновь купленныхъ лошадей.

30-го октября мы ѣхали по Барунъ-кѣвве, южному берегу Алиханы-гола, и Цзунъ-ула, т. е. Сѣверныя горы, приходились у насъ по лѣвую руку. Географическія названія въ этихъ областяхъ часто крайне примитивны. Самая рѣка была видна лишь мѣстами. Послѣдняя ночь выдалась холодная (— 22.6°), и по теченію несло много льдинъ, со звономъ ударявшихся другъ о друга и о берега. Дорога вела на Сорго-цзу, до котораго было 29 килом., то по песчаной пустынѣ съ небольшими барханами, то по болотамъ и степнымъ участкамъ.

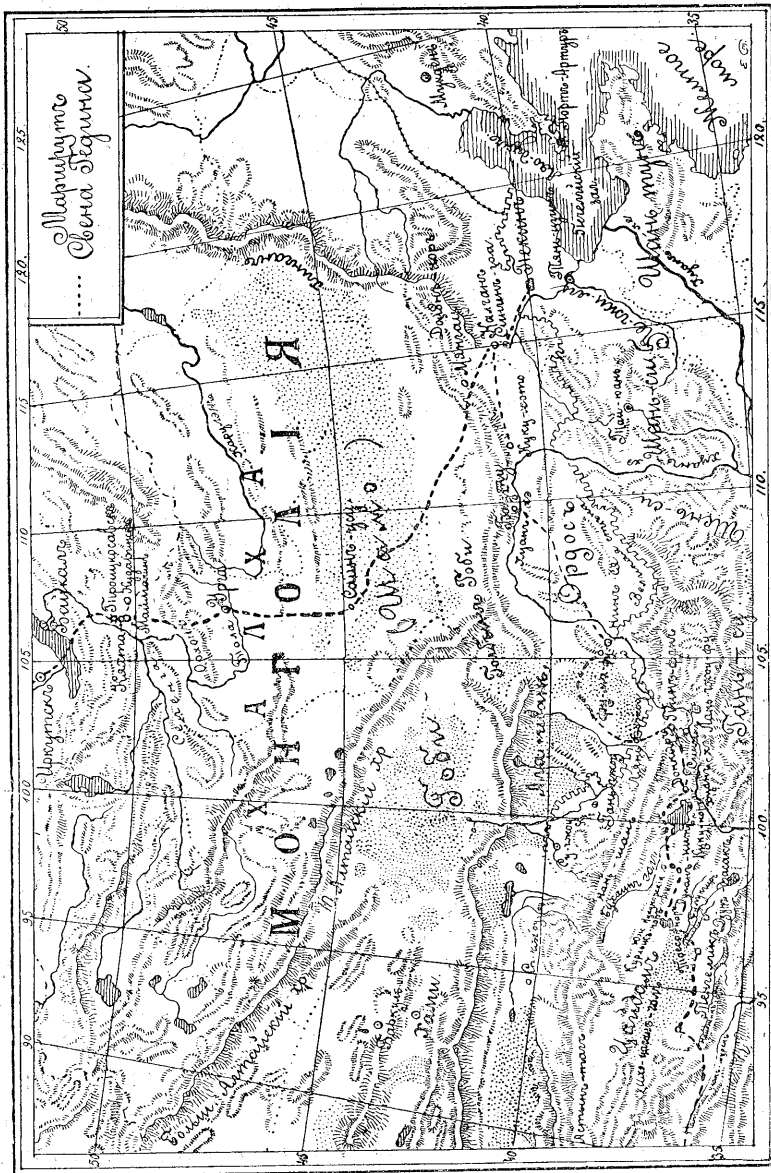
Куда дѣвалась веселость нашего Лопсена? Онъ ѣхалъ хмурый, молчаливый, не отрывая глазъ отъ горизонта, и весь день бормоталъ: „омъ мани падме хумъ“. Я спросилъ его о причинѣ такого мрачнаго настроенія; онъ покачалъ головой и сказалъ, что теперь мы приближаемся къ опаснымъ мѣстамъ. Двое монголовъ, которыхъ онъ встрѣтилъ во время нашего отдыха около Алиханы-гола, сообщили ему, что въ послѣднее время разбойники-тангуты опять показались въ области Курлыкь-нора и увели лошадей у монголовъ.

Онъ и просилъ насъ держать оружіе на готовѣ. Положимъ, мы до сихъ поръ не встрѣчали тангутовъ по дорогѣ, но всетаки они держались въ горахъ, откуда могли видѣть насъ и, руководясь нашими лагерными кострами, могли выслѣдить насъ и, въ лучшемъ случаѣ, украсть у насъ всѣхъ лошадей. Мы зарядили всѣ три ружья и пять револьверовъ и роздали ихъ людямъ вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ патроновъ.

Но и около Сорго-цзу мѣстность продолжала оставаться тихой и пустынной. Ни въ степи, ни у подножія горъ не виднѣлось ни огонька; ничто не говорило о пребываніи людей. Мы поэтому не тревожились, но лошадей въ сумеркахъ привели въ лагерь и снова отпустили пастись на волѣ лишь на разсвѣтѣ.

Впрочемъ, собаки наши были отличными сторожами и предостерегали насъ при малѣйшемъ подозрительномъ звукѣ.

Вечера и ночи стояли ясные, тихіе и холодные. Уже

Сѣверный Китай и Монголія.

около 4 ч. пополудни чернила на моемъ перѣ застывали, и мнѣ приходилось безпрестанно отогрѣвать ихъ своимъ дыханіемъ. Старая кашгарская моя шуба, лежавшая запакованной

почти годъ, снова пошла въ ходъ. Горячій чай казался вкуснѣе, чѣмъ когда-либо, особенно со свѣжей булкой, которую каждый вечеръ пекъ мнѣ Исламъ-бай.

Маленькая походная желѣзная печка, которая была зашита въ войлокъ и путешествовала съ нами всю дорогу, тоже пригодилась теперь. Ее поставили на землю, посреди палатки; трубу привязали стальной проволокой къ металлическому крюку передняго шеста палатки, такъ что конецъ трубы высунулся во входное отверстіе. Затѣмъ, Исламъ затопилъ печку сухими вѣтвями и хворостомъ, такъ что только трескъ пошелъ. Отличная вещь!

Стало такъ тепло, хорошо, уютно. Я чувствовалъ себя точно въ своей комнатѣ, въ Стокгольмѣ. Даже Джолдашу пришлось по вкусу эта затѣя, хотя сначала-то онъ было навастривалъ уши при каждомъ трескѣ сухихъ вѣтвей и громыханьѣ трубы.

Ночью огонь самъ собою погасъ, и въ палаткѣ снова стало холодно. Но что-жь! Я уже лежалъ, закутавшись въ шубы, выставивъ только кончикъ носа. У меня всегда стояла у изголовья чашка съ чаемъ, оставшимся отъ ужина, но къ утру чай этотъ превращался въ ледъ; то же было и съ чернилами, которыя каждый вечеръ приходилось грѣть надъ огнемъ.

Людымъ тоже не было худо. Они разводили себѣ большой костеръ, вокругъ котораго и располагались. Ночь эта выдалась самая холодная за всѣ 2½ года; на воздухѣ было — 26.1°, а въ палаткѣ — 23°, пока-же топилась печка — 3°.

31-го октября мы двинулись по степной области къ Кёвведуку (прибрежному колодцу), находящемуся на южномъ берегу Хара-нора, т. е. Чернаго озера. Озеро это является центральнымъ бассейномъ небольшой, не имѣющей стока области, въ которой собираются воды, стекающія съ окраинныхъ горъ области. Теперь всѣ русла были сухи. По сѣверному берегу тянулись между озеромъ и горами желтые песчаные барханы, а южный изобиловалъ сочной растительностью: колодезь оказался соленоводнымъ. Но до слѣдующаго источника оставался цѣлый день тяжелаго пути, и мы принуждены были поэтому остановиться здѣсь, хотя и прошли всего 14 килом.

Здѣсь стерегла нашихъ лошадей другая бѣда. На мягкой,

рыхлой почвѣ явственно отпечатались безчисленные слѣды медвѣдей, являвшихся сюда изъ горъ лакомиться ягодами. Лопсентъ совѣтовалъ зорко слѣдить за лошадьми, такъ какъ медвѣди имѣютъ привычку залегать въ кусты и оттуда хватать лошадей. Поэтому и здѣсь пришлось привязать лошадей на ночь въ лагерѣ между палатками.

Кромѣ того мы каждую ночь выставляли двухъ караульныхъ, которые смѣнялись черезъ два часа. Чтобы не заснуть и въ то же время давать намъ знать, что они не спятъ, караульные должны были время отъ времени бить въ кастрюли, за неимѣніемъ болѣе подходящаго инструмента. Пѣть имъ было позволено, сколько душѣ угодно, чтобы прогонять дремоту, и я, часто просыпаясь ночью, слышалъ ихъ заунывные однообразные мусульманскіе напѣвы. На зарѣ караульные ложились спать и поручали насъ охранѣ собакъ.

1-го ноября. Ночь прошла спокойно. Ни о медвѣдяхъ, ни о тангутахъ не было ни слуху, ни духу, и мы, вскинувъ ружья на плечи, продолжали путь къ OSO. Скоро озеро скрылось изъ виду, и мы очутились въ довольно широкой долинѣ, съ отлогимъ подъемомъ въ направленіи нашего пути. По обѣ стороны шли средней высоты горные края съ зубчатыми, свободными отъ снѣга вершинами. Дорога шла посреди долины между степными участками, кустами и зарослями камыша, вдоль сухого теперь русла, являющагося въ лѣтнее время водною артеріею области.

На дорогѣ виднѣлись совсѣмъ свѣжіе слѣды медвѣдя, и такъ какъ онъ направился въ ту-же сторону, куда шли мы, то Исламъ-бай и Лопсентъ, выпросивъ позволеніе выслѣдить медвѣдя, исчезли между кустами.

Караванъ шелъ около самыхъ горъ, бывшихъ по правую руку. Когда дорога стала заворачивать, огибая скалистый выступъ, я и Эминъ-Мирза остановились, чтобы произвести нѣкоторыя наблюденія. Горныя породы были представлены здѣсь темнолиловымъ сланцемъ, падавшимъ подъ угломъ 53° SO. Затѣмъ, мы догнали караванъ, достигли середины долины и, спустя приблизительно часъ, съ удивленіемъ увидѣли несущихся назадъ вскачь Ислама и Лопсена. Они держали ружья надъ головой и кричали: „Разбойники — тангуты, разбойники — тангуты!“

Наконецъ, они подскакали къ намъ, а вдали показались 12 вооруженныхъ тангутовъ, окутанныхъ облаками пыли. Я скомандовалъ остановиться и спѣшиться. Вьючныхъ лошадей поставили подъ прикрытіе кустовъ тамариска и поручили надзору одного изъ людей. Оружіе было заряжено, и мы съ Исламомъ, Парши и Лопсеномъ заняли позицію на вершинѣ глинистаго бугра.

Всѣ мы спѣшились и сбросили съ себя тулупы. Трусливые мусульмане дрожали. Парши уже разъ, два съ половиной года тому назадъ, побывалъ въ такой передѣлкѣ, когда тангуты напали на караванъ Дютрейля де Рина и убили послѣдняго около Тамъ-будды. Пржевальскій и Роборовскій также подвергались нападенію въ этихъ мѣстахъ, и я поэтому вполне сознавалъ серьезность положенія.

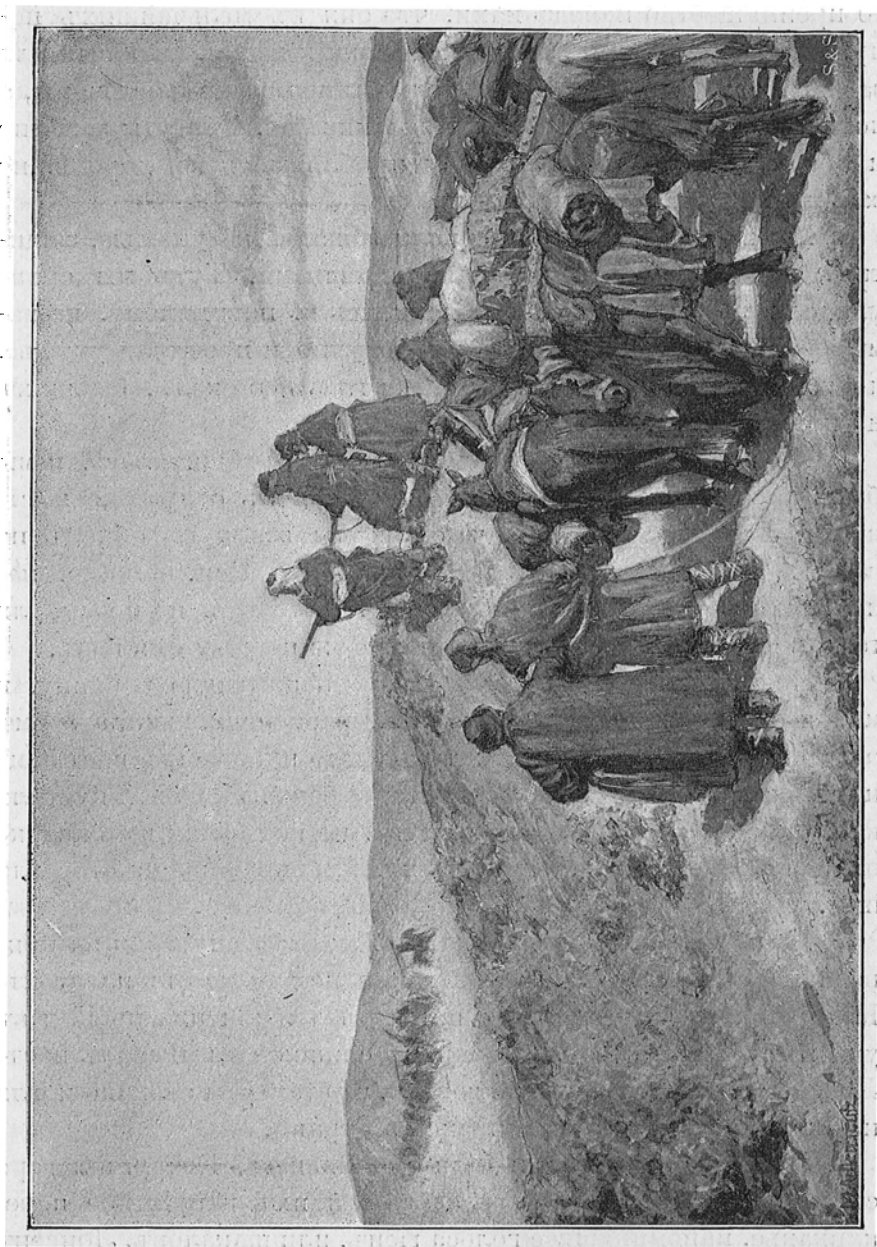
Тангутовъ, какъ сказано, было 12 человекъ, и Лопсенъ увѣрялъ, что у нихъ, безъ сомнѣнія, у всѣхъ были ружья. У насъ-же имѣлось всего три ружья и пять револьверовъ, такъ что на сторонѣ непріятеля былъ значительный перевѣсъ. Исламъ и Лопсенъ стрѣляли лучше насъ всѣхъ. Но тангуты также хорошіе стрѣлки, цѣлятся долго и хладнокровно и не стрѣляютъ на вѣтеръ.

Что-же насъ ожидало? Неужели караванъ будетъ уничтоженъ, а съ нимъ погибнуть и труды послѣдней экспедиціи?

Нѣтъ! Опасность была не такъ велика, какъ казалось. Увидавъ, что насъ много и что въ рукахъ у насъ блещетъ оружіе, разбойники остановились шагахъ въ 150.

Когда пыль улеглась, мы ясно разглядѣли разбойниковъ. Они оживленно совѣщались, сильно жестикулируя и крича. Надо было ожидать, что въ результатѣ они найдутъ нападеніе на насъ рискованнымъ. Мы пока-что выжидали на бугрѣ. Я спокойно продолжалъ курить трубку, что, видимо, успокаивало моихъ людей, и разсматривалъ тангутовъ въ бинокль, который у меня всегда былъ подъ рукой. Послѣ минутнаго совѣщанія разбойничья толпа повернула подъ прямымъ угломъ направо, къ подошвѣ южныхъ горъ, гдѣ и раздѣлилась. Половина пустилась по тѣснинѣ между скалами, а половина, когда мы вновь сѣли на коней и сомкнутой кучкой поѣхали дальше, направилась параллельно нашему пути, въ разстояніи всего 2 ружейныхъ выстрѣловъ отъ насъ.

Долина между тѣмъ сузилась, и путь велъ черезъ узкое ущелье. Лопсень боялся, что тангуты поторопятся впередъ,

Разбойники-тангуты.
(Съ рисунка М. Адлерфельда.)

чтобы залечь за скалами и оттуда обстрѣливать насъ. Но другого пути не было, вернуться назадъ тоже было невозможно.

Надо было, слѣдовательно, постараться пройти ущелье

раньше, или, по крайней мѣрѣ, пройти его прежде, чѣмъ тангуты успѣютъ занять выгодныя позиціи. У нихъ, однако, было то преимущество передъ нами, что они въ мельчайшихъ подробностяхъ знали свои скалы, балки и мѣста, удобныя для засады. Кромѣ того, наши лошади были тяжело навьючены, а лошади тангутовъ не обременены ничѣмъ. Тангуты замѣтно и обгоняли насъ, мало-по-малу приближаясь къ дорогѣ, но затѣмъ исчезли между скалами.

Мы изо всѣхъ силъ погоняли лошадей къ ущелью, защитивъ правый флангъ каравана стрѣлками. Тутъ мы снова увидали тангутовъ. Они остановились и, повидимому, не намѣревались нападать. Мы благополучно и проѣхали ущелье, держа курки на взводѣ и не сводя глазъ со скалъ, бывшихъ по правую руку.

По ту сторону ущелья долина снова расширилась, и мы были рады-радешеньки опять очутиться въ открытой мѣстности. Лопсенъ полагалъ, что тангуты взяли въ обходъ по горамъ, намѣреваясь преслѣдовать насъ. Они, видимо, направлялись къ Курлыкъ-нору красть лошадей, но повернули теперь обратно въ надеждѣ на большую поживу отъ насъ.

Подъ конецъ долина перешла въ широкую равнину, и мы, пройдя въ общемъ 34 килом., расположились лагеремъ около Хара-шарынъ-куббъ; тутъ было прекрасное пастбище и прѣсное озерко, питаемое источникомъ. Лошадей пустили къ водѣ напиться и затѣмъ пастись, но не давали имъ далеко отходить отъ лагеря. Курбанъ и Ахметъ все время стерегли ихъ.

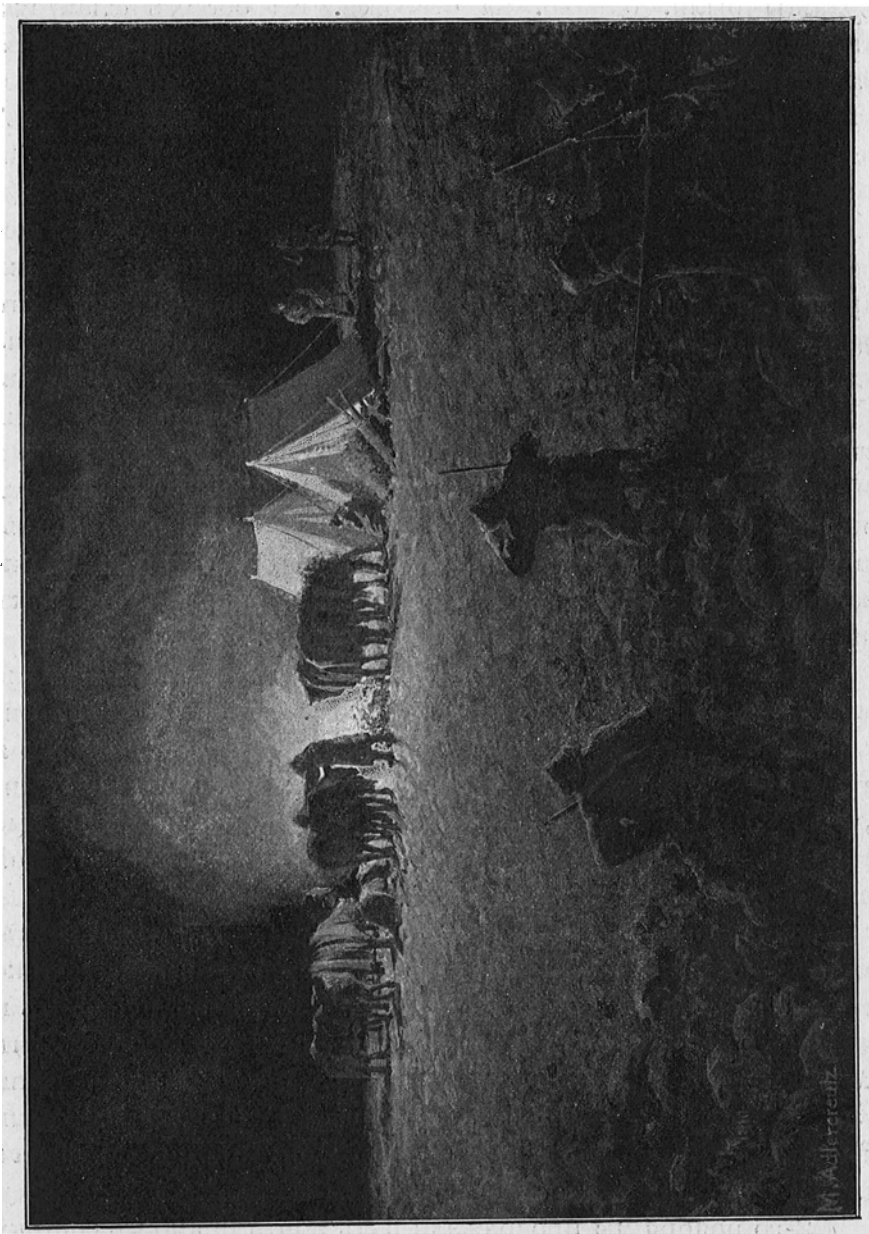
Какъ только стало смеркаться, лошадей пустили на привязи пастись въ заросли тростника не далеко отъ палатокъ. Костеръ для приготовления пищи разложили низенькій и въ укрытомъ мѣстѣ, чтобы огонь не слишкомъ выдавалъ насъ. Лопсенъ очень тревожился, говоря, что тангуты отлично могли наблюдать за нами, притаившись въ травѣ.

Во мракѣ ночи они и дали о себѣ знать. Вокругъ лагеря стало со всѣхъ сторонъ раздаваться ихъ неприятное перекликанье, напоминавшее голоса гѣнъ, или шакаловъ. Лопсенъ зналъ эту ихъ хитрость: они такимъ путемъ узнавали, есть-ли у намѣченныхъ ими жертвъ сторожевыя собаки.

Если дѣйствительно таково было ихъ намѣреніе, то они

могли увѣриться, что собаки у насъ есть. Послѣднія всю ночь яростно лаяли и бросались къ озерку, по близости котораго

Тангуты подкрадываются къ нашему лагерю.
(Съ рисунка М. Адлергейма).

тангуты, видимо, привязали своихъ лошадей. Лопсенъ не находилъ словъ для выраженія своей ненависти къ тангутамъ вообще: говорилъ, что они сами не лучше собакъ и проч.

Приподнявъ полы тулуповъ и держа ружье въ правой рукѣ, они крадутся, припавъ къ землѣ, словно кошки.

Мы были, однако, на сторожѣ. На обоихъ флангахъ стоянки выставлены были караульные, которые безъ перерыва барабанили и пѣли. Спали одновременно только по два человека. Черезъ каждыя 5 минутъ Парпи кричалъ: „хабѣрдаръ? (стража не спитъ?) Лопсень-же молча грѣлъ руки надъ тлѣющими угольями.

Ночь прошла тревожно. Люди расхаживали взадъ и впередъ, лошади фыркали и ржали, кастрюльный бой и крики правильно чередовались, словомъ, мы не на шутку попали въ осадное положеніе. Замыслы тангутовъ, однако, такъ и не удались: имъ не пришлось увести у насъ ни одной лошади.

Таково было наше вступленіе въ страну тангутовъ. Мы съ первыхъ-же шаговъ поняли, что тутъ надо смотрѣть въ оба. Тангуты — извѣстные разбойники и воры, грабящіе своихъ мирныхъ сосѣдей, монголовъ. Послѣдніе, отправляясь въ большіе праздники въ монастырь Гумбумъ (Кумъ-бумъ), собираются поэтому въ большія вооруженныя партіи, такъ какъ миновать область тангутовъ никакъ нельзя.

Я думаю, что люди мои бодрствовали всю ночь больше отъ страха, нежели изъ чувства долга. Имъ было дано приказаніе разбудить меня, если тангуты начнутъ стрѣлять, но я и безъ того просыпался безпрестанно, разбуженный криками: „хабѣрдаръ? Въ промежутки между этими окриками, на которые отвѣчали остальные наши люди, поднимали свой дикій вой тангуты.

На восходѣ солнца мы приготовились выступать. Тангуты снова удалились на приличное разстояніе. Но, какъ только караванъ нашъ двинулся къ востоку, они появились опять и заняли оставленное нами мѣсто. По пустымъ спичечнымъ коробкамъ, обрывкамъ газетной бумаги, огаркамъ свѣчъ, они узнали, что тутъ имъ пришлось-бы имѣть дѣло не съ простыми монголами, и они, должно быть, поэтому и отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

2-го ноября мы продолжали путь почти прямо къ востоку и прошли цѣлыхъ 43 килом. по обширнымъ степнымъ участкамъ между обѣими горными цѣпями. Въ горныхъ долинахъ держалось, по слухамъ, множество тангутовъ; и дѣйствительно

мы видѣли на пути безчисленное множество ихъ пересѣкающихся слѣдовъ. Поверхность была ровная и удобная для ѣзды, и мы быстро подвигались впередъ, хотя нѣкоторыя изъ нашихъ лошадей и были уже плохи. Три раза видѣли большія стада кулановъ, скрывшихся въ горы.

Область распадалась на нѣсколько неимѣющихъ стока бассейновъ. Теперь всѣ русла были, однако, сухи. Сначала мы миновали небольшое озеро, затѣмъ обширное; каждое являлось центральнымъ бассейномъ своей области. Почти на серединѣ берега второго озера, называвшагося Серки-норъ возвышался обо, называемый Гадсыръ-удзуръ.

Отъ воднаго запаса озера немного оставалось; только въ трехъ мѣстахъ виднѣлись лужи; все остальное пространство озернаго ложа было сухо и покрыто бѣлыми отложеніями соли. Здѣсь монголы, на пути въ Гумбумъ, наполняютъ свои мѣшки солью, которая въ Донкырѣ и Сининѣ цѣнится на вѣсъ „тарянь-гурила“, т. е. поджаренной муки, на которую и вымѣниваютъ соль.

Лѣтомъ озеро снова наполняется водой, но бываетъ такъ мелко, что можно было-бы перейти черезъ него вбродъ, не будь ложе его такъ мягко и рыхло. Мѣстность у восточнаго края озера, орошенная источниками и покрытая сочной травой, называется Ёрдэни. Здѣсь сливались съ нашимъ маршрутомъ дороги изъ Дзунъ-дсасака и Номохунъ-хото, двухъ важныхъ монгольскихъ становищъ въ восточномъ Цайдамѣ. Здѣсь мы разбили лагерь. Ночью учрежденъ былъ такой-же строгій караулъ, какъ и наканунѣ, но все было тихо, и никакихъ тангутовъ не показывалось.

На слѣдующій день предстоялъ переходъ въ 25 килом. до Дуланъ-юна. Дорога свернула къ NO по долину Дуланъ-гола; широкая долина была окаймлена обросшими травой холмами и прорѣзана довольно многоводной, прозрачной рѣкой. Вершины горъ направо были покрыты лѣсомъ. На склонахъ паслись большія стада овецъ, а около рѣки бродили сотни яковъ. Лагерь мы разбили на правомъ берегу рѣки, въ чудесномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ кибитки тангутовъ.

Мы нарочно хотѣли показать тангутамъ, что не боимся ихъ. Двое встрѣтившихся намъ всадниковъ тотчасъ обратились въ бѣгство, и только подъ вечеръ двое другихъ, воору-

женныхъ длинными мечами, отважились приблизиться къ моей палаткѣ. Одѣты они были совсѣмъ, какъ монголы, но ни слова не понимали по монгольски.

Лопсенъ въ теченіе своихъ четырехъ паломничествъ въ Лассу успѣлъ выучиться тангутскому нарѣчію, и мы съ его помощью могли объясниться съ тангутами. Дружелюбный пріемъ нѣсколько ободрилъ ихъ, но всетаки видно было, что они еще не знаютъ хорошенько, чтò имъ думать о насъ, какъ относиться къ намъ. Они, впрочемъ, продали намъ овцу и принесли вечеромъ молока.

Мы съ намѣреніемъ выбрали для лагеря пороспій кустарникомъ островокъ, между двумя рукавами рѣки, откуда намъ видна была долина. Топлива тутъ было довольно; рѣка весело журчала по камнямъ. Лошадей отвели пастись на ближайшую лужайку, гдѣ онѣ всю ночь и охранялись двумя вооруженными людьми.

XXIII.

Страна Хара-тангутовъ. Куку-норъ.

Около Дуланъ-юна (Теплой рѣки) мы отдыхали весь день 4-го ноября; измученные ночные караульные наши храпѣли весь день. Лопсенъ, впрочемъ, и тутъ совѣтовалъ намъ глядѣть въ оба, не довѣряя наружному дружелюбію и безкорыстію тангутовъ, продавшихъ намъ овцу и молоко всего за одинъ ланъ. Лопсенъ опасался, что они намѣревались наверстать свое кражею.

Послѣ многихъ отговорокъ онъ, наконецъ, согласился сопровождать меня къ двумъ сосѣднимъ кибиткамъ, а сначала такъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, да и слуги мои мусульмане отговаривали меня. Я-же не видѣлъ въ этомъ ничего опаснаго, такъ какъ собирался посѣтить тангутовъ безоружный, какъ добрый сосѣдь.

Двѣ черныя кибитки были разбиты одна возлѣ другой. Около кибитокъ встрѣтили насъ шесть сердитыхъ, черныхъ псовъ. Потомъ вышелъ тангутъ, прогналъ собакъ и, узнавъ

отъ Лопсена истинную цѣль нашего посѣщенія — мое желаніе посмотреть на ихъ житье-бытье, пригласилъ насъ войти. Я вошелъ и расположился около огня. Двѣ женщины кипятили

Кибитка тангутовъ близъ Дулангъ-юна.
(Съ рисунка авгора).

въ котлѣ чай съ мукой и масломъ. Одна изъ нихъ, молодая, была женой хозяина кибитки. У нея было пріятное лицо съ бойкимъ, веселымъ выраженіемъ; у груди ея лежалъ малютка,

котораго она кормила, все время не сводя съ меня глазъ. Другая была препротивная старуха; около нея сидѣла дѣвочка лѣтъ пяти. Одежда женщинъ и самого хозяина была та же, что и у монголовъ. Тулупы были наброшены на лѣвое плечо, остальная-же часть туловища до самаго пояса была обнажена. Молодая женщина отличалась крѣпкимъ и красивымъ сложеніемъ; цвѣтъ тѣла былъ смугложелтый. Типомъ тангуты, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ ихъ впервые, сильно напоминаютъ монголовъ. Можно было-бы даже принять ихъ за монголовъ, если-бы не другой языкъ и не другая конструкція кибитки.

Посреди кибитки, противъ входа, стоялъ на ящикѣ такой же жертвенникъ, какъ и у монголовъ, а на шеѣ у хозяина висѣлъ такой-же футлярчикъ съ бурханомъ.

Насъ угостили чаемъ. Я разспросилъ насчетъ устройства кибитки, узналъ, какъ называются разныя ея части и занесъ все это въ записную книжку. Это встревожило Лопсена. Онъ опасался, что тангуты могутъ заподозрить насъ въ дурныхъ намѣреніяхъ. Женщины умирали отъ хохота при моихъ отчаянныхъ усиліяхъ выговорить трудныя слова тибетскаго нарѣчія съ нагроможденіемъ согласныхъ въ началѣ словъ. При этомъ онѣ не сводили съ меня глазъ. Волосы у нихъ были заплетены въ множество косичекъ, обрамлявшихъ ихъ грязныя лица и спадавшихъ на плечи, на спину и на грудь. Въ самую среднюю, спускающуюся по спинѣ, косу и въ двѣ боковыя были вплетены красныя и синія ленты, лоскутки матерій и разныя бусы, которыя болтались и били по спинѣ при каждомъ движеніи головы. Нельзя сказать, чтобы это было особенно удобно.

Кибитка имѣла квадратное основаніе и была раза въ три, въ четыре просторнѣе обыкновенной монгольской или киргизской юрты. Формою она напоминала низкую усѣченную пирамиду. Посреди ея шелъ рядъ шестовъ, поддерживавшихъ парусину, т. е. черный, грубый, домашняго тканья холстъ; между шестами было продолговатое отверстіе для выхода дыма.

Вокругъ кибитки была вырыта канава для стока дождевой воды. Посреди кибитки виднѣлся очагъ, сложенный изъ плоскихъ камней съ углубленіями для котловъ и отверстіемъ внизу

для тяги. Между двумя рядами такихъ-же камней хранился запасъ помета для топлива.

Вдоль стѣнъ расположены были холщевые и кожаные мѣшки, съ ячменемъ, мукой, саломъ и солью. Мѣшки эти

Мальчикъ-тангутъ.

(Съ рисунка автора).

также защищали обитателей кибитки отъ сквозняка, пробиравагося снизу подъ ея полами. На рваныхъ кошмахъ около огня валялись въ живописномъ беспорядкѣ тулупы, козьи бурдюки, куски холста, веревки, сапоги, ружья, два меча, мѣдные котлы, деревянные чашки, чайники, китайскія

фарфоровыя чашки, четырехугольные ящики для муки, раздувальные мѣхи, сѣдла и сбруя. Большую часть этихъ предметовъ, даже мечи, тангуты изготовляютъ сами. Священные сосуды, бурханы и т. п. были привезены изъ Лассы и Гумбума, а часть остальныхъ вещей изъ Синина.

5-го ноября. Ненастье, небо хмурое, земля покрыта снѣгомъ,—необычайное зрѣлище съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Тибетъ. Утромъ въ лагерь явились 10 человѣкъ тангутовъ, вооруженныхъ прямыми острыми мечами и одѣтыхъ въ пестрыя, синія и красныя одежды, въ остроконечныхъ шапкахъ на головахъ. Костюмъ придавалъ имъ нѣкоторое сходство съ солдатами. Они принесли намъ два кувшина молока и предлагали купить у нихъ лошадей. Цѣны они запросили, однако, несуразныя, и покупка не состоялась.

Они съ любопытствомъ разсматривали наши пожитки, безо всякой, впрочемъ, назойливости и вообще были очень добродушны и разговорчивы. Особеннымъ почтеніемъ прониклись они къ моему револьверу, заряженному шестью пулями. Я хотѣлъ нанять одного тангута проводникомъ, но они отвѣтили, что иначе, какъ вдвоемъ, не согласны. Я согласился и давалъ каждому по 12 ланъ до Синина, но они требовали 16 ланъ (около 23 рублей), когда-же я пошелъ и на это, они отговорились тѣмъ, что у нихъ нѣтъ свободныхъ лошадей. Навѣрное, они просто не довѣряли намъ и боялись отправиться съ нами. Къ счастью, Лопсенъ отлично зналъ эту область. Вообще, это былъ лучший изъ всѣхъ нашихъ проводниковъ.

Долина постепенно шла вверхъ, между покрытыми землей округленными горами, средняя часть склоновъ которыхъ поросла хвойнымъ лѣсомъ. Надъ поясомъ лѣсной растительности виднѣлись тамъ и сямъ горныя породы *in situ*. Въ устьяхъ небольшихъ боковыхъ долинъ были разбросаны кибитки тангутовъ, мрачнаго и подозрительнаго вида, — настоящія разбойничьи гнѣзда. Мы насчитали 25 кибитокъ; всего-же ихъ около Дуланъ-юна до 40. Разумѣется, тангутамъ ничего не стоило перерѣзать намъ путь и одолѣть насъ, еслибы они только захотѣли, но никто не нападалъ на насъ; тангуты выходили изъ своихъ кибитокъ только, чтобы поглядѣть на насъ.

Посреди долины я увидалъ своеобразный, похожій на пирамиду предметъ. Это былъ глиняный кубъ съ такимъ-же цилиндромъ на немъ. Лопсенъ объяснилъ, что это „субурганъ“ и что значить вблизи есть кумирня. Черезъ минуту мы и приблизились къ стѣнамъ Дуланъ-кита, перваго встрѣченнаго нами осѣдлаго поселка съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Копы. Внутри стѣнъ находилось нѣсколько домиковъ; нижняя часть ихъ была каменная, верхняя глиняная; было тутъ и нѣсколько кибитокъ. Жители принадлежали къ племени Бангамонголовъ, пользовавшемуся дурной славой.

Въ западной части поселка возвышался большой четырехугольный домъ съ плоской крышей и окнами. Это и была кумирня или китъ. Здѣсь проживалъ главный лама 25 кукунорскихъ племенъ по имени Худыктынъ-гэгэнъ. Онъ монголъ, воплощающійся въ Дуланъ-китѣ въ теченіе 6,100 лѣтъ. Когда онъ достигаетъ 61 года отъ роду, онъ ложится и умираетъ, но снова возрождается въ лицѣ какого-нибудь маленькаго ребенка, который и дѣлается его преемникомъ. Въ Монголіи, Гумбумѣ и Тибетѣ насчитывается 61 лама такого-же класса.

Пройдя 26 килом. мы разбили палатки сейчасъ на востокъ отъ Цаганъ-нора (бѣлаго озера). Озеро было стиснуто боками долины, и гранитныя скалы во многихъ мѣстахъ круто обрывались въ воду вывѣтрѣлыми крутыми отрогами. Лѣсъ порѣдѣлъ, и послѣднія деревья росли уже такъ высоко на склонахъ, что до нихъ не достать было. Насчетъ топлива у насъ было поэтому туговато.

Лопсенъ былъ въ большомъ горѣ, у него пропала сумка съ провизіей и 10 ланами серебромъ, на которыя онъ собирался купить въ Гумбумѣ верблюда. Сумка служила ему подушкой ночью и, вѣрно, наши почтенные гости тангуты украли ее утромъ, пока люди выючили лошадей. Я пообѣщалъ ему возмѣстить его потерю, если онъ достанетъ мнѣ въ Гумбумѣ нѣсколько красивыхъ священныхъ флаговъ изъ кумирни, и Лопсенъ мой утѣшился.

6-го ноября. Ночью, въ долинѣ, по сосѣдству отъ лагеря раздавался пронзительный вой. Я былъ вполне увѣренъ, что это опять преслѣдуютъ насъ тангуты, намѣреваясь преградить намъ путь. Собаки бѣшено лаяли, и караульные то и дѣло перекликались. Но я такъ усталъ, что заснулъ, не смотря ни

на что. Утромъ я узналъ, что суматоху эту подняли три волка, подкравшіеся ночью къ моей палаткѣ и погрызшіеся съ собаками.

Выступивъ въ путь, мы направились по широкой, поросшей травой долиноѣ сначала къ сѣверо-востоку, затѣмъ къ сѣверу. Ни воды, ни людей нигдѣ не было видно, но о томъ, что мѣстность эта посѣщалась время отъ времени, свидѣтельствовали кучки угля и золы — остатки лагерныхъ костровъ. Горы были сложены изъ гнейса и сильно вывѣтрѣлаго кварца. По срединѣ долины выступала изъ почвы отдѣльная остроконечная скала, похожая на гигантскій зубъ.

Здѣсь намъ попался въ высшей степени оригинальный памятникъ. Это была четырехугольная стѣна, сооруженная изъ гранитныхъ плитъ, толщиною въ $\frac{3}{4}$ м., и примыкавшая къ скалѣ. Въ стѣнѣ были широкія ворота, которыя вели во дворъ, вымощенный каменными плитами; каждая сторона его имѣла около 12 м. въ длину. Вывѣтрѣлые камни и покосившіеся стѣны памятника говорили о его древности. Высота стѣнъ равнялась полуторному человѣческому росту. Стѣны были увѣнчаны сланцевыми плитами съ выцарапанною на нихъ обычною молитвенной формулой. Боковыя стѣны были съ внутренней стороны увѣшаны клочками шерсти, лоскутками матерій и косями, тоже покрытыми письменами.

Хотя сооруженіе это, безъ сомнѣнія, играло первоначально роль крѣпости, жители этой мѣстности считали его, повидимому, за „обо“. Со двора можно было проникнуть въ высокій и длинный гротъ въ скалѣ, неправильныя и вывѣтрѣлыя стѣны котораго свидѣтельствовали о его естественномъ происхожденіи. Всѣ стѣны были испещрены черными китайскими письменами. Мѣсто это называлось Ганджыръ.

Здѣсь опять оказалось много кулановъ. Сначала мы увидѣли стадо въ 20 головъ, потомъ въ 80. Животныя кучкой поскакали къ перевалу и исчезли. Долина обнаруживала не особенно крутой подъемъ къ NO, къ перевалу Нѣкѣтенъ-Кѣттель, на вершинѣ котораго былъ воздвигнуть „обо“ въ честь божествъ Куку-норскаго хребта. Съ вершины перевала мы увидѣли на сѣверо-востокѣ широкую открытую долину р. Бухаинъ-гола, ограниченную съ сѣвера низкими горами. Гори-

зонть открывался вообще обширный, свободный, какъ и въ областяхъ Сѣвернаго Тибета.

Мы спустились съ перевала къ сѣверу по рѣчной долиинѣ Нѣкѣтенъ-гола и остановились, пройдя за день $25\frac{1}{2}$ кил., около небольшого, мелководнаго ручейка. Для костра пришлось удовольствоваться пометомъ кулановъ. Зато подножнаго корма тутъ было вдоволь. Здѣсь встрѣтили мы караванъ изъ 50 тангутовъ, шедшій изъ долины Дулана. Тангуты были очень удивлены, но не выказали никакихъ признаковъ враждебности и сообщили, что ѣздили въ Донкыръ за мукой и другой провизіей на зиму. Сами они ѣхали верхомъ на лошадяхъ, а мѣшки съ мукой и прочій багажъ везли на якахъ.

7 ноября. Всю ночь тангуты шныряли вокругъ нашего лагеря, но украсть нашихъ лошадей имъ такъ и не удалось, и утромъ они тронулись въ путь раньше насъ. Нашъ маршрутъ шелъ почти весь день прямо къ востоку ($32\frac{1}{2}$ килом.)

Переправа черезъ рѣчку представила большія затрудненія. Исламъ-ахунъ изъ Керіи, ѣхавшій на одной изъ вьючныхъ лошадей, попробовалъ было пуститься вбродъ по водѣ, кипѣвшей льдинками. Но рѣчка оказалась такой глубокой, что лошадь чуть было не потонула. Всадникъ взялъ холодную ванну, а вьюкъ весь вымокъ. Парпи-бай попыталъ счастья въ другомъ мѣстѣ, повыше, но съ тѣмъ-же результатомъ. Наконецъ, Лопсенъ нашелъ сравнительно мелкое мѣсто, гдѣ ледъ пришлось прорубать топоромъ.

Ровная, мягкая поверхность была вся изрыта полевыми мышами, и надо было глядѣть въ оба, чтобы лошади не оступились въ одну изъ этихъ безчисленныхъ ямокъ. Затѣмъ мы поѣхали кустарникомъ вдоль берега Бухайнъ-гола. Рѣчное русло было покрыто щебнемъ, самая рѣка была широка и многоводна, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разбивалась на нѣсколько рукавовъ, была затянута льдомъ. Высота береговыхъ террасъ достигала 5 м.

Болѣе получаса ѣхали по мѣстности, гдѣ, по словамъ Лопсена, 8 мѣсяцевъ тому назадъ, находился лагерь 20,000 дунганъ, бѣжавшихъ изъ Синина.

Они и оставили по себѣ замѣтные слѣды. Трава до сихъ поръ оставалась притоптанной и выжженной, а по ней были разбросаны черепа и кости овецъ, украденныхъ дунганями у тан-

гутовъ, лоскуты войлока, доски и проч. Дунганы, какъ саранча, опустошали мѣстности, по которымъ проходили. Куда они направились, Лопсень не зналъ. Но ихъ не было въ Цайдамъ; вѣроятно, они ушли въ горныя области по верхнему теченію Бухайнъ-гола.

Мы не встрѣтили въ теченіе дня ни души человѣческой. Не видно было ни кибитокъ, ни пасущагося скота; въ этой тихой, пустынной мѣстности безбоязненно рыскали поэтому волки, лисицы, рѣзвились на свободѣ куланы. Дикихъ яковъ намъ не попадалось, но, говорили, что они водятся по верхнему теченію рѣки. Самое названіе Бухайнъ-голь означаетъ „рѣка яковъ“.

8-го ноября. Зима снова набросила на окрестность свой холодный, бѣлый коверъ. Ночью шелъ снѣгъ и жалобно выли волки. Но, когда взошло солнце, снѣгъ растаялъ. Едва мы оставили лагерь, какъ мѣсто наше заняла стая волковъ въ надеждѣ поживиться чѣмъ нибудь послѣ насъ. На собакъ нашихъ они не обращали ни малѣйшаго вниманія, да тѣ и остергались приближаться къ нимъ.

Намъ предстояло переправиться черезъ Бухайнъ-голь. Переправа оказалась легче, чѣмъ я ожидалъ. Притокъ воды въ главномъ руслѣ равнялся 17 куб. м. въ сек.; ширина его равнялась 75 м. Чудесная, прозрачная вода безшумно, словно масло, струилась по руслу со скоростью 90 сантим. въ сек. За главнымъ русломъ переправились черезъ 6 рукавовъ, представлявшихъ теперь, и то лишь мѣстами, замерзшія лужи, и, наконецъ, еще черезъ одинъ рукавъ, несшій 4 куб. м. въ сек. и, должно быть, стекавшій съ покрытыхъ землистыми частицами склоновъ сѣверныхъ горъ, такъ какъ вода была мутна.

Мы все больше удалялись отъ Южно-Куку-норскаго хребта, снѣжный гребень котораго рисовался вдали все болѣе легкими, неясными тонами. Теперь онъ заворачивалъ къ OSO, чтобы окаймить южный берегъ Куку-нора.

Тамъ и сямъ опять зачернѣли кибитки тангутовъ. Раза два мы видѣли стада и всадниковъ. Вдали на востокѣ горизонтъ былъ очерченъ ровной темносинею линіей; это и былъ Куку-норъ.

Въ мѣстности, называемой Хады-сэджи, мы разбили лагерь, пройдя за день 22½ килом. Вечеръ выдался тихій, ясный, звѣзды

такъ и сверкали, а окрестъ лагеря въ ущельяхъ мерцали огоньки тангутскихъ костровъ.

9-го ноября мы сдѣлали небольшой переходъ, такъ какъ одна изъ лошадей пала въ началѣ пути, а многія изъ осталь-

Тангутъ изъ Бага-улана.

(Съ рисунка автора).

ныхъ были очень изнурены. Путь нашъ велъ къ ОНО, и безграничная водная поверхность Куку-нора выступала все яснѣе. Мѣстность медленно понижалась по направленію къ берегамъ озера. Лишь на NO и ОНО рисовались горныя цѣпи съ рѣдкими снѣжными вершинами. Это былъ Сѣверный Куку-норскій хре-

бетъ, называемый монголами по-просту Цзунъ-ула — „Сѣверная горы“.

Вотъ послышался плескъ волнъ о берега. Вода была не прозрачна, должно быть, отъ волненія. На вкусъ она была значительно менѣе солоновата, чѣмъ вода сѣверно-тибетскихъ озеръ. Безъ сомнѣнія, причиной являлся Вухайнъ-голь, дельта котораго находилась неподалеку. Льду на озерѣ еще не было видно; около полудня, при температурѣ воздуха 1.9° вода имѣла температуру 6.7° . Путь нашъ затѣмъ пошелъ по берегу, на которомъ волны воздвигли уваль изъ сланцеваго щебня.

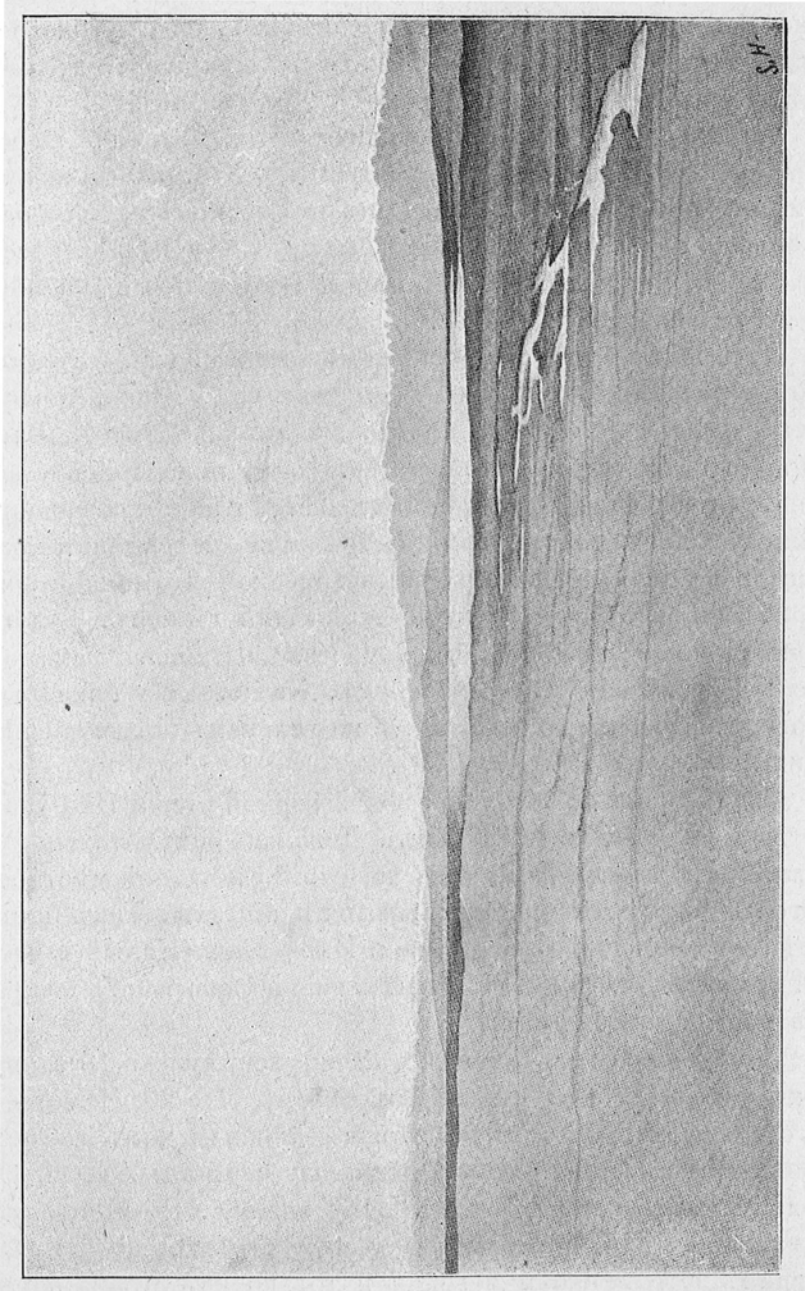
Около ручья Бага-уланъ мы сдѣлали привалъ. Изъ этого лагеря открывалась величественная панорама. Озеру, отливавшему голубоватыми и зеленоватыми тонами, казалось, не было границъ; это было настоящее море, уходившее изъ глазъ. Далеко, далеко, налѣво и направо виднѣлись горные хребты, но, чѣмъ дальше, тѣмъ они становились ниже и, наконецъ, исчезали какъ-бы окутанные дымкой. Края ихъ не сходились, оставляя широкий просвѣтъ на юго-востокѣ. Здѣсь мнѣ дышалось легче; я какъ будто ощущалъ свѣжее, влажное дыханье морского воздуха.

Итакъ, мы, наконецъ, достигли Голубого озера, по тангутски Цо-гомбо, по монгольски — Куку-норъ, по китайски Цзинъ-хэ, расположеннаго на высотѣ 3,040 м. надъ поверхностью моря, и намъ предстояло слѣдовать вдоль его береговъ еще въ теченіе трехъ дней.

Лопсенъ сообщилъ слѣдующую легенду о происхожденіи озера. Въ древности одинъ лама выкопалъ здѣсь глубокую, огромную яму. Затѣмъ взялъ одинъ бѣлый и одинъ черный корень какого-то растенія, протянулъ ихъ надъ ямой и переломилъ черный пополамъ. Тогда изъ корней обильно хлынула вода и наполнила яму. Если-же бы онъ переломилъ бѣлый корень, яма наполнилась-бы молокомъ. И большое счастье, что не случилось такъ, — тогда жители этой мѣстности были бы лишены любимаго своего занятія — скотоводства. Послѣ того лама поднялся на высокую гору по сосѣдству и сбросилъ оттуда на середину озера глыбу, которая и образовала островъ.

10-го ноября. И въ этомъ лагерѣ мы лишились одной лошади. Вообще оказалось, что монгольскія лошади плохи. Зато онѣ недорого и стоили. У большинства изъ нихъ, послѣ

мѣсяца путешествія, спины были уже стерты въ кровь. Тан-

Сѣверо-западная часть о. Кукуноръ.
(Съ рисунка автора).

гуты, примѣняющіе лошадей исключительно для верховой ѣзды, больше холятъ ихъ, но и требуютъ за нихъ дороже.

Лошадь средняго достоинства стоитъ у нихъ 20 ланъ. Можно было-бы ожидать, что монголы, благосостояніе которыхъ гораздо больше связано съ коневодствомъ, нежели благосостояніе тангутовъ, сумѣютъ создать лучшую породу, но на дѣлѣ не такъ.

У тангутовъ роль племеннаго скота играютъ вмѣсто лошадей яки. Наши лошади, взятыя изъ Хотана, были куда лучше этого новаго комплекта. Путь до Копы онѣ прошли безъ малѣйшаго труда. Онѣ, впрочемъ, были лучше упитаны, нежели монгольскія лошади, которыя пробавляются почти исключительно подножнымъ кормомъ.

Путь нашъ снова направился къ востоку въ одномъ километрѣ разстоянія отъ озера. Весь день надъ водной поверхностью выдавался, словно холмъ, скалистый островъ. Ландшафтъ сегодня былъ оживленнѣе. Намъ попадались стада, пасшіяся подъ надзоромъ женщинъ, дѣтей и пастуховъ, вооруженныхъ ружьями или мечами. Встрѣчавшіеся всадники также держали на плечѣ ружья съ фантастической подставкой-рогагиной; за поясомъ-же у нихъ былъ заткнутъ мечъ. Тулупъ, перехваченный поясомъ, былъ частью вытащенъ изъ подъ него и спускался на него мѣшкомъ. На ногахъ у нихъ были сапоги съ торчащими носками, а на головахъ остроконечныя шапки.

Около довольно обильной водой горной рѣчки Ихэ-уланъ мы сдѣлали приваль (22 килом.). Довольно замѣчательно, что большинство географическихъ названій въ данной мѣстности монгольскія, и ихъ придерживаются и тангуты. Такъ напри-мѣръ, наименованія Бага-уланъ и Ихэ-уланъ (Малый и Большой красный трактъ) чисто монгольскія и указываютъ на красноватый оттѣнокъ грунта.

Близехонько отъ нашего лагеря раскинулось 10 тангутскихъ кибитокъ, а въ ущельѣ, къ сѣверу, еще 20. Нѣкоторые изъ обитателей ближнихъ кибитокъ явились къ намъ въ гости; у всѣхъ за поясомъ были обнаженные мечи изъ Лассы. Они продали намъ молока, овцу и одну лошадь. Но Лопсену не понравилось, что они увидѣли у насъ столько серебра. Онъ твердилъ, что всѣ они негодяи и только изъ страха передъ нашимъ вооруженіемъ не нападаютъ на насъ.

Тангуты обыкновенно спрашивали Лопсена, правда-ли,

что у насъ въ ящикахъ сидятъ солдаты, и онъ пресерьезно отвѣчалъ имъ, что въ большихъ ящикахъ помѣщаются по два, а въ ящикахъ поменьше по одному, да кромѣ того оружіе. Желѣзную печку съ ея странной трубой тангуты принимали за пушку. На вопросы, зачѣмъ-же мы зажигаемъ ее по вечерамъ, Лопсенъ отвѣчалъ, что такимъ образомъ, мы держимъ ее наготовѣ: въ случаѣ опасности, стоитъ только бросить въ огонь пороху и ядеръ, и труба выпалитъ.

Тангуты рассказали, что девять мѣсяцевъ тому назадъ, черезъ Ихэ-уланъ проходили дунганы и украли здѣсь 400 овецъ, 140 лошадей, коровъ и яковъ.

По словамъ тангутовъ, рѣка должна была стать черезъ 10—15 дней. Ледъ держится обыкновенно около трехъ мѣсяцевъ, но бываетъ непроченъ, такъ какъ въ ясные, вѣтряные дни образуется множество полыній, трещинъ и промоинъ, которыя снова замерзаютъ лишь въ тихую погоду. Самый ледяной покровъ достигаетъ, говорятъ, толщины въ локоть. Благодаря этимъ трещинамъ и полыньямъ, паломники, отправляющіеся на богомолье въ находящуюся на островѣ кумирню, не могутъ ѣхать на лошадяхъ, но должны идти пѣшкомъ. Запасъ продовольствія и топлива на три дня они везутъ на санкахъ, смастеренныхъ на этотъ случай изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, составляющихъ остовъ вьючнаго сѣдла.

Часто, однако, случается, что на пути попадается непроходимая полынья, и паломники принуждены бываютъ вернуться назадъ; иногда-же ихъ захватываетъ оттепель на островѣ, и, чтобы переправиться обратно, они должны дожидаться, пока ледъ снова подмерзнетъ. Поэтому паломники никогда не рискуютъ посѣщать островъ въ такое время года, когда ихъ можетъ захватить вскрытіе озера. Тогда имъ пришлось-бы прожить тутъ до слѣдующей зимы. Ламы, проживающіе въ одиночествѣ на этомъ пустынномъ островѣ, существуютъ приношеніями паломниковъ.

Уровень воды въ озерѣ подвергается сильнымъ колебаніямъ. Высокій уровень, по повѣрью жителей, предвѣщаетъ несчастный годъ, низкій — счастливый. И неудивительно, что въ этомъ году, когда вода достигла необычайно высокаго уровня, явились дунганы и ограбили тангутовъ. Не случись-же этого набѣга дунганъ, сдѣлался-бы падежъ скота, или на

самихъ тангутовъ напала-бы злая болѣзнь, или кормы вышли-бы плохіе. Лѣтомъ вода, говорятъ, стоитъ всегда выше, чѣмъ зимою.

Повышеніе, или пониженіе уровня, какъ-бы оно ни было само по себѣ незначительно, всегда бываетъ очень замѣтно по береговой линіи, такъ какъ поверхность здѣсь имѣетъ почти незамѣтный уклонъ въ сторону озера. Въ нынѣшнемъ году береговая линія отодвинулась къ сѣверу на 2—3 килом. дальше обыкновеннаго.

Можетъ быть, это непостоянство уровня и подало почтенному патеру Гюку поводъ узрѣть въ озерѣ „приливъ и отливъ“. Патеръ говоритъ слѣдующее:

„Этотъ мощный бассейнъ скорѣе заслуживаетъ быть названнымъ моремъ, нежели озеромъ, такъ какъ, не взирая на его значительные размѣры, вода въ немъ такого-же горько соленого вкуса, какъ въ океанѣ, и въ немъ также бываютъ правильные приливъ и отливъ“.

У западнаго края озера мы миновали, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, „обо“ Куку-норынъ. И на восточномъ берегу озера есть обо, воздвигнутый въ честь озерныхъ божествъ и называющійся Цаганъ-ямпинъ или Куша-чулунъ. Онъ посѣщается разъ въ годъ старшинами всѣхъ окрестныхъ племенъ. Кромѣ того, на берегахъ находится нѣсколько мелкихъ „обо“.

Сегодня намъ попалось одно крайне примитивное „обо“, состоящее изъ вѣтвей и сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и украшенныхъ лоскутками мѣха, клочьями шерсти, обрывками веревокъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ находился камень цилиндрической формы, на которомъ разводился огонь. Если около каждаго изъ этихъ „обо“ усердно повторять „во здравіе больного“ молитву: „омъ мани падме хумъ“, то больной выздоровѣетъ.

Куку-норскіе тангуты зимою держатся въ степяхъ около озера, которое, безъ сомнѣнія, умѣряетъ зимнюю стужу, а лѣтомъ перекочевываютъ въ сѣверныя горы. Главный старшина тангутовъ Ганцзы-лама. Онъ является какъ-бы посредникомъ между губернаторомъ сининскимъ и кочевниками и, какъ таковой, облеченъ властью творить судъ и расправу. Всѣхъ преступниковъ приводятъ къ нему для допроса и слѣд-

ствія, которое нерѣдко заканчивается смертной казнью. Въ особенно важныхъ случаяхъ лама сносится съ губернаторомъ, въ другихъ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію.

Молодой тангутъ съ береговъ Куку-нора.

(Съ рисунка автора).

Въ общемъ страна, конечно, находится въ рукахъ китайцевъ, но способъ управленія ихъ странюю оставляетъ желать многого. Какъ и въ Цайдамѣ, здѣсь мало китайскихъ чинов-

никовъ. Въ данномъ отношеніи обѣ эти провинціи сильно отличаются отъ Восточнаго Туркестана, съ его превосходнымъ административнымъ устройствомъ.

Монголы зовутъ своихъ хищныхъ сосѣдей хара-тангутами, т. е. черными тангутами, вѣроятно, за ихъ черныя кибитки, смуглый цвѣтъ лица и черные волосы, но не потому, чтобы слово „хара“ означало, какъ старался увѣрить насъ Лопсенъ, „дурной“ и „злой“.

Положеніе наше все еще оставалось ненадежнымъ и заставляло насъ постоянно быть на сторожѣ: мы ежеминутно могли ожидать нападенія. Словомъ, мы держались какъ-бы на военную ногу. Къ счастью, пошли опять свѣтлыя, лунныя ночи, и наши ночные караульные могли обозрѣвать окрестности. Собаки каждую ночь яростно лаяли, но обыкновенно тревогу подымали большіе желтовато-сѣрые волки, которые подходили къ нашимъ палаткамъ.

Лѣтомъ Ихэ-уланъ-голъ становится, говорятъ, такимъ многоводнымъ, что его нельзя перейти вбродъ. Теперь его хрустальные воды тихо струились между камнями, издавая мелодичное журчанье среди ночной тишины.

XXIV.

Черезъ Донкыръ въ монастырь „тысячи изображеній“ (Гумбумъ).

Потерявъ четвертую лошадь, мы приобрѣли осла и отправились 12 ноября дальше къ востоку. Сначала намъ предстояло перейти два замерзшихъ болота; короткіе, сухіе стебли камыша торчали между гладкими, какъ зеркало, льдинами, которыя съ трескомъ ломались подъ копытами лошадей.

Дорога завернула къ OSO и вмѣстѣ съ тѣмъ удалилась отъ берега озера. Послѣднее блестяло вдали на солнцѣ, словно клинокъ меча.

На степныхъ участкахъ паслись стада антилопъ, а въ одномъ изъ овраговъ ихъ подстерегало шесть волковъ. Анти-

лопы, впрочемъ, были на сторожѣ, и вожаки стада зорко оглядывали окрестность. Почувявъ опасность, они уносились съ поразительной быстротой и легкостью, какъ будто почти не касаясь земли ногами.

Мало-по-малу мы приблизились къ сѣвернымъ горамъ съ ихъ рѣдкими снѣжными вершинами. На юго-востокѣ виднѣлся мощный, покрытый снѣгомъ горный массивъ, а между нимъ и сѣвернымъ хребтомъ виднѣлась какъ-бы выемка — переваль Хара-кѣттель. Какъ разъ напротивъ, на томъ берегу озера, неясно рисовался хребетъ Южно-Куку-норскій.

Харгынь-голь оказалась незначительной горной рѣчкой, но рѣку Голынъ-усу, глубиною въ 60 сантим., покрытую толстою ледяною корою было не такъ-то легко перейти. Неподалеку отсюда проживаетъ на берегу озера монгольское племя Харгы-усу, которое при нападении на нихъ дунганъ въ началѣ этого года оказало мужественное сопротивленіе и поплатилось жизнью своего 19 лѣтняго предводителя.

13-го ноября разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Пекина, убавилось еще на $32\frac{1}{2}$ килом., но до Пекина всетаки оставалось еще цѣлыхъ 1,500 верстъ! Ночь была холодная, минимальный термометръ показалъ — 18.4° . Утромъ, на восходѣ солнца температура равнялась 15 градусамъ. Брр! Какъ холодно было вставать, умываться и одѣваться! Платье обыкновенно леденѣло за ночь, и мы согрѣвались, только напившись горячаго кофе. Мы направились по долинѣ Гансыга между горами средней высоты. Всюду росла трава, тамъ и сямъ виднѣлись кибитки, стада и слѣды прежнихъ стойбищъ. Гнались за двумя лисицами, одну изъ которыхъ и поймали живьемъ, благодаря сметливости собакъ.

Хара-кѣттель (черный переваль) оказался очень удобнымъ, и даже наши изнуренныя лошади перешли его безъ труда. По ту сторону перевала широкая долина медленно спускалась къ Байнъ-хошуну, гдѣ мы и разбили лагерь около горной рѣчки. Дорога обозначилась здѣсь уже явственнѣе. Узенькія тропинки, выбѣгавшія сбоку, сливались въ большую широкую тропу, протоптанную безчисленными копытами лошадей и рогатаго скота.

На встрѣчу намъ попался важный тангутскій старшина въ красной шапочкѣ съ бѣлой мѣховой опушкой; за нимъ

слѣдовала цѣлая свита, тоже верхомъ. Онъ сообщилъ намъ, что въ Донкырѣ находится одна русская женщина, а въ Сининѣ двое или трое русскихъ. Я сразу понялъ, что дѣло шло объ англійскихъ миссіонерахъ; во внутренней Азіи всѣхъ европейцевъ зовутъ „урусами“.

Затѣмъ мы встрѣтили пятерыхъ всадниковъ, которые держали въ поводу нѣсколькихъ ничѣмъ ненавьюченныхъ лошадей. Лопсенъ сказалъ, что готовъ поклясться въ томъ, что лошади эти краденныя. Наконецъ, попался намъ навстрѣчу караванъ изъ 60 яковъ, навьюченныхъ всевозможными товарами въ холщевыхъ и кожаныхъ мѣшкахъ и сумахъ. Караванъ сопровождали шесть вооруженныхъ людей, между ними двое китайцевъ. Это были купцы изъ Синина, которые снабжали кукунорскихъ тангутовъ ячменемъ и мукой.

14 ноября мы цѣлыхъ 25 килом. сдѣлали по берегу рѣки, которая, принявъ нѣсколько притоковъ, стала значительною и называлась Цункукъ-голь. Она течетъ къ Донкыру и Синину и впадаетъ подъ Лань-чжоу въ Хуанъ-хэ. Впервые мы познакомились съ этой рѣкой по восточную сторону Харакѣттеля. Такимъ образомъ, мы вышли изъ неимѣющихъ стока областей Центральной Азіи и достигли водъ, изливающихся въ Великій океанъ. Слѣдуя по ихъ теченію, мы могли бы добраться до послѣдняго. Значитъ, конецъ нашему плѣну въ центральныхъ частяхъ континента! Здѣсь снова, послѣ трехъ лѣтъ, мы вступили въ периферическую область. Отраднo было сознать такое освобожденіе!

Котловина суживалась по направленію къ юго-востоку. Но рѣка прорвала себѣ въ горахъ рѣзко очерченное русло. Горы на сѣверѣ являлись отрогами Нань-шаня. Какъ разъ тамъ, гдѣ долина суживалась, у дороги стоялъ изваянный изъ гранита звѣрь на пьедесталѣ. Мѣсто это называлось Баръ-хото (городъ тигра); говорятъ, что нѣкогда здѣсь находился китайскій городъ.

Немного подальше мы встрѣтили огромный караванъ монголовъ изъ племени Дзунъ-дзасакъ. Они 10 дней пробыли въ Донкырѣ, дѣлая разныя закупки, и теперь возвращались обратно тѣмъ-же путемъ. Видно, въ этихъ областяхъ поздняя осень лучшее время для долгихъ путешествій; лѣтомъ дорога

бываетъ преграждена разливомъ Бухайнъ-гола, Ихэ-уланъ-гола и др. рѣкъ.

Мы насчитали до 300 верховыхъ; большинство были мужчины; многіе вооружены ружьями. Мечи-же имѣлись у всѣхъ. Были тутъ и женщины, въ живописныхъ, темно-синихъ и красныхъ одеждахъ, и подростки. Закупленный провіантъ — муку, макароны, а также одежду, посуду и обувь они везли, по крайней мѣрѣ, на 1000 лошадяхъ и 300 верблюдахъ. Животныя шли тѣсными рядами, подымая пыль столбомъ. Въ общемъ караванъ представлялъ оживленную, богатую красками картину. Мы не скоро-то миновали его. Изъ рядовъ каравана то и дѣло слышались по моему адресу восклицанія: „урусъ!“ Вооруженіе каравана составляли около полтора ста ружей; необходимость столь сильнаго прикрытія для каравана ясно говорила о томъ, насколько опаснымъ въ сущности являлся путь черезъ страну тангутовъ.

Разумѣется, такое полчище должно было уничтожить весь подножный кормъ на мѣстахъ стоянокъ по пути. Караванъ вообще дѣлалъ короткіе переходы и подвигался медленно. Верховые ѣхали рядомъ съ верблюдами. Оба фланга каравана были защищены одинаковымъ числомъ вооруженныхъ людей; самый караванъ разбитъ на отдѣльныя группы; разстояніе между ними не превышало, однако, 20 шаговъ; предосторожность не лишняя, на случай нападенія. Земля дрожала отъ топота этой массы животныхъ.

Монголы вьючатъ своихъ животныхъ очень легко. Каждая лошадь несетъ только два небольшихъ мѣшка, вѣсъ которыхъ равняется всего третьей части обыкновеннаго средняго вьюка лошади. Какъ это обстоятельство, такъ и короткіе переходы, объясняютъ, что животныя ничуть не утомляются въ пути. Впродолженіи такого путешествія монголы травятъ пастбища тангутовъ, а ихъ собственныя остаются тѣмъ сохраниће.

Паденіе русла извивавшейся по долинѣ рѣки постепенно все увеличивалось; это было замѣтно по безчисленнымъ водопадамъ. Въ одномъ мѣстѣ водная масса, пѣнясь, съ грохотомъ ударялась о гранитныя скалы праваго берега. Тутъ намъ предстояла переправа, оказавшаяся легкой; мы переправились выше пороговъ. Лѣтомъ-же рѣка такъ сильно вздувается, что

переправа черезъ нее невозможна, и приходится пробираться по тропинкѣ по скаламъ.

Мѣстность опять оказалась обитаемой монголами, которые въ большинствѣ случаевъ живутъ здѣсь въ такихъ-же черныхъ кибиткахъ, какъ и тангуты. Долина называется здѣсь Мургу-цукъ. Мы разбили лагерь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образовала расширение, неподалеку отъ кумирни Шины-китъ.

15-го ноября выдался интересный переходъ. Широкая, но каменистая дорога шла по лѣвому берегу рѣки, и мы уже были гораздо ниже уровня зеркальных водъ Куку-нора. Хадда-уланъ (красные холмы) — небольшой второстепенный перевалъ, съ котораго открывается обширный видъ въ долину и видны 17 „обо“, воздвигнутыхъ на высочайшихъ вершинахъ.

Цаганъ-тохо — поселокъ, обнесенный стѣнами и состоящій изъ глиняныхъ сакль; большинство жителей — китайцы. Около кумирни Брацзинъ-китъ черезъ рѣку былъ перекинутъ шаткый, деревянный мостъ — первый, видѣнный нами за долгій срокъ. Селенія стали попадаться все чаще; жилища были осѣнены тополями, березами, лиственницами и соснами, въ вершинахъ которыхъ вѣтеръ пѣлъ свою чудесную, знакомую намъ пѣсню.

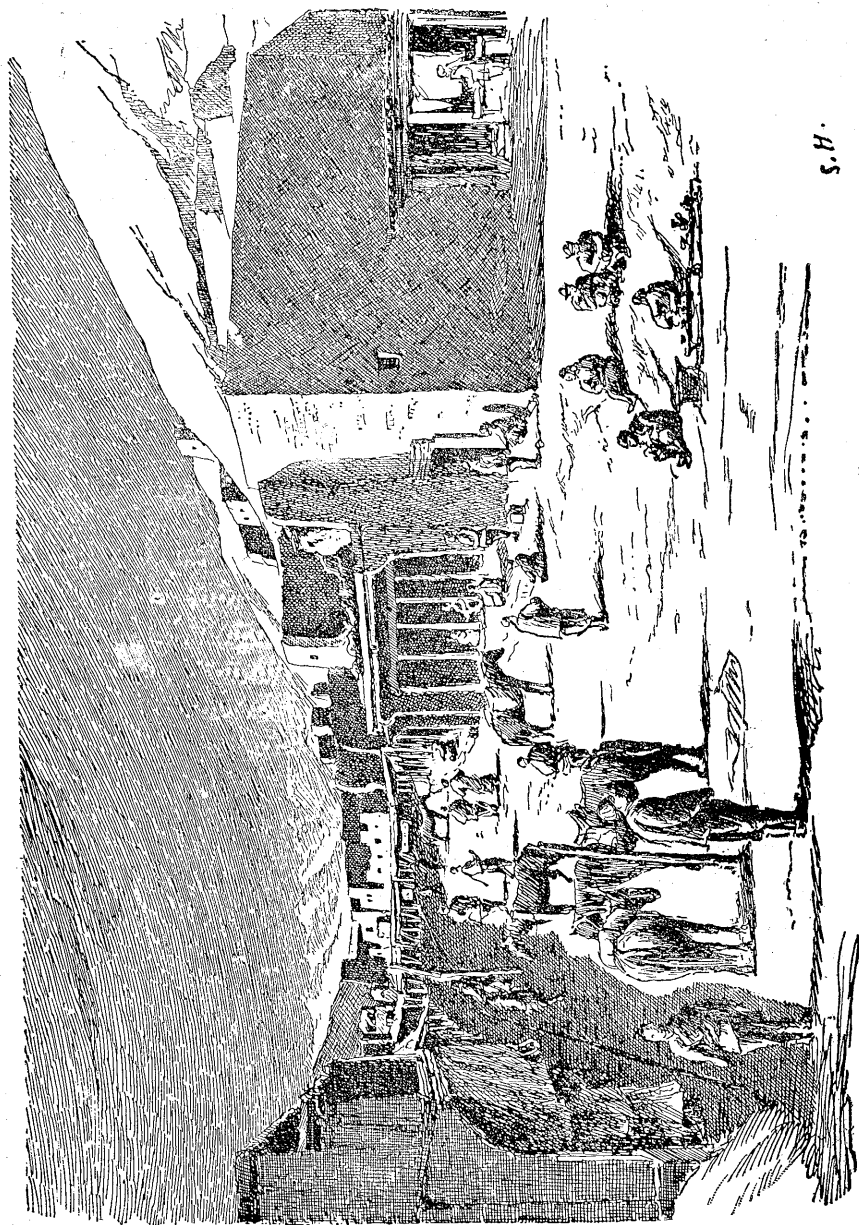
Трактъ становился все оживленнѣе; все чаще попадались проѣзжіе верхомъ: китайцы, монголы, тангуты. Попадались и небольшіе караваны ословъ, навьюченныхъ сельскими продуктами, и двухколесныя арбы, запряженныя мулами. На горныхъ скатахъ паслись стада рогатаго скота и яковъ, а на скалистыхъ выступахъ возвышались кумирни и отдѣльныя „обо“. Все говорило о близости города. Сейчасъ послѣ полудня мы и очутились уже въ улицѣ, окаймленной двумя рядами ровно расположенныхъ домовъ. Въ концѣ-же ея возвышались каменные ворота, ведшія въ Донкыръ.

Мы вѣхали въ городъ и поѣхали по главной улицѣ съ домами, обращенными къ ней живописными фасадами. Что за суетня, за шумъ и гамъ! Съ непривычки мы чуть не оглохли.

Парпи-бай, отправившійся въ городъ рано утромъ впередъ насъ, чтобы предъявить губернатору мой паспортъ, встрѣтилъ насъ у воротъ города и подалъ мнѣ карточку „русской женщины“, которая приглашала меня быть ея гостемъ. Я, хоть и полагалъ, что не совѣмъ-то удобно обрушиться, какъ бомба,

къ одинокой дамѣ, всетаки рѣшилъ отправиться къ ней, подстрекаемый, главнымъ образомъ, любопытствомъ.

Главная улица въ Ло-серѣ.
(Съ рисунка автора).

Въ дверяхъ прекраснаго китайскаго дома, съ четырехольнымъ дворомъ, встрѣтила меня простоволосая молодая женщина въ очкахъ и китайскомъ платьѣ. Она привѣтливо

спросила меня: „Do you speak english?“ (говорите вы по английски?). Я отвѣтилъ утвердительно, и у насъ завязался оживленный разговоръ. Она назвалась мистриссъ Рейнгардъ, женщиной-врачомъ. По рожденію она была американкой, но была замужемъ за голландскимъ миссіонеромъ Рейнгардомъ, который мѣсяць тому назадъ уѣхалъ въ Пекинъ съ капитаномъ Уэльби, только что вернувшимся изъ путешествія по Тибету.

Мистриссъ Рейнгардъ оказалась олицетвореніемъ любезности и гостепріимства. Нечего и говорить, что я былъ въ восторгѣ отъ встрѣчи съ особой, съ которой можно было побесѣдовать кое о чемъ поинтереснѣе пастбищъ, опасныхъ переваловъ, дикихъ яковъ и домашняго скота. Меня только удивляло, что мужъ ея отважился оставить ее одну среди грубаго населенія. Но, благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, она успѣла пріобрѣсти здѣсь много друзей.

Я пробылъ въ Донкырѣ два дня, чтобы дать отдохнуть измученнымъ лошадямъ. Я сдѣлалъ визитъ губернатору, осмотрѣлъ городъ и имѣлъ случай познакомиться съ посланцами отъ Далай-ламы къ китайскому императору. Каждые три года изъ Лассы отправляютъ въ Пекинъ подарки, и это единственная подать тибетцевъ. Дары состоятъ по большей части изъ разныхъ матерій, бурхановъ, оружія, сушеныхъ плодовъ и сандалнаго дерева; общая стоимость ихъ достигаетъ 5000 ланъ.

Главный посолъ, лама Гарбуинъ Лозанъ Гиндунъ сообщилъ мнѣ, что всего ѣдетъ 300 всадниковъ, а дары везутъ на 300 верблюдахъ. Употребляютъ они на путешествіе много времени. На путь отъ Лассы до Донкыра идетъ 3 мѣсяца; въ послѣднемъ городѣ они остаются 1 годъ, и 2 мѣсяца ѣдутъ до Пекина, гдѣ проводятъ 3 мѣсяца. Затѣмъ, на обратномъ пути опять проводятъ въ Донкырѣ 4 мѣсяца.

Гарбуинъ пригласилъ меня къ себѣ и показалъ дары, предназначенные для императора. Я купилъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ матерій, статуетокъ боговъ, серебряный сосудъ и еще кое-что, чего, такимъ образомъ, императору уже не досталось. Торгуясь, мы попивали чай изъ Лассы при мерцающемъ свѣтѣ масляныхъ лампадокъ, горѣвшихъ передъ походнымъ алтаремъ; двое ламъ пѣли передъ нимъ и били въ гонгонгъ.

Въ Донкырѣ мы пополнили запасъ провіанта, и я съ тѣхъ поръ питался главнымъ образомъ яйцами. Губернаторъ не пожелалъ отдать мнѣ визита, и я далъ понять его толмачу, что онъ, такимъ образомъ, нарушилъ правила и китайской и европейской вѣжливости.

Хозяйка моя сообщила мнѣ относительно возстанія дунганъ, что оно распространилось и на Донкырѣ лѣтомъ 1895, и что сами китайцы подали къ тому поводъ. Когда возмущеніе разразилось въ области Синина, китайцы и здѣсь стали готовиться къ войнѣ, лили пушки, ковали мечи, словомъ, вооружались всячески. Многіе, проживавшіе въ Донкырѣ, дунганы подумали, что приготовленія эти направлены противъ нихъ, возмутились и бѣжали въ сильно укрѣпленное мѣсто То-ба по дорогѣ въ Сининъ. Тутъ ихъ осадили китайцы, и они, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мужественнаго сопротивленія, должны были сдаться.

Объявленіе о сдачѣ привязали къ острію стрѣлы и пустили ее въ китайскій лагерь. Дунганы сдавались подъ условіемъ свободнаго пропуска изъ города. Китайцы обѣщали, но потребовали, чтобы всѣ жители сложили оружіе. Когда-же тѣ вышли изъ города безоружными, китайцы окружили ихъ и большую часть убили. Остальные пробились и спаслись въ горы. При сдачѣ То-ба тамъ должно было находиться до 18 тысячъ дунганъ.

Оставшіеся въ Донкырѣ дунганы были очень встревожены и, опасаясь за себя, послали къ губернатору депутацію съ завѣреніемъ, что они желаютъ остаться вѣрными императору и не имѣютъ ничего общаго съ бунтовщиками. Ихъ и оставили въ покоѣ. Но вотъ, разъ одинъ китаецъ, женатый на дунганкѣ, побилъ ее, и она въ гнѣвѣ крикнула, что скоро-де дунганы перебьютъ всѣхъ китайцевъ въ Донкырѣ. Мужъ донесъ объ этомъ властямъ, и въ результатѣ все дунганское населеніе города, и женщины и дѣти, было вырѣзано, такъ что кровь ручьями лилась по улицамъ.

18 ноября я простился съ мистриссъ Рейнгардъ, и мы сдѣлали небольшой переходъ до упомянутаго выше селенія То-ба. Долина была узка, и спускъ очень крутъ. Рѣка такъ клубилась и кипѣла, что между скалами стоялъ неумолчный грохотъ. Во многихъ мѣстахъ долину ничего не стоитъ пре-

градить, и понятно, почему шайки дунганъ не пробрались въ Донкыръ, несмотря на то, что были всего въ 20 ли оттуда.

Нѣкоторыя небольшія селенія, живописно расположенныя на скалахъ и выступахъ въ извилинахъ рѣки, были защищены стѣнами и крѣпостной. По направленію къ Донкыру двигались длинные караваны верблюдовъ, позванивая колокольчиками; въ Донкырѣ ведется мѣновая торговля между монголами и тангутами съ одной стороны и китайцами съ другой. Многія селенія разорены въ концѣ въ послѣднюю междоусобицу и представляютъ печальное зрѣлище.

Одинъ человѣкъ изъ То-ба увѣрилъ насъ, что въ городѣ нѣтъ ни одного „дяна“, т. е. постоялаго двора, и мы расположились прямо въ полѣ. Самое мѣстечко представляло въ сущности груды развалинъ. Всѣ улицы были завалены щебнемъ и обломками. Лишь кое-гдѣ виднѣлись вновь выстроенныя китайскіе дома и лавки. Высокая четырехугольная крѣпостная стѣна была вся продырявлена ядрами. На башнѣ развѣвались китайскіе флаги съ высокопарными надписями, извѣщавшими о побѣдѣ китайцевъ.

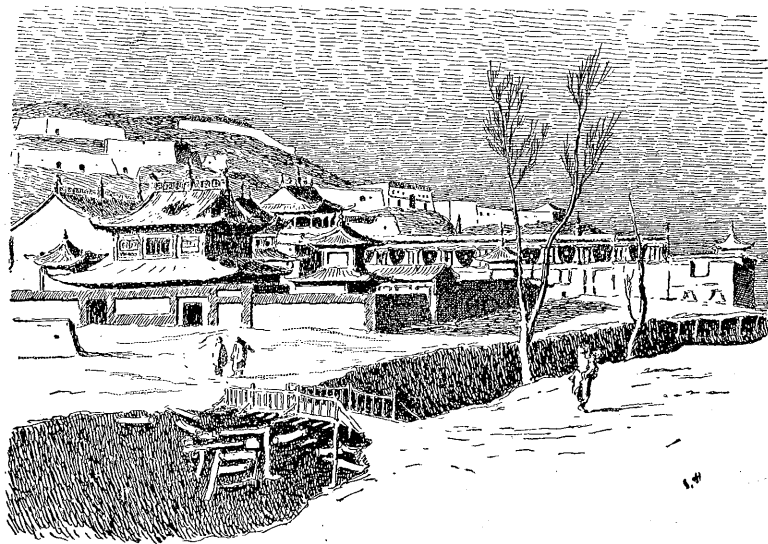
Безъ сомнѣнія, дунганы, все вооруженіе которыхъ состояло изъ копій и мечей, проявили большое мужество и недюжинныя военныя способности, если могли нѣсколько мѣсяцевъ выдерживать осаду города могущественнымъ непріателемъ. Но, конечно, имъ много помогали выгоды позиціи: мѣстечко полукругомъ обступили крутыя горы, а передъ нимъ течетъ рѣка, мосты на которой были во время уничтожены.

Внутри крѣпостной ограды возвышается красивая китайская кумирня Ли-бе-я, состоящая изъ нѣсколькихъ небольшихъ башенокъ; изогнутыя крыши ихъ съ острыми выдающимися углами были украшены головами драконовъ и разными орнаментами. Главной частью сооруженія является пагодообразная башня съ четырехъярусной крышей. Вся постройка красиво облицована зеленымъ каолиномъ. Кучи кирпичныхъ обломковъ и черепковъ фаянса свидѣтельствовали, что дунганы постарались испортить кумирню. Но даже и въ испорченномъ видѣ она сохраняетъ величественный видъ, гордо возвышаясь надъ развалинами То-ба и блестя на солнцѣ своей красивой облицовкой. Около нея копошилось нѣсколько

китайцевъ, запасавшихся тутъ кирпичомъ для постройки себѣ новыхъ жилищъ.

На слѣдующій день я раздѣлилъ караванъ на двѣ части. Парпи-бай съ лошадинымъ караваномъ долженъ былъ отправиться прямо въ Сининъ, а я, Исламъ-бай, Лопсенъ, одинъ монголъ и 4 верблюда — въ Ло-сэръ, т. е. китайскую слободу, около которой находится знаменитый монастырь Гумбумъ.

Итакъ, часть нашего каравана продолжала путь по главной долинѣ, а я направилъ путь къ югу по широкой долинѣ

Видъ Гумбума.
(Съ рисунка автора).

съ отлогимъ подъемомъ. Сначала мы перешли дѣлившуюся затѣмъ на 5 рукавовъ рѣку; главное русло ея несло около 25 куб. м. воды въ секунду. Дорога шла одно время, глубоко врѣзавшись между лёссовыми холмами, но затѣмъ приблизилась къ рѣчкѣ боковой долины; притокъ воды въ ней равнялся 6 куб. м. въ сек. Миновали нѣсколько селеній, окруженныхъ хлѣбными полями. Самыми крупными были селенія Юэнь-сянь и Бань-ся.

Рѣчка эта очень удобна для устройства на ней мельницъ, и по берегу расположено ихъ нѣсколько.

Мы оставили рѣку направо и продолжали путь по мяг-

кимъ, округленнымъ горнымъ склонамъ, въ которые врѣзалась дорога, мѣстами высоко подымаясь надъ рѣчной долиной; затѣмъ дорога дугой завернула къ NO.

На скатѣ холма расположилась амфитеатромъ слобода Ло-сэръ. Сначала дома шли въ рядъ только по лѣвую руку, но скоро крыши вынырнули и справа, и, наконецъ, мы вступили на треугольную площадь, гдѣ нашелся постоянный дворъ.

Расположились мы въ маленькой чердачной коморкѣ, куда надо было втащить и всѣ наши пожитки. Внизу у нашихъ ногъ раскинулось все селеніе со своими дворами и закоулками, а на холмахъ на юговостокѣ виднѣлись бѣлыя стѣны знаменитаго монастыря Гумбума.

20 ноября. Утромъ я съ Лопсеномъ пошелъ пѣшкомъ въ монастырь. Ѣздить по этимъ священнымъ тропамъ нельзя, — побьютъ камнями. Ручей Ло-сэръ течетъ къ ONO, ручей Гумбумъ къ N, и около Ло-сэра они сливаются. Ручьи эти текутъ въ глубокихъ руслахъ то между мягкими, округленными то между крутыми холмами; на холмахъ амфитеатромъ раскинулось все это своеобразное царство кумирень, носящихъ въ общемъ названіе Гумбума (Кумъ-бумъ), т. е. „Десяти тысячъ изображеній“.

По лѣвому берегу ручья Гумбумъ идетъ дорога, ведущая прямо къ воротамъ, увѣнчаннымъ „субурганомъ“ (пирамидальной башенкой) съ шаромъ, спицемъ и четырьмя львами по угламъ. У воротъ китайскіе купцы настроили ларей и продаютъ богомольцамъ чашки, шелковыя повязки, мѣдную посуду, а также трубки, табакъ, ножи, сушеные плоды и пр.

Карабкаясь по крутымъ холмамъ и каменнымъ ступенямъ, добрались мы до жилища „живаго Будды“. Это былъ 30-лѣтній мужчина, коротко остриженный, безбородый, одѣтый въ платье изъ темнокрасной матеріи, оставлявшее руки обнаженными. Стѣны помѣщенія были увѣшаны безчисленными статуэтками, заключенными въ рѣзные и расписанные шкафчики, а также священными флагами и знаменами, на которыхъ были изображены разныя тибетскія божества. На возвышеніи около одной изъ стѣнъ сидѣлъ самъ „живой Будда“ и бормталъ, перебирая четки „омъ мани падме хумъ.“ Лопсенъ снялъ шапку и палъ ницъ передъ нимъ. Онъ милостиво протянулъ

руки и благословилъ Лопсена. Затѣмъ, онъ предложилъ намъ чаю и освѣдомился о нашемъ путешествіи. На мою просьбу о позволеніи осмотрѣть кумирни онъ согласился, но прибавилъ, что срисовывать тамъ что либо строго запрещено.

Получивъ это разрѣшеніе, мы отправились. Центръ монастыря составляетъ цѣлый лабиринтъ кумирень съ четырехугольными, или неправильной формы дворами. Самою главною является кумирня Сирканъ съ острой, круто изогнутой золоченою крышею. Передъ фасадомъ кумирни росло огороженное палисадомъ дерево о пяти стволахъ. Теперь оно было голо, но, говорятъ, что каждую весну на немъ вырастаютъ листья

Ламы.

(Съ русской фотографіи).

съ надписью: „омъ мани падме хумъ.“ Листья эти продаются паломникамъ; къ сожалѣнію, запасъ ихъ уже истощился къ нашему прибытію.

Согласно утверженію Гюка, эта надпись и дала кумирнѣ ея названіе. Но, разумѣется, видѣнное мною дерево было не то самое, которое описывалъ Гюкъ. На мой взглядъ, оно было для этого слишкомъ молодо, да и росло въ другомъ мѣстѣ.

Патеръ-же видѣлъ листья съ упомянутой надписью и говоритъ объ этомъ такъ:

„Прежде всего мы тщательно стали разсматривать листья и, къ полному нашему изумленію, дѣйствительно увидали на каждомъ листочкѣ явственно выступавшія тибетскія письма. Последнія рисуются на зеленомъ фонѣ листьевъ иногда болѣе темными, иногда болѣе свѣтлыми линиями. Казалось, что письма эти составляли такую-же неотъемлемую частицу листьевъ, какъ и жилки; мы всячески старались открыть тутъ поддѣлку, но напрасно.“

Я лично не видалъ листьевъ съ надписью, а Лопсентъ на мой вопросъ, какъ объяснить это явленіе, отвѣтилъ, что ламы сами оттискиваютъ письма на листьяхъ.

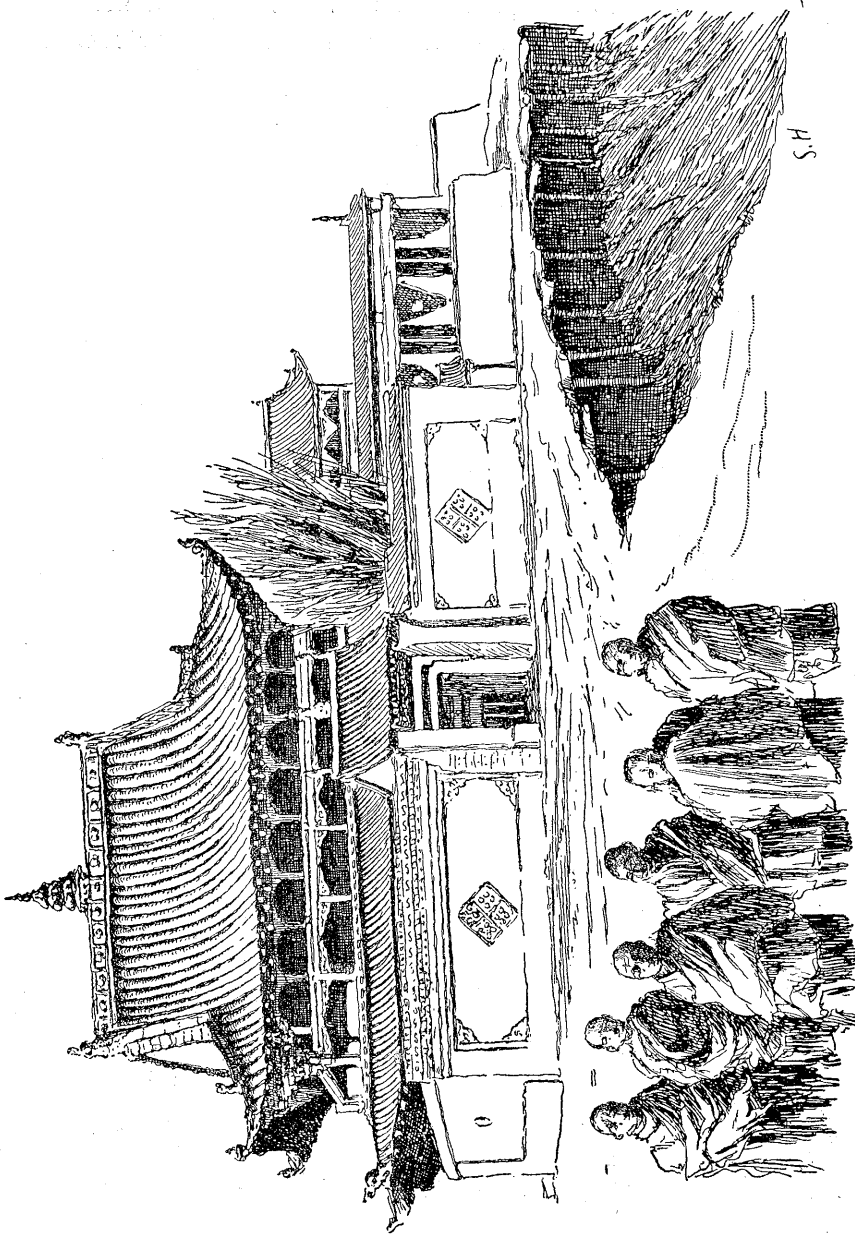
Фасадъ кумирни представляетъ веранду, крыша которой опирается на шесть деревянныхъ колоннъ, покрытыхъ росписной рѣзбой. Дощатый полъ былъ весь изборожденъ желобками съ гладко отполированными боками. Возникновеніе этихъ желобковъ я могъ прослѣдить воочию. Какъ разъ въ данную минуту передъ кумирней совершали моленіе нѣсколько тангутовъ и ламъ; каждый, стоя передъ двумя такими бороздками, вдругъ падалъ ницъ и вытягивался во весь ростъ, скользя передъ собой руками по этимъ бороздкамъ, лежалъ съ минуту, уткнувшись лбомъ въ полъ, затѣмъ снова вставалъ, прижималъ сложенные руки ко лбу и груди, бормоча молитвы, опять падалъ ницъ и такъ разъ за разомъ безъ конца. Мнѣ ужъ надоѣло глядѣть на нихъ.

Передъ ними, въ лицевой стѣнѣ кумирни зіяли три двери, красиво окованныя мѣдью. Двери были открыты, но входы были до половины задернуты занавѣсями. Мы вошли, и глазамъ нашимъ представился настоящій музей. Высокіе своды обширной четырехугольной залы вздымались подъ самую крышу, покрытую позолотой. Глубокій, мистическій сумракъ царствовалъ въ помѣщеніи.

Посреди залы возвышалась колоссальная статуя Цзонкавы около 10 м. высоты, окутанная мантиями, открывавшими только голову и руки. Молчаливо и важно сидѣлъ онъ, прерзительно глядя на богомольцевъ, которые въ потѣ лица вышлифовывали въ полу борозды своими грубыми руками. Вокругъ него виднѣлись разныя статуйки поменьше; каждая была

заклучена въ особый шкафчикъ или родъ будки съ изукрашенною лицевой стороной.

Бумирня въ Гумбумъ.
(Съ рисунка автора).

Передъ Цзонкавой горѣло пять лампадъ, а передъ ними стояли на полу полдюжины красивыхъ мѣдныхъ вазъ въ метръ вышины. Въ нихъ хранились съѣдобныя приношенія

божеству вродѣ риса, муки, цамбы, воды, чая и т. п. Каждая ваза была прикрыта деревянной крышкой съ дырочкой, сквозь которую и видно было содержимое вазы. И на крышкахъ горѣли лампы, увеличивавшія мистическій оттѣнокъ освѣщенія.

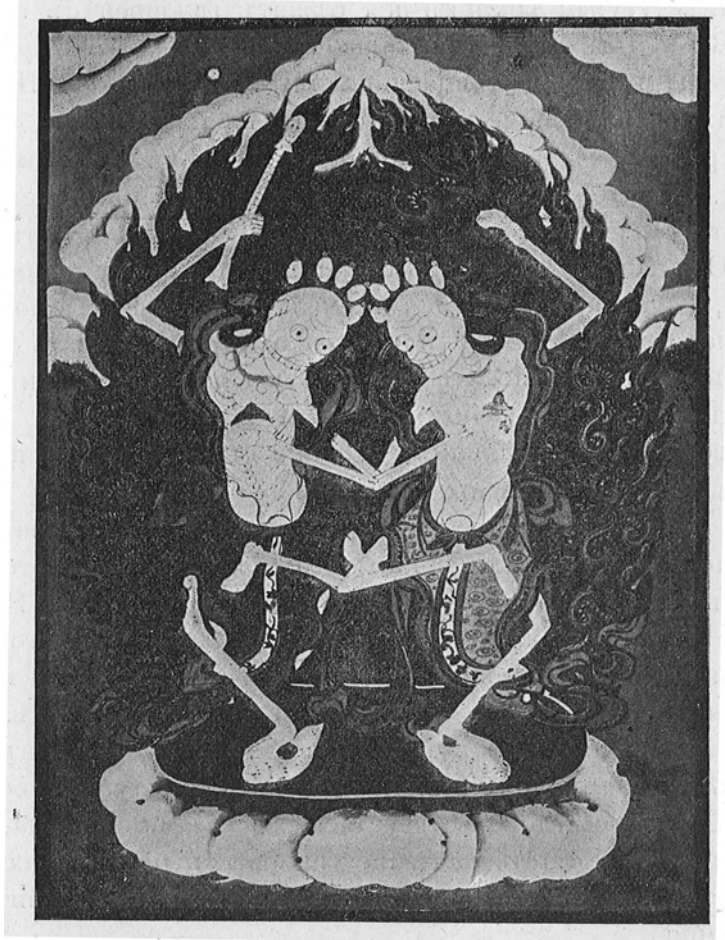

Лама.

(Съ рисунка автора).

Статуя Цзонкавы была окружена расположенными четырёхугольникомъ колоннами. Къ капителямъ переднихъ ко-

лоннѣ былъ прикрѣпленъ въ нѣсколько наклонномъ къ главному входу положеніи прямоугольный, художественной работы щитъ, съ китайскою надписью золотомъ на темномъ фонѣ. Надпись гласила, что властитель этого храма Эцзинъ-ханъ, императоръ китайскій.

„Танка“ или храмовой флагъ.

(Съ фотографіи Даллѣфа).

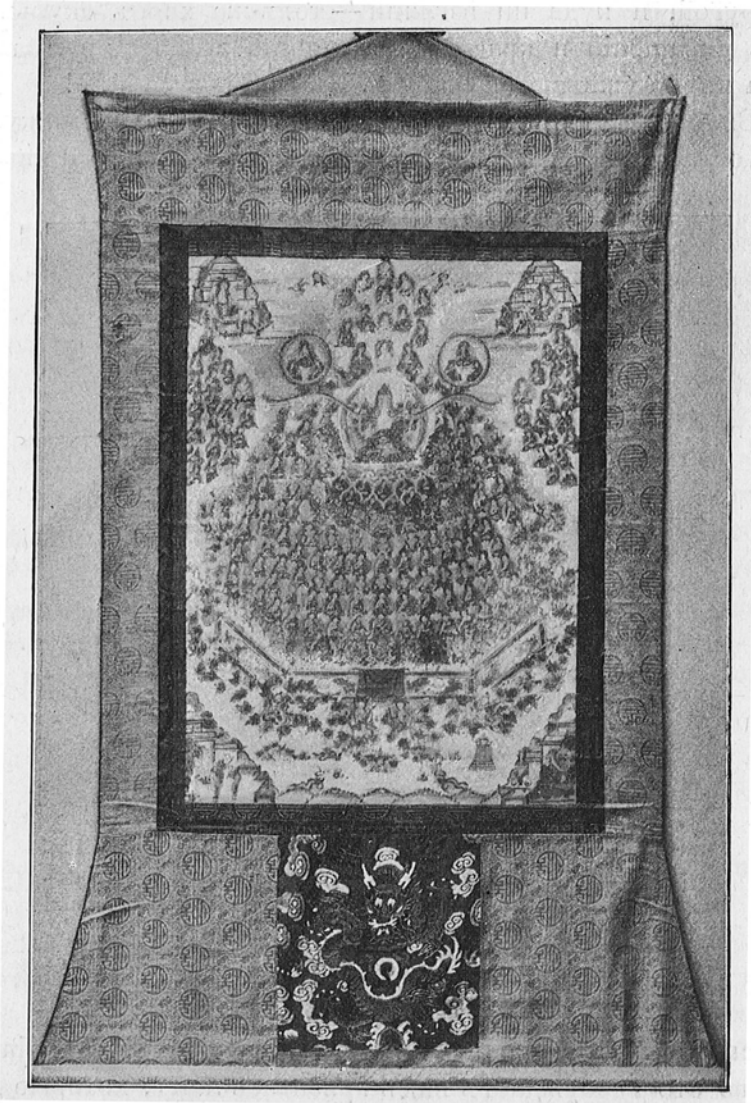
Рядомъ съ изображеніями божествъ и вдоль стѣнъ шли длинныя полки съ безчисленными связками священныхъ рукописей, перевязанныхъ тоненькими ремешками и вложенныхъ въ крышки изъ матерій. Глядя на всѣ эти диковинки, собранныя здѣсь, въ этихъ пустынныхъ областяхъ, испытываешь живѣйшее желаніе унести ихъ съ собою домой.

Сирканъ находится среди лабиринта подобныхъ-же кумирень, правда, не имѣющихъ золоченой крыши, но также вмѣщающихъ сонмы болѣе или менѣе крупныхъ, одѣтыхъ въ драгоценныя одежды, статуй съ вызолоченными лицами и руками. Здѣсь-же, окруженная дворами, возвышается кумирня Цзокчинъ-дугунъ; вокругъ нея бѣжитъ галерея съ колоннами. Въ ней между двумя горизонтальными рядами бревенъ укрѣплены валы, вертящіяся на двухъ стержняхъ. Выкрашенная въ голубой, или зеленый цвѣтъ поверхность этихъ цилиндрическихъ валовъ покрыта золотыми тибетскими писменами. Нѣкоторыя ламы специально тѣмъ и занимаются, что обходятъ галерею и постоянно приводятъ цилиндры въ движеніе. Ось каждаго цилиндра обмотана тоненькими полосками бумаги, на которыхъ оттиснута мелкимъ шрифтомъ молитва „омъ мани падме хумъ,“ и стоитъ цилиндру сдѣлать одинъ оборотъ, чтобы молитва вознеслась къ богамъ тысячи разъ. Поистинѣ удобный способъ молиться!

Дворы кишѣли ламами; всѣ они были съ обнаженными головами, коротко остриженные, безбородые, смуглые, худощавые. Одѣяніе ихъ состояло изъ куска красноватой матеріи, наброшенной, какъ пледъ или тога, на плечи и обмотанной вокругъ таліи. Правое плечо почти всегда обнажено. Различаются эти ламы между собою, кажется, только тѣмъ, что одни погрязнѣе, другіе почище. Нѣкоторые прямо черны, какъ трубочисты или негры. Зло беретъ глядѣть на этихъ бездѣльниковъ, слоняющихся вокругъ величественныхъ храмовъ. Въ общемъ они были привѣтливы и ласковы, но туги на объясненія. Пришлось удовольствоваться разказами Лопсена. Онъ много разъ присутствовалъ на храмовыхъ праздникахъ въ Гумбумѣ и былъ освѣдомленъ относительно всѣхъ тайнъ богослуженія.

Есть еще зданіе, называющееся Манца-хасынъ съ огромной кухней; здѣсь въ каменный очагъ вмазаны три коллосальныя котла, въ которыхъ варятъ для паломниковъ чай и готовятъ цамбу. Затѣмъ мы вступили во дворъ, вдоль стѣнъ котораго шли колоннады; на стѣнахъ-же были намалеваны изображенія боговъ. Ихъ морщинистые лбы, широкіе носы съ раздутыми ноздрями, вывороченныя губы, закрученные кверху усы и черныя брови дѣлаютъ ихъ болѣе похо-

жими на злыхъ духовъ, чѣмъ на боговъ. Но, изображая ихъ такимъ образомъ, хотѣли, вѣроятно, представить ихъ страшное всеокрушающее могущество.

„Танка“ съ изображеніями храмовъ Лассы и Гумбума, Цзонкавы и пр. (1½ м. высоты).

(Съ фотографіи Даллѣфа)

Въ общемъ архитектура оригинальная и фантастическая, выражающая особенности вкусовъ тибетцевъ. Но сына запада, привыкшаго къ гармоніи формъ, она скоро утомляетъ. Она

не производитъ на него того умиротворяющаго отраднаго впечатлѣнія, какое онъ выноситъ, созерцая западные храмы. Здѣсь взоръ бѣжитъ съ одного фронтона, съ одного пестраго завитка на другой, и куда ни взгляни — тотъ-же хаосъ скульптурныхъ украшеній и красокъ, гдѣ синій, зеленый и лиловый цвѣта мирно уживаются рядомъ. Въ глазахъ рябитъ!

Внушительное впечатлѣніе, производимое самыми кумирями, ослабляется непріятнымъ чувствомъ, котораго я никогда

Серебряная чаша (изъ Лассы), молитвенный барабанъ изъ двухъ череповъ (изъ Гумбума) и молитвенные валики изъ матеріи, мѣди и серебра (изъ Гумбума). ($\frac{1}{6}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

не испытывалъ въ магометанскихъ мечетяхъ. Непріятное чувство это возбуждаетъ видъ грязныхъ ламъ, которые день деньской сидятъ себѣ между колоннами, перебирая четки. Стоило же мнѣ приняться за какой нибудь набросокъ, они ползли ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей, какъ тараканы, и обступали меня со всѣхъ сторонъ. Большинство изъ нихъ подростки 10—15 лѣтъ, которые готовятся при монастырѣ къ сану ламъ.

Въ одномъ изъ помѣщеній звонко раздавалась обычная молитва, нараспѣвъ повторяемая толпой мальчиковъ. Выходило довольно красиво. Но славно было вновь очутиться на свѣжемъ воздухѣ. Въ общемъ въ картинѣ этой всетаки не мало общаго съ картиной монастырской жизни и въ нашей дорогой Европѣ.

На холмахъ вокругъ и выше храмовъ амфитеатромъ раскинулись дома. Ряды бѣлыхъ стѣнъ казались изъ Ло-сэра длинными простынями, развѣшанными для просушки. Великою Гумбумъ превосходить и Донкыръ и Ло-сэръ; особенный наплывъ народа бываетъ здѣсь въ храмовые праздники, когда сюда стекаются богомольцы изъ Тибета, Цайдама, Куку-нора и Монголіи.

21 и 22 ноября мы провели въ Ло-сэрѣ, и я еще два раза посѣтилъ Гумбумъ, чтобы срисовать нѣкоторые виды. Услышавъ, что я покупаю храмовые флаги и бурхановъ, ламы стали являться ко мнѣ въ сумерки съ этими предметами, и я приобрѣлъ нѣсколько неособенно дорогихъ. Кромѣ того я купилъ разные жертвенные сосуды изъ мѣди, нѣсколько серебряныхъ футляровъ и одинъ „дамару“ или молитвенный барабанъ, сдѣланный изъ двухъ череповъ.

XXV.

Сининъ-Фу. Возстаніе дунганъ. Новый караванъ.

23 ноября мы запаковали нашъ багажъ, что взяло порядочно времени, и могли выступить въ Сининъ лишь около полудня. Путь почти весь день велъ между округленными, пыльными, красноватыми холмами; вслѣдствіе оживленнаго движенія, дорога углубилась между ними метра на 4—6 и напоминала карридоръ; впереди и позади себя можно было видѣть свободное пространство, но съ боковъ ландшафтъ былъ закрытъ.

Большею частью ложбина эта была такъ узка, что двумъ арбамъ не развѣхаться было-бы. Тамъ и сямъ ее пересѣкали ручьи, и вода, естественно, сбѣгала по ложбинѣ, какъ по жо-

лобу. Верблюды скользили и спотыкались, идя по этому мѣсиву. Послѣ солнечнаго заката, когда вода подмерзла, стало еще хуже.

Мы ѣхали по долинѣ часъ за часомъ, минуя по пути встрѣчные караваны, селенія и ручьи. Наконецъ, наступили сумерки и затѣмъ тьма. Да, полная тьма, хоть глазъ выколи. Пренеприятно было ѣхать, не видя ни зги. Наконецъ, проводникъ нашъ остановился передъ стѣной съ гигантскими воротами; это былъ вѣздъ въ Сининъ-фу.

Мы принялись стучать въ ворота ручками хлыстовъ и окликать сторожа, который расхаживалъ по стѣнѣ, колотя въ барабанъ. Ворота запираютъ рано изъ боязни дунганъ, и разъ они закрылись, въ городъ уже не попадешь. Я растолковалъ сторожу, что, если онъ поспѣшитъ въ ямень къ дао-таю и добьется для путешественника-европейца дозволенія войти въ городъ, то получить хорошее вознагражденіе. Сторожъ послалъ гонца, а мы остались ждать во мракѣ у воротъ. Черезъ полтора часа посланный вернулся съ заявленіемъ, что ворота намъ откроютъ — утромъ. Не оставалось ничего другого, какъ отправиться въ ближайшее селеніе, гдѣ мы послѣ большихъ хлопотъ и попали подъ крышу.

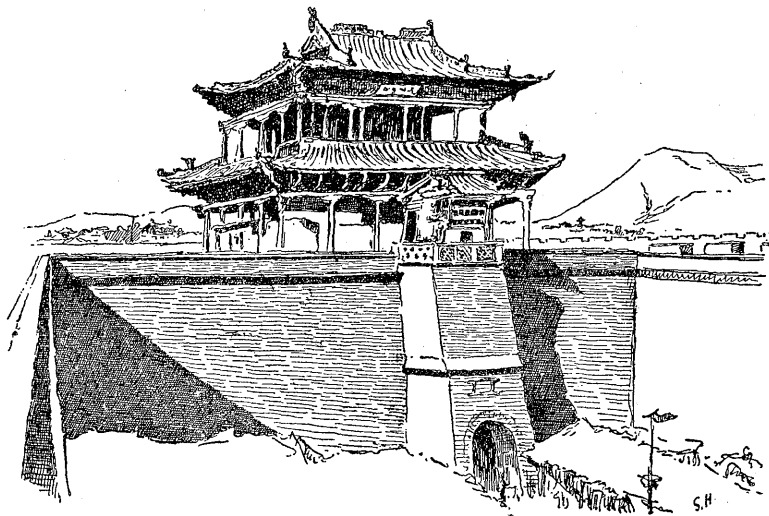
Едва успѣлъ я на другое утро одѣться, какъ ко мнѣ явились гости, двое англичанъ, мистеръ Ридлэй и мистеръ Гунтеръ. Они принадлежали къ Внутренней Китайской Миссіи и носили китайскую одежду и косы, такъ что лишь черты лица выдавали ихъ европейскую расу. Мистеръ Ридлэй пригласилъ меня въ свой домъ, и я до 30 ноября пользовался гостеприимствомъ его и его любезной супруги и всеми удобствами европейскаго комфорта. Мнѣ сначала даже какъ-то неловко было очутиться въ настоящей постели съ тюфяками и простынями, сидѣть за столомъ на настоящемъ стулѣ и ѣсть по цивилизованному, употребляя ножъ и вилку. Я, вѣдь, привыкъ сверпать свои трапезы, полулежа, передъ миской съ рисомъ, поставленной прямо на землю.

Мистеръ Ридлэй со своими помощниками Гунтеромъ и Галлемъ занимали китайскій домъ съ большимъ четырехугольнымъ дворомъ, обставленный очень уютно и комфортабельно. Миссіонеры успѣли снискать себѣ горячее расположеніе населенія во время дунганскаго возстанія, когда они обнаружили

столько энергии и самопожертвованія, ухаживая въ устроенномъ ими-же госпиталѣ за ранеными солдатами. Безъ сомнѣнія, такая дѣятельность и сослужила службу распространенію христіанства среди китайцевъ. Въ воскресенье утромъ я слышалъ изъ своей комнаты псалмы, распѣваемые въ униссонъ, подѣ аккомпаниментъ органа, цѣлою толпою китайцевъ.

Но я обязанъ четѣ Ридлэй глубокой благодарностью не только за ихъ сердечное гостепрѣимство, а и за многія другія важныя, оказанныя ими мнѣ услуги. Сининъ-фу явился важ-

Одни изъ Сининскихъ воротъ.

(Съ рисунка автора).

нымъ пунктомъ на длинной красной линіи, протянувшейся по Центральной Азії.

Здѣсь надо было совершенно реорганизовать нашъ караванъ, согласно мѣстнымъ условіямъ. Здѣсь-же мнѣ предстояло проститься съ моими вѣрными слугами изъ Восточнаго Туркестана, которые отсюда должны были вернуться къ своимъ далекимъ очагамъ по большому пути черезъ Гань-чжоу, Су-чжоу, Хами и Курлю. Я побывалъ у дао-тая и добылъ для нихъ внушительный паспортъ огромныхъ размѣровъ. Получить его было не трудно, такъ какъ они всѣ почти были китайскими подданными. Призвавъ затѣмъ туркестанцевъ къ себѣ въ

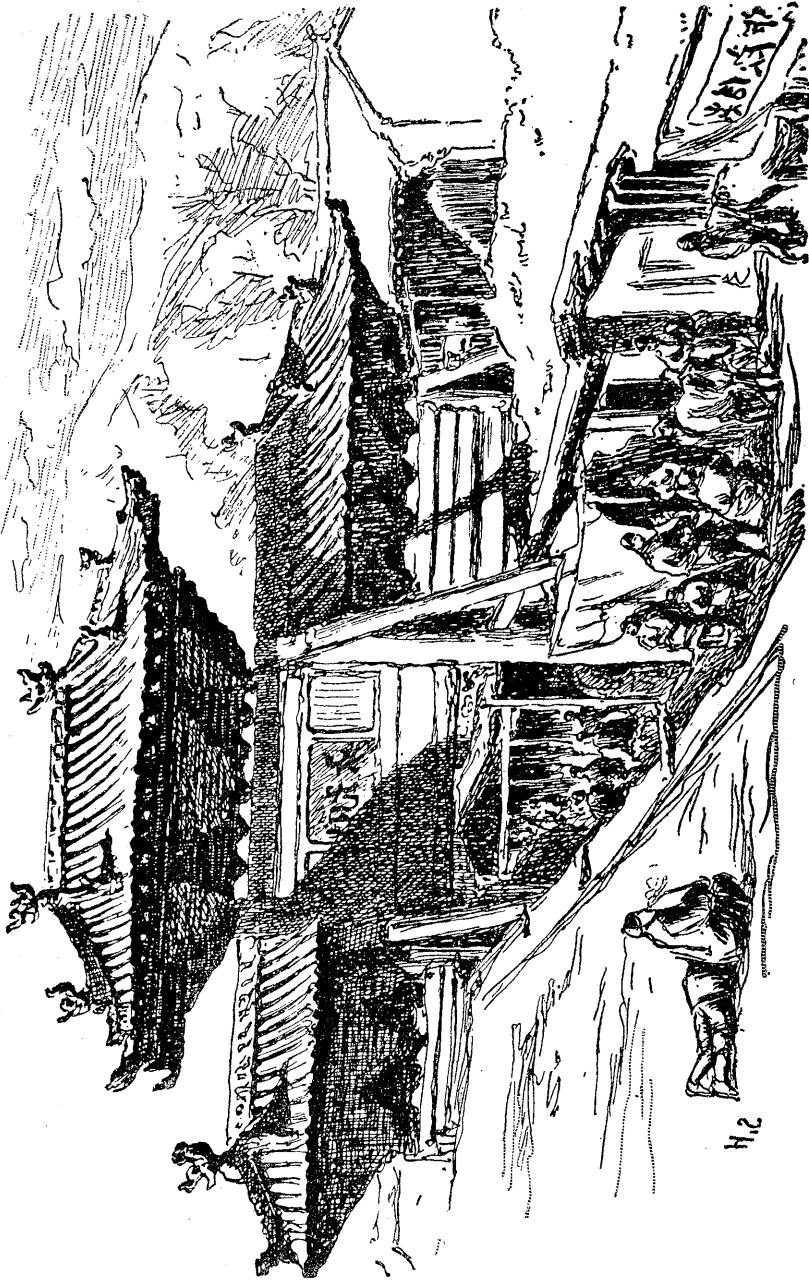
комнату, я свелъ счеты и, когда выяснилось, сколько каждому приходилось получить, далъ вдвое къ ихъ общему удовольствію. Они вполне это заслужили; безъ нихъ мнѣ-бы пришлось туго. Кромѣ того, я отдалъ имъ всѣхъ монгольскихъ лошадей, кромѣ двухъ верховыхъ, нужныхъ для насъ съ Исламомъ, а также обезпечилъ имъ на весь путь продовольствіе, частью натурой, частью деньгами.

Трое слугъ, Ладакцевъ, пропавшихъ изъ отряда капитана Уэльби, встрѣченные нами въ Донкырѣ, куда они добрались безъ ничего, то-же получили денегъ и продовольствіе и должны были отправиться домой вмѣстѣ съ моими слугами. Парпи-бая, который уже однажды совершилъ этотъ путь, они сдѣлали своимъ караванъ-баши, и я далъ ему револьверъ съ боевыми припасами. Всѣ они были очень довольны и благодарны, и мы разстались добрыми друзьями. Надѣюсь, что они достигли своей родины такъ же благополучно, какъ и я.

Послѣ такой чувствительной убыли въ моей кассѣ, мистеръ Ридлэй сосчиталъ и взвѣсилъ оставшійся у меня запасъ серебра. Оказалось 770 ланъ, которыхъ вполне должно было хватить до Пекина. Почтовые курьеры проѣзжаютъ этотъ путь въ 28 дней, а намъ предстояло пребыть въ пути три мѣсяца.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ вдаваться въ описаніе Синина-фу. Довольно сказать, что городъ окруженъ, по азіатскимъ понятіямъ, почти неприступной четырехугольной стѣной, очень толстой, массивной и солидно построенной; по гребню ея проходитъ настоящая улица. Видъ со стѣны открывается широкій и величественный. Внутри, за стѣной, разстилается настоящая мозаика китайскихъ крышъ изъ красной черепицы съ головами драконовъ, и сѣтъ улицъ, параллельнымъ четыремъ сторонамъ стѣны. Главная улица проходитъ городъ насквозь по самой серединѣ; по этой улицѣ расположены главнѣйшіе ямены или присутственные мѣста, съ украшенными богатой лѣпкой воротами и зловѣще размалеванными часовыми — каменными львами и драконами. Подобныя ворота попадаются кое-гдѣ и на улицахъ; они воздвигнуты на средства, завѣщанныя богатыми людьми, которые пожелали такимъ образомъ сохранить свое имя потомству.

Не могу, однако, покончить съ Сининомъ, не коснувшись

Одни изъ богато украшенныхъ уличныхъ воротъ въ Сининѣ.
(Съ рисунка автора).

въ общихъ чертахъ дунганскаго возстанія, о которомъ много поразсказалъ мнѣ мистеръ Ридлэй.

Возмущеніе, грозившее, какъ и первое дунганское возстаніе, охватить пламенемъ междоусобной войны громадныя пространства китайскихъ владѣній въ Азій, но во-время подавленное китайцами, началось въ декабрѣ 1894 г. въ Саларскомъ округѣ, гдѣ двѣ магометанскія секты Ляо-джао и Шинь-джао (Старая и Новая вѣра) подняли религіозную распрю. Дао-тай Сининскій неразумно вмѣшался въ распрю, велѣлъ арестовать пятерыхъ вожаковъ толка Ляо-джао и пригвоздить ихъ къ городской стѣнѣ. Тогда салары напали на китайскій отрядъ и изрубили его до одинаго человѣка. Мандарины вывѣсили на всѣхъ городскихъ стѣнахъ воззванія, приглашавшія остальное населеніе истреблять саларовъ. Дунганы (т. е. китайскіе подданные, исповѣдующіе исламъ) поняли, чѣмъ это пахнетъ и порѣшили, что лучше предупредить врага, нежели быть предупрежденными. И возмущеніе стало быстро охватывать область за областью. Въ іюлѣ 1895 г. оно достигло Синина. Сельскіе жители массами укрывались со своимъ добромъ въ городскихъ стѣнахъ, такъ что народонаселеніе города возросло съ 20,000 до 50,000.

Начались стычки за городомъ и въ долинахъ, ведущихъ къ Синину. Раненыхъ китайцевъ отвозили въ городъ, кумирня была превращена въ госпиталь, и мистеръ и мистрисъ Ридлэй ухаживали за ранеными дни и ночи.

Цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ городъ былъ обложенъ, и на стѣнахъ каждую ночь дежурили 3,000 солдатъ. У каждаго десятаго солдата была въ рукахъ лампа, чтобы видно было, не спитъ ли кто изъ солдатъ и не идутъ ли дунганы на приступъ. 1-го сентября возмутились жители большого магометанскаго селенія Тунь-куань, собственно предмѣстья Синина, находящагося за восточными воротами города, и перерѣзали всѣхъ китайцевъ. Скоро въ городѣ сдѣлался голодъ и начались повальныя болѣзни. Когда-же истощилось и топливо, китайцы стали, собираясь большими партіями, дѣлать тайныя вылазки изъ города, но дунганы были себѣ на умѣ, караулили ихъ въ засадѣ и умерщвляли всѣхъ.

Нѣсколькихъ мандариновъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи бунтовщикамъ, чернь выволокла на улицу, таскала ихъ, всячески мучила и, наконецъ, умертвила. Трусливому начальнику города, дао-таю, съ трудомъ удалось спастись. Но, по

окончаніи войны, онъ былъ призванъ къ императору и получилъ шелковый шнурокъ, означавшій: ступай домой и повѣсься. Онъ не послѣдовалъ приглашенію, но лишилъ себя жизни въ Лань-чжеу.

Со дня на день ждали капитуляціи, и китайцы уже роздали своимъ женамъ большія порціи опиуму для принятія въ моментъ сдачи города, чтобы не доставаться въ руки магометанъ. Но, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ и превосходному командиру войскъ, генералу Дженъ-таю, городъ продержался до января 1896 г., когда явился на помощь съ 2000 солдатъ генераль Хо, вернувшійся съ войны съ японцами. Хо былъ отличный человѣкъ, который и до сихъ поръ оставался въ Сининѣ, и я съ нимъ познакомился.

Нельзя и сказать, какую жестокость проявляли обѣ стороны. Маленькихъ дѣтей протыкали копьями, плѣнныхъ подвергали жесточайшимъ пыткамъ. Чернь завывала отъ восторга, какъ дикій звѣрь, когда солдаты генерала Хо возвращались съ плѣнными дунганями, закованными въ цѣпи. Ихъ торжественно проводили по улицамъ Синина въ ямень Дженъ-тая на судъ. Приговоръ слѣдовалъ быстро, ихъ выводили за ворота и перерѣзывали имъ глотки тупыми ножами. Затѣмъ, вспарывали имъ грудь, вынимали сердце и печень, вздѣвали послѣднія на копья, и солдаты тащили ихъ въ ближайшую харчевню, гдѣ жарили и пожирали ихъ. Китайцы вѣрятъ, что съѣвшій сердце и печень врага, приобретаетъ и мужество умершаго.

Въ общемъ, говорятъ, пало въ этой междоусобицѣ до 50,000 дунганъ и столько-же китайцевъ. Магометане — способные и храбрые солдаты, но оружіе у нихъ было плохое. При штурмѣ китайцами Тунъ-куаня, на одну изъ осыпаемыхъ стрѣлами башенъ поставили караульнаго. Едва послѣдній палець отъ пули, мѣсто его тотчасъ занялъ другой, когда палець и этотъ, третій, и такъ до шести разъ. Тутъ предмѣстье было взято, но послѣдній караульный не покинулъ своего поста; тамъ его и взяли.

Китайцы, напротивъ, невѣроятные трусы. Такъ, большой китайскій отрядъ обложилъ одинъ магометанскій городъ недалеко отъ Синина и обстрѣливалъ его стѣны въ теченіе трехъ дней, не смѣя пойти на штурмъ: на стѣнахъ не было видно часовыхъ, и китайцы подозрѣвали засаду. Когда подступив-

пшій къ городу съ нѣсколькими сотнями солдатъ, генераль Хо взорвалъ городскія ворота, на встрѣчу ему вышла слѣпая старуха, послѣдняя обитательница города, и сообщила, что всѣ остальные жители давно ушли въ горы. Она понять не могла, зачѣмъ китайцы подняли такой шумъ передъ пустымъ городомъ.

Положеніе миссіонеровъ въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ было крайне незавидное. Они, какъ и китайцы, со дня на день ждали, что осаждающіе ворвутся въ городъ, какъ стая голодныхъ волковъ, и не оставятъ въ живыхъ ни единой души. Въ сумятицѣ, конечно, убили-бы и миссіонеровъ, тѣмъ болѣе, что они не отличались по одеждѣ отъ китайцевъ.

Время проводили въ напряженномъ ожиданіи. По ночамъ китайцы часто съ дикими криками и воемъ толпами пронеслись по улицамъ, и миссіонеры думали, что роковая минута настаетъ. Тогда мистеръ Ридлэй спѣшилъ, обыкновенно, на городскую стѣну, гдѣ расхаживала ночная стража съ фонарями и кнутами, которыми будила засыпавшихъ солдатъ. Днем со стѣнъ часто можно было видѣть толпы дунганъ, расхаживавшихъ по окрестностямъ; иногда они занимали горные склоны, которые и казались усѣянными черными точками.

Всѣ китайскія кумирни, находившіяся внѣ городскихъ стѣнъ, были сожжены. Я побывалъ на развалинахъ одной, которая была возведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ купцомъ изъ Шань-си. Кучи щебня и золы съ торчавшими изъ нихъ глиняными остовами боговъ представляли своеобразную картину.

Улицы города во время осады представляли ужасное зрѣлище. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, грязь, гниющіе трупы и скученность населенія породили чуму и страшную нужду; маленькихъ дѣтей выбрасывали на улицу, не дожидаясь даже ихъ окончательной смерти, и свиньи и собаки живо справлялись съ ними. Миссіонеры сравнительно не терпѣли нужды, такъ какъ за ихъ важныя услуги въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ солдатамъ Дженъ-тай снабжалъ ихъ съѣстными припасами.

Устрашающимъ памятникомъ мятежа служатъ выставленные на городскихъ воротахъ маленькія деревянныя клѣтки съ головами вожаковъ дунганъ, попавшихъ въ плѣнъ къ

китайцамъ. На клѣткахъ надписи. Въ одной изъ клѣтокъ находилась, какъ гласила надпись, голова убійцы Дютрейля де Рина, хотя, собственно говоря, невозможно было съ точностью указать, кто изъ нападавшихъ нанесъ заслуженному французскому путешественнику смертельный ударъ.

---

1 декабря я съ моимъ неизмѣннымъ Исламомъ-баемъ, оставилъ Сининъ-фу и домъ гостепріимныхъ англійскихъ миссіонеровъ. Достать въ Сининѣ толмача оказалось невозможнымъ, и мистеръ Галль любезно пожертвовалъ мнѣ своимъ временемъ, согласившись сопровождать насъ до Пинь-фая. Мистрисъ Ридлэй наполнила наши провіантныя сумы разными рѣдкими лакомствами, вродѣ лепешекъ, картофеля, меда и варенья.

Новый нашъ караванъ состоялъ изъ 6 лошаковъ и 3 людей, которые за 14 таэлей (ланъ) взяли сопровождать насъ до Пинь-фая. Ягданы разъ навсегда привязали къ выгнутымъ деревяннымъ рамамъ, которыя затѣмъ по-просту подняли на выючныя сѣдла. Только тѣ предметы, въ которыхъ ощущалась надобность каждый вечеръ, были запакованы такъ, чтобы всегда быть подъ руками. Но лошаки бунтовались и упрямылись; одинъ до тѣхъ поръ сбрасывалъ съ себя выюкъ, пока деревянная рама не разлетѣлась въ куски.

Еще хуже оказались нанятые люди, которые весь путь ссорились и бранились. Я радъ былъ, что нанялъ ихъ только на 6 дней. Сопровождаемые любопытными взглядами жителей выступили мы изъ восточныхъ воротъ и прошли по развалинамъ Тунь-куаня. Здѣсь успѣли выстроить новые дома и лавки только на главной улицѣ. У дороги сидѣли старые нищіе магометане. Предмѣстье было занято теперь всякимъ сбродомъ и солдатами, взявшими себѣ въ жены магометанокъ; тѣ довольно спокойно мирились со своей участью.

Потомъ мы очутились уже въ сельской мѣстности, и недавно столь бойкій трактъ мало-по-малу терялъ свое оживленіе. Долина была широка, открыта и ограничена горными склонами, представлявшими округленныя формы. Затѣмъ, она

ненадолго сузилась въ узкій проходъ, гдѣ постоянно царила тѣнь и гдѣ берега довольно значительной горной рѣки Синина были окаймлены ледяной лентой. Загородивъ этотъ узкій проходъ, называемый Шю-ша, дунганы надолго прервали сообщеніе между Сининомъ и Лань-чжоу.

Вечеромъ стало холодно и темно. На встрѣчу намъ попался всего одинъ огромный караванъ верблюдовъ. Караваны эти идутъ только по ночамъ, а днемъ животные пасутся. Перейдя двѣ рѣчки Са-ку-фу и Кунь-янтанъ мы достигли большого селенія Пинь-рунь-и, гдѣ мы съ трудомъ нашли пристанище на постояломъ дворѣ, биткомъ набитомъ проѣзжими. Надо было тщательно вымести глиняный полъ прежде, чѣмъ разостлать на него войлока, такъ какъ на полу кишѣли всякія насѣкомыя послѣ ночевавшихъ тутъ гостей.

2 декабря. Долина постепенно понижалась и около Да-ша (Большого прохода), ограниченной скалами изъ гранита и чернаго сланца, мы миновали узкую балку, куда рѣка, бывшая у насъ по лѣвую сторону, низвергалась водопадами. Затѣмъ, дорога снова расширилась, и показались многочисленныя селенія и поля. Насъ перевезли на паромѣ черезъ рѣку, и мы прибыли въ Нянъ-бэ; ворота оказались еще не запертыми, хотя было уже темно.

Слѣдующій переходъ мы совершили по густо населеннымъ и хорошо воздѣланнымъ участкамъ. Дорогу пересѣкало множество замерзшихъ каналовъ съ остановившимися, окоченными льдомъ мельничными колесами. Въ садахъ росли яблоки, груши, абрикосовыя, персиковыя и сливовыя деревья, а также грецкіе орѣхи; поля приготовлялись къ слѣдующему посѣву. Дорога глубоко врѣзалась въ лессовую почву, ясно обнаруживая и горизонтальные и вертикальные слои и обнажая старые корни растеній, спускавшіеся иногда до самой поверхности дороги. Рѣка вырыла себѣ русло въ такомъ-же лѣссѣ.

Самымъ крупнымъ селеніемъ на нашемъ пути было Као-Міо-цзя. Здѣсь мы остановились позавтракать около открытой харчевни. Намъ часто попадались большіе караваны верблюдовъ, везшихъ тюки съ шерстью изъ Нинъ-ся въ Тянь-цзинъ. Въ Ло-я мы провели ночь.

Продолжая съ 4 декабря путь къ NNO, мы оставили вправо